

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 4 (16) 2020
Выходит 4 раза в год		

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Барсегян А. А.</i> Первые переводы произведений Марины Цветаевой на армянский язык (на материалах переводов Г. Эмина, А. Парсамян и других авторов) <i>Barseghyan A. A. FIRST TRANSLATIONS OF MARINA TSVETAIEVA'S WORK INTO ARMENIAN</i> (based on translations by G. Emin, A. Parsamyan and other authors)	3
<i>Бешикарев А. А., Пыстина О. В.</i> Образ власти в политическом медийном дискурсе Республики Коми <i>Beshkarev A. A., Pystina O. V. THE IMAGE OF POWER IN THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF THE KOMI REPUBLIC</i>	10
<i>Бруцкая Л. А.</i> Ссылка и высылка в Соликамске конца XVII—XVIII вв. <i>Brutskaya L. A. EXILE AND EXPULSION IN SOLIKAMSK AT THE END OF THE XVII—XVIII CENTURIES</i>	18
<i>Морозов Б. Н.</i> Книга “Жития святых” Дмитрия Ростовского с записями конца XVIII в. тотемского купца А. И. Нератова и его потомков <i>Morozov B. N. THE BOOK “LIVES OF SAINTS” BY DIMITRI ROSTOVSKII WITH RECORDS OF THE LATE XVIII CENTURY TOTEM MERCHANT A.I. NERATOV AND HIS DESCENDANTS</i>	36
<i>Поletaева Е. А.</i> Топосы пустынножительства и духовные поиски старообрядчества конца XVII — начала XVIII века <i>Poletaeva E. A. THE TOPOS OF LIFE AND SPIRITUAL QUEST OLD BELIEVERS OF THE END OF XVII — BEGINNING OF XVIII CENTURY</i>	53
<i>Пунегова Г. В.</i> Особенности построения диалога в детской коми художественной литературе (на материале произведений Елены Козловой) <i>Punegova G. V. FEATURES OF BUILDING A DIALOGUE IN CHILDREN'S KOMI FICTION</i> (based on the works of Elena Kozlova)	70
<i>Розов А. Н.</i> Роль жены священника в его жизни (по материалам духовной публицистики и беллетристики второй половины XIX — начала XX в.) <i>Rozov A. N. THE ROLE OF THE PRIEST'S WIFE IN HIS SPIRITUAL LIFE (BASED ON THE MATERIALS OF SPIRITUAL JOURNALISM AND FICTION OF THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY)</i>	80
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>Волкова Т. Ф., Забродина Д. А.</i> Два списка Повести Августина-епископа об обретенном старце, созданных И. С. Мяндиным. <i>Volkova T. F., Zabrodina D. A. TWO LISTS OF THE MIRACLE OF ST. AUGUSTINE ABOUT THE FOUND ELDER, CREATED BY I. S. MYANDIN</i>	106
<i>Мелихов М. В.</i> Пражский список «Истории о гишпанскомъ королевиче Францѣ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ Великобританской и Аглинской» <i>Melikhov M. V. PRAGUE LIST «STORIES ABOUT THE GISHPAN PRINCE FRANZ AND THE BEAUTIFUL PRINCESS RAKSAN OF GREAT BRITAIN AND ENGLISH»</i>	115
<i>Информация об авторах</i>	132

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. Выпуск 4 (16). 132 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Г. В. Пунегова, канд филол. наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка,
литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН, доцент кафедры коми филологии,
финноугроведения и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Издается в авторской редакции

Верстка и техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Подписано в печать 23.12.2020. Дата выхода в свет 11.01.2021.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Формат 70x108/16.
Усл. п. л. 15,3.
Заказ № 178. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»,
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

**ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК**
(на материалах переводов Г. Эмина, А. Парсамян и других авторов)

**FIRST TRANSLATIONS OF MARINA TSVETAEVA'S
WORK INTO ARMENIAN**
(based on translations by G. Emin, A. Parsamyman and other authors)

Статья посвящена первым переводчикам произведений М. Цветаевой на армянский язык. Автор, рассматривая переводы, говорит о важности литературных взаимосвязей, диалога в культуре, умении переводчика передать стиль и смысл оригинала. Он высоко оценивает творчество переводчиков.

Ключевые слова. *Перевод, переводчик, диалог, культура, литературные связи, поэт, стиль, смысл.*

The article is devoted to the first translator of M. Tsvetaeva's works into Armenian. The author, considering translations, speaks about the importance of literary relationships, dialogue in culture, and the translator's ability to convey the style and meaning of the original. He highly appreciates the creativity of translators.

Keywords: *translation, translator, dialogue, culture, literary connections, poet, style, meaning.*

Глобализация привнесла свои изменения в такую сферу творческой деятельности, как перевод. Благодаря современным технологиям люди чувствуют крепкую связь друг с другом, информационные потоки стали более свободными, доступными, быстрыми.

С появлением интернета подвергся изменению и рынок перевода: у переводчиков художественных и технических текстов появилась возможность для предложения своих услуг и получения заказов. Интеллектуальный продукт — плод труда переводчика — теперь может передаваться средствами электронной связи, дополняться, меняться. Можно сказать, что для переводчика и его заказчика перестало существовать понятие расстояния.

В связи с ростом масштабов и объемов переводов, выросли научные исследования в области переводоведения. К научным достижениям можно отнести следующие результаты: теоретическое описание перевода, четкое разделение художественного и нехудожественного перевода, которые являются

самостоятельными типами переводов, имеют свою специфику и свои возможности. Также даны характеристики вольному (свободному), буквальному (дословному) и украшательскому переводу [1].

Нужно отметить, что в наше время востребован и машинный перевод. Но такой перевод требует контроля и проверки даже при переводе технических текстов. Что касается перевода художественных текстов, то, по нашему мнению, вряд ли машинный перевод сможет полностью заменить переводчика. Можно поверить, что машинный перевод действительно состоялся, когда компьютер научится писать романы, стихи, становящиеся истинными произведениями искусства. Учеными делались попытки переведенные машиной художественные тексты воспроизвести с помощью машины вновь на языке оригинала, и оказалось, что этот текст очень далек от подлинника. А что можно говорить о сложных поэтических текстах, где так важно передать неповторимый стиль автора! Но от машинного перевода тоже есть польза: он позволяет в любой момент получить доступ к огромному количеству информации, языковых ресурсов, комментариев.

Переводчик художественных текстов должен быть творцом (сотворцом) автора, чтобы донести до читателя то, что заложил писатель, поэт в своем оригинальном тексте. В процессе работы над текстом автор-переводчик, представитель одной культуры, вступает в диалог с автором-создателем, представителем другой культуры. Удачным считается такой перевод, который передает все достоинства оригинального текста: культуру народа, его мировоззрение, отношение человека к миру и особенности эпохи, в которую был создан оригинал. Будучи формой культурного диалога, художественный перевод способствует развитию культур. Переводные книги, постоянные литературные контакты укрепляют национальную самобытность литературы и обогащают ее. Это говорит о необходимости и важности диалога.

Л. М. Мкртчян, теоретик литературы и переводчик (XX век), так оценивал деятельность переводчика: «Перевод — форма культурного сотрудничества», «переводчик — писатель... он — деятель своей национальной культуры» [2, с. 220]. Известны афоризмы классиков русской литературы: «Переводчик от творца только именем разнится» (В. К. Тредиаковский); «Переводчик в прозе — раб, в поэзии — соперник» (В. А. Жуковский).

Несмотря на то, что любая культура характеризуется только ей свойственными специфическими чертами, которые составляют ее уникальность; в то же время в каждой культуре имеются компоненты, отражающие и общечеловеческие духовные ценности. Они лежат в основе всех типов культур и свидетельствуют о сходстве в выражении переживаний, мыслей, чувств людей, представителей разных культур. Вместе с тем в переводе не всегда (и это естественно) получается отразить все специфические различия бытовой

и духовной культур народов. Потому при переводе художественных текстов неизбежны и недостатки, и потери. Иногда это смысловые неточности, несоответствие интонационной структуре, ритму, яркости эмоций, отсутствие легкости. Так, в Европе часто поэзию переводят ритмической прозой или делают филологический подстрочник. Недопустимо, если при переводе нарушается сюжетная канва, смысл, идейно-тематическая интерпретация произведения. Даже в наше время информационных технологий главным критерием оценки художественного перевода может служить степень его смысловой и стилистической адекватности произведению-оригиналу.

Нужно сказать, что в XX веке переводчики СССР, работая в издательстве «Всемирная литература», позже — в Государственном литературном издательстве, замечательно переводили на русский язык классические произведения английских, французских, немецких авторов, а также писателей Востока.

Маршак был одним из лучших переводчиков Бернса, сонетов Шекспира. Его творческое кредо: воспроизводить не букву — буквой, но юмор — юмором, красоту — красотой; главное же — переводить надо не любого автора, а только того, в которого жарко влюблен, который близок по биению сердца. Тех же правил придерживался К. Чуковский, он сформулировал их в книге «Высокое искусство». Вот некоторые из них: «Тот, кто не чувствителен к стилю, не вправе заниматься переводом: это глухой, пытающийся воспроизвести перед вами ту оперу, которую он видел, но не слышал. Излечиться от этой глухоты не поможет никакая ученость... Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а (я готов повторять это тысячу раз!) улыбку — улыбкой, музыку — музыкой, душевную тональность — душевной тональностью» [3, с. 3—4].

Подобный подход к художественному переводу, где важны и стиль, и смысл, характерен и для армянских переводчиков поэзии М. Цветаевой.

В 1983-м был издан первый сборник переводов стихотворений М. Цветаевой на армянском языке «Тебе — через сто лет» [4]. В нем представлены волнующие живые строки М. Цветаевой в замечательных переводах Г. Эмина, А. Парсамян, Р. Бейларяна, Г. Карчикяна. Нужно сказать, что до издания этой книги уже публиковались переводы произведений М. Цветаевой. Первым переводчиком стал Геворк Эмин, который в 1962 году опубликовал в своей книге «Две дороги» несколько стихотворений поэта: «Вчера еще в глаза глядел...», «Полюбил богатый бедную», «Я — странница твоему перу...», «Пригвождена к позорному столбу...», «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...». Кроме того, Г. Эмин упоминал в своих работах о том, что публиковал в периодике переводы из М. Цветаевой еще в 1950-е

годы, но они не сохранились. Видимо, будучи слушателем Высших литературных курсов в 50-е годы, ему удалось познакомиться со стихами поэта.

В предисловии к сборнику Г. Эмин писал о М. Цветаевой следующее: «Сверхчувствительное создание, которого Бог, кажется, лишил кожного покрова, — Цветаева была как оголенный нерв, который болел, содрогался, пульсировал от всякого грубого прикосновения...» [4, с. 15].

Г. Эмин высказал свои мысли о поэтике Цветаевой. Он обратил внимание на сложность ее манеры письма. «Они непередаваемы, — пишет Г. Эмин — не только по той причине, что Цветаева, подобно волшебнице, способна извлекать из каждого русского корня все возможные и невозможные слова и смыслы, но и вследствие крайне странного способа рифмовки, когда может рифмоваться не слово, завершающее строку, а любая часть строки или слова... Дополнительную трудность создает и такая особенность поэзии Цветаевой: важное в смысловом отношении слово, которое должно помещаться в конце строки, вдруг переносится в начало следующей...» [4, с. 15].

Г. Эмин писал, что им как переводчиком «владела страсть преодолеть трудности перевода ее гениальных, но чрезвычайно сложных стихов, а также желание “вступить в поединок” с ее строками» [4, с. 16].

В другой своей книге переводов, изданной в 1984 году, Г. Эмин признавался, что брался за те стихи, которые были близки, и он мог их сам написать. Таким образом, можно сказать, что армянский переводчик придерживался тех же правил, подходов к переводу художественных текстов, которые излагали в свое время К. Чуковский и С. Маршак.

Высоко оценила переводы Г. Эмина профессор М. Джанполадян: «В целом Г. Эмину удалось воссоздать характер поэзии Цветаевой — с ее независимостью, предельной обнаженностью и контрастностью чувств, с ее “безмерностью в мире мер” — со всем, что обусловило и чрезвычайно своеобразную поэтику ее стихов: их интонационную и ритмическую раскованность, богатство корневых повторов, созвучий, тропов. И армянский читатель через переводы Г. Эмина погружается в неповторимый мир поэзии Цветаевой, мир ее образов и интонаций...» [5, с. 235—236].

Нужно отметить, что переводы поэзии М. Цветаевой издавались и в антологиях. Так, в 1963 г. была издана книга «Избранные страницы русской советской поэзии», где представлены переводы стихов М. Цветаевой Г. Эмином, а 1982 г. Ереванским университетом была издана антология «Русская поэзия начала 20 века (составитель Р. Тамразян). В книге, кроме переводов Г. Эмина, опубликованы переводы Р. Бейларяна, Р. Сарухана. По нашему мнению, Адекватно передает смысл и образность цветаевских стихотворений «Бабушке», «Не отстать тебе. Я — острожник» (из цикла, посвященного А. Ахматовой) переводы Р. Сарухана, сложными, но удачными

получились у Р. Бейларяна переводы стихотворений «Луна — лунатику», «Раковина» и «Занавес».

Но все же основной книгой переводов стихотворений М. Цветаевой стало издание «Тебе — через сто лет», о котором сказано ранее. В нем представлено свыше ста двадцати произведений поэта. Идея издания этой книги принадлежит армянской поэтессе Анаит Парсамян, которая в годы учебы на филфаке Ереванского университета с упоением читала и переписывала стихи Марины Цветаевой.

А. Парсамян говорила, что она «наполнялась и обогащалась», читая стихи поэта. Таким образом, она «созревала» для выполнения этой нелегкой задачи: перевести стихи Цветаевой, которые лексически и ритмически неповторимы и богаты. Позже к изданию книги привлекли известных поэтов: С. Капутикян, Г. Эмина. Есть в книге переводы В. Овакимяна и Г. Карчикяна, но из ста двадцати стихов семьдесят четыре переведены Анаит Парсамян.

М. Джанполадян назвала удачными переводами А. Парсамян цикл, посвященный А. Блоку, цикл «Бабушка», стихотворения «Цыганская страсть разлуки», «Нежно-нежно,

тонко — тонко» и ряд других. В сборнике «Тебе — через сто лет» представлены в переводах известные циклы стихов М. Цветаевой, но, к сожалению, не полностью. Есть и лучшие стихи поэта, её шедевры: «Госка по родине! Давно разоблаченная морока...», «Попытка ревности», «Я тебя отвоюю у всех земель...» и другие.

Можно сказать, что все переводчики, принимавшие участие в работе над этой книгой, стремились сохранить и смысл, и стилистические особенности оригинала. Правда, не всегда это получалось. Были трудности с лексикой, с сохранением ритмического единства оригинала. Однако, книга состоялась, и ее высоко оценили рецензенты: «Гракан терт», «Гракан ашхар».

Девяностые годы для России и стран Содружества Независимых Государств были непростыми. Тем не менее, на страницах армянских газет публиковались и переводы, и статьи, посвященные Марине Цветаевой. Прошло около тридцати лет, но и в наше время переводчики поэзии М. Цветаевой из разных стран испытывают те же трудности, что и раньше.

Так, А. Ливингстон (Колчестер) в своем докладе «Проблемы перевода драмы М. Цветаевой “Федра” на Шестых международных цветаевских чтениях в Елабуге (2012) призналась: «Каждый персонаж — словно пылающий факел... Почти каждое слово в пьесе поддавалось переводу с трудом. И не только из-за цветаевской лексики: архаизмов, неологизмов, просторечий, ее изобретательной легкости рифмования и синтаксической ловкости, но и потому, что ее превосходной поэзии трудно воздать должное... [6, с. 31—36].

А. Аллева (Италия) считает, что особую трудность при переводе произведений М. Цветаевой составляет динамизм синтаксиса, утрата некоторых знаков препинания: «Кажется, когда ты ее переводишь, что каждое слово — звонок. Надо быть внимательным все время, напряженным, никогда не отдаваться лени и не рассеиваться... Поэзия Марины Цветаевой» всегда высока — даже когда говорят о мелких событиях каждодневной жизни, экстремальной — даже в грамматическом выборе. Её грамматика — на грани неграмотности, ее язык — на грани чистой фонетики и чистой этимологии. Ее речь — на грани пророчества [6, с. 41—47].

Очевидно, что переводчики новой эпохи испытывают те же трудности при переводе, что и армянские переводчики несколько десятилетий тому назад.

Продуктивный подход к художественному переводу предложила И. Маэда, автор книги о М. Цветаевой и русист Токийского университета. Она показала, каким образом в первый раз «по смыслу», а второй — «по звуку» звучит на японском языке стихотворение М. Цветаевой «Маска — музыка... А третья...». По мнению И. Маэда, «совершенного» перевода «не может быть ни в каком языке... И если музыкальная тема, музыкальное произведение обогащается разными вариациями, разными интерпретациями исполнителей, то примерно то же самое происходит и с переводом. Множественность перевода — это не порок, а наоборот, она свидетельствует о возможности данного произведения» [6, с. 61—62].

Безусловно, хороший перевод нужен читателю: он обогащает литературу, культуру народа, знакомит с творчеством автора как носителя иного менталитета, вводит его в новый, еще не известный ему духовный мир.

Подводя итоги, можно сказать, что перевод можно считать состоявшимся тогда, когда переводчик, максимально бережно работая с исходным текстом, передает стиль, смысл, культурное своеобразие оригинала. Цenia труд автора-переводчика, Л. Мкртчян, литературовед, теоретик художественного перевода, основатель Российско-Армянского (Славянского) государственного университета писал: «Писатель, словно дерево, растет на своей родной земле, но корни этого дерева врастают не только в родную землю» [7, с. 13].

1. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2008.
2. Мкртчян Л. М. Черты родства. Ереван, Айастан, 1973.
3. Мастерство перевода. Сборник седьмой. М.: Советский писатель, 1970.
4. Цветаева М. И. Тебе — через сто лет. Ереван. 1983 (на арм. яз.).

5. Джанполадян М. Г. Армянские переводчики Марины Цветаевой // Джанполадян М. Г. «Когда строку диктует чувство...». Статьи разных лет. Ереван: РАУ, 2006.

6. Ливингстон А. Проблемы перевода драмы М. Цветаевой «Федра» // «Дух — мой сподвижник и Дух — мой вожатый». Проблемы перевода произведений М. И. Цветаевой. Популяризация творческого наследия поэта. Материалы Шестых международных цветаевских чтений (Елабуга, 2013 г.). Елабуга, 2013.

7. Мкртчян Л. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван: «Советакангрох». 1987.

*А. А. Бешкарев,
A. A. Beshkarev,
О. В. Пыстина
O. V. Pystina*

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

THE IMAGE OF POWER IN THE POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF THE KOMI REPUBLIC

Целью статьи является рассмотрение эволюции и способов формирования образа региональной власти. Объектом послужили сетевые СМИ Республики Коми за период с 2016 по 2020 гг. и комментарии аудитории к ним, которые исследовались методом сплошной выборки. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе языковых средств формирования образа представителя власти на материале региональных сетевых СМИ. В результате определено, что дискурс официальных новостей отличается тяготением к сакрализации власти, а комментарии пользователей и независимые ресурсы десакрализируют ее.

Ключевые слова: *сетевые СМИ, образ власти, комментарии, региональные медиа.*

The purpose of the article is to consider the evolution and ways of forming the image of regional official authority. The object was the network media of the Komi Republic for the period from 2016 to 2020 and the audience's comments on them, which were studied by the continuous sampling method. The scientific novelty of the work is in a comprehensive analysis of the linguistic means of forming the representative authority's image on the material of regional network media. As a result, it is determined that the discourse of official news is characterized by a tendency to sacralize power, and users's comments and independent resources desacralize it.

Key words and phrases: *network media, the authority image, comments, regional media.*

2019—20-е гг. в России оказались во многом кризисными в отношении между населением страны, провластными СМИ и властью: например, непопулярная «мусорная» реформа привела к митингам и акциям протеста в различных городах, падению рейтингов губернаторов и депутатов, голосовавших за принятие изменений в законодательстве. В течение этого периода повсеместно отмечался рост недоверия к официальным источникам информации, что особенно ярко проявило себя в отношении аудитории к освещению официальными СМИ чрезвычайных ситуаций, например, к публикуе-

мой статистике заболеваемости COVID-19. После каждого из таких резонансных событий глобальную сеть наводняли выпуски видеоблогов, Telegram-расследований, фейков и разоблачений, утверждавших, что представленная официально картина произошедшего не отражает объективной действительности. Показательной в этом отношении является Республика Коми. В 2015 г. в регионе были задержаны и осуждены практически все наделенные властью лица, проведены фактически безальтернативные выборы, в результате которых на пост руководителя региона был избран экс-президент ГК «Олимпстрой» Сергей Гапликов. 2 апреля 2020 г. он заявил об уходе в отставку, а в сентябре того же года на выборах главы республики явка избирателей составила всего 30%, из них за нового назначенного кандидата Владимира Уйбу было отдано всего 73% или 145 тыс. голосов (меньше, чем за любого кандидата в истории республики) [1]. Таким образом, несмотря на все усилия официальных СМИ республики создать положительный имидж представителя власти, аудитория региона осталась скептически настроенной к их сообщениям.

Исследование процессов формирования образа политического лидера в региональных СМИ представляется актуальным, поскольку позволяет расширить границы знаний о способах создания имиджа власти как таковой в современной России, причинах его эффективности и неэффективности. Кроме того, изучение специфики формирования и трансформации образа представителя власти в СМИ позволяет выявить вектор развития современного российского политического медиадискурса.

Для достижения поставленной нами цели решаются следующие задачи: во-первых, определить, с помощью каких методов и приемов журналисты региональных провластных СМИ пытаются создавать позитивный имидж главы Республики Коми; во-вторых, объяснить, почему их усилия не всегда приводят к ожидаемым результатам.

Наиболее популярным провластным источником информации в регионе является Информационное агентство «Бизнес новости Коми» (сокращенный вариант — «БНК») [1], учредителями (соучредителями) которого выступают Администрация Главы Республики Коми и Общество с ограниченной ответственностью «Информационное агентство «Север-Медиа». Востребованность этого официального по своему контенту ресурса связана с возможностью анонимных комментариев без регистрации. Хотя комментарии и подвергаются оперативной цензуре, тем не менее, даже в этом случае они служат средством выражения читательских мнений и оценок. В силу популярности данного ресурса и разнообразия материала есть смысл сосредоточиться на публикациях именно «БНК», где в качестве героев зачастую фигурируют представители руководства региона. В рамках настоящего исследова-

ния методом сплошной выборки были выявлены и рассмотрены все публикации и комментарии пользователей, упоминающие главу республики С. А. Гапликова практически за весь период его руководства регионом.

Теоретической базой исследования послужили труды Т. А. ван Дейка [2], посвященные политическому массмедийному дискурсу. В современных отечественных исследованиях СМИ отмечается, что одной из семантических констант медиадискурса являются слова, так или иначе связанные с обозначением власти и упоминанием о ней. В совокупности из этих единиц в текстовом пространстве СМИ складывается образ власти, который передается массовому адресату и в значительной степени определяет мнение о ней в обществе [3, с. 284—285]. Например, в коллективной монографии «Язык СМИ и политика» [4], написанной известными российскими учеными, представлена широкая картина функционирования медиатекстов, всесторонне анализируется влияние политики на СМИ, в том числе и на их язык. Эта проблема — центральная для средств массовой информации, так как политика составляет основное содержание в деятельности СМИ.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты дискурсивного анализа конструирования позитивного образа политического лидера могут быть использованы для обнаружения в медийных текстах манипулятивного воздействия.

Как указывают многие исследователи, образ власти не является абстракцией: «В массовом повседневном сознании власть, как правило, персонифицирована, то есть ассоциируется с конкретными личностями, политическими лидерами, представителями власти, харизматическими личностями современного политического бомонда» [5, с. 16]. С 2015 по 2020 гг. в Коми власть была персонифицирована в лице главы республики С. А. Гапликова. Конструирование его имиджа в СМИ началось сразу же с момента появления в регионе. За это время его образ пережил несколько этапов трансформаций.

За исследуемый период уровень доверия жителей республики к заявлениям и инициативам властей постоянно снижался, а последние, пытаясь поддержать позитивный образ руководства республики, стремились транслировать через государственные СМИ свою повестку. Региональные журналисты из провластных средств массовой информации использовали разные способы, чтобы подчеркнуть успехи региона, достигнутые в различных сферах благодаря политике властей: «Сергей Гапликов рассказал о развитии лесной промышленности Коми на конференции в Вене» [1] и т.п. Об озабоченности имиджем главы свидетельствует и тот факт, что в мае 2018 г. пресс-служба главы разослала в редакции газет (включая частные коммерческие издания) список из 15 пунктов, предписывающих определенным образом подавать информацию и модерировать пользовательские комментарии.

Один из его пунктов предписывал *«не допускать в комментариях клички и оскорбления “Гаплик”, “Гаплос”, “Гапл”, “Гапло”, “пузатенький няшка”, “Харя бандитская” и т.д.»*. О существовании этих требований стало известно из поста на личной странице «ВКонтакте» тогдашнего главного редактора рекламно-информационной газеты «ПроГород», головной офис которой находится в другом регионе — городе Кирове. Пост был вскоре удален, однако его скан сохранился.

С октября 2015 г. и в первые месяцы работы на посту руководителя региона основным способом создания положительного имиджа С. А. Гапликова стало использование положительно оценочных лексем в его адрес: *«образование экстракласса», «опытный», «незаурядный человек», «приятное впечатление»* и др.

В 2016 г. С. А. Гапликов в глазах аудитории оказывается практически единоличным представителем местной власти: информагентство «БНК» упоминало фамилию Сергея Гапликова 1227 раз, в то время как фамилия второго по важности человека в новом правительстве республики Руководителя Администрации Главы РК Михаила Порядина за тот же период звучала всего 68 раз. При этом имя С. А. Гапликова зачастую вынесено в начало заголовков, за этим следуют цитаты из его выступлений: *«Сергей Гапликов: “Зимний субботник стал первой ласточкой по наведению порядка в Коми”»* [1] и т.д. Кроме того, заголовки включали в себя обращения главы к различным структурам с поручениями и требованиями работать эффективнее: *«Сергей Гапликов отчитал министров за “филькины грамоты”»* [1] и т.п.

Для того чтобы подчеркнуть, что ситуация меняется в благоприятную сторону под контролем харизматичного лидера, весной 2016 г. на «БНК» все реже встречается стандартная синтаксическая конструкция «Гапликов «попросил», «призвал» и «поручил», чаще звучат слова «поблагодарил», «поддержал», «отдал дань уважения», «пожелал процветания»: *«Сергей Гапликов пожелал молодёжи добиваться исполнения своей мечты»* [1]. Помимо этого, Гапликов как главный герой публикаций зачастую сам становится катализатором положительных перемен, что также отражается в заголовках «БНК»: *«Сергей Гапликов пообещал уменьшить отток населения из Коми»* [1]. В журналистских текстах начинают подчеркиваться личностные, человеческие качества политика, что делает его образ более близким к простому народу и понятным потенциальному избирателю. Для этого в качестве одного из новостных поводов для публикаций выступает участие С. А. Гапликова в таких праздничных мероприятиях, как 9 мая: *«Ветераны и руководство республики выпили за Победу фронтовые “сто грамм”»* [1].

Тональность материалов, освещающих деятельность С. А. Гапликова, меняется с начала июня 2016 г., когда он выдвигает свою кандидатуру на

пост главы Республики Коми: в заголовках временно исполняющий обязанности главы либо участвует в торжественных мероприятиях по открытию новых хозяйственных объектов, либо рапортует об успехах экономики республики, что должно свидетельствовать о стремительном развитии региона. Информационные поводы, связанные с врио главы, в этот период можно разделить на 3 группы. Это 1) истории о том, как благодаря его усилиям возрождается регион: *«Колвинская свалка ликвидируется»* [1]; 2) тексты, призванные связать имя врио с популярными медийными лицами: *«Сергей Гапликов: "Приезд святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Коми — дар ко дню рождения региона"»* [1]; 3) прогнозирующие и программирующие тексты, обращенные в будущее так, как будто исход предстоящих выборов уже фактически предрешен: *«Образцовый квартал появится на месте аварийных домов в Печоре»* [1]. В случае с Гапликовым новостной сюжет строится по «временной оси»: существующие проблемы вызваны неэффективной работой предшествующего руководства, однако под властью нового главы регион обязательно возродится. Важно отметить, что при разработке имиджа предыдущего главы республики В. Гайзера последний вид технологий не применялся: освещение деятельности Гайзера ориентировалось на «пространственную ось», и виновными в проблемах оказывались районные чиновники.

В то же время «БНК» и другие прогосударственные СМИ региона прибегают к такому приему, как информационная блокада (умолчание), избегая освещения любых фактов, которые могли бы негативно сказаться на образе С. Гапликова. Публикации, содержащие отрицательные характеристики главы, единичны и оказываются, как правило, политической рекламой. В качестве примера можно привести аналитическую статью *«Олег Михайлов: "Полагаем систему лживых обещаний!"»* [1], профинансированную из средств избирательного фонда кандидата в депутаты Государственной Думы Российской Федерации VII созыва по Сыктывкарскому одномандатному избирательному округу № 18 О. А. Михайлова.

После успешного для Гапликова завершения выборов до конца года его активность как ньюсмейкера приблизилась к нулю, что по контрасту с высокой активностью предыдущего периода оказалось серьезной ошибкой в пиар-деятельности его окружения. Ситуацией не преминули воспользоваться независимые оппозиционные СМИ. 29 декабря журналист независимого сайта «Красное знамя» А. Польшкин прокомментировал наступившее затишье на информационном поле статьей *«Сто дней и 15 месяцев. Размышления по поводу знаменательных сроков Главы Коми»*, где представил свой анализ деятельности прогосударственных СМИ региона: *«Сразу после инаугурации Глава отправился в вояжи по стране, а вся его пиаровская рать оказалась*

без работы: писать-то стало не о ком и нечего!» [6]. В конце осени 2016 г. имя Гапликова практически не встречается в заголовках «БНК», для объяснения чего в декабре даже потребовалась публикация *«Сергей Гапликов объяснил свое продолжительное отсутствие в Коми»* [1]. Очевидно, в редакции «БНК» осознали, что факт длительного отсутствия главы в регионе отрицательно сказывается на его имидже, поэтому в публикациях, посвященных поездкам С. Гапликова, оказалась отключена функция комментирования во избежание наплыва негативных высказываний. В декабре ситуация с освещением деятельности главы напоминает мартовскую, когда сообщается о повседневных действиях и заявлениях губернатора: *«Сергей Гапликов заострил внимание на экологической безопасности в Арктике»* [1]. Кроме того, для усиления позиции главы в «БНК» поднимается тема высокого положения Гапликова в различных рейтингах: *«Сергей Гапликов вошел в топ-20 наиболее цитируемых губернаторов»* [1].

Впоследствии, в начале 2017 г., СМИ предпринимают попытки преодолеть негативное отношение к главе, о чем свидетельствуют заголовки, содержащие положительную оценку перспектив развития региона: *«Сергей Гапликов: “Перспективы угледобычи в Воркуте — не менее 50 лет”»* [1]. В дальнейшем, в 2017—2020 гг., государственные сетевые СМИ освещают активность главы в формате отчетов о его действиях и заявлениях. Тематически данные публикации можно разделить на следующие типы: 1) тексты, обращенные в будущее, с формулировками *«поручил»*, *«обещал разобраться»*, *«обсудил»*, *«заявил»* и др., создающие образ сильного хозяина, решающего проблемы региона; 2) освещающие поездки главы материалы, акцентирующие внимание на каких-то заметных фактах: посещение шахты, открытие сквера и т.п.; 3) новости, посвященные торжественным поводам: поздравления главой представителей разных профессий, награждения, учреждения праздников и т.п. В целом, такие тексты должны продемонстрировать перманентный прогресс региона под управлением энергичного менеджера.

Опубликованные в Сети тексты представляют собой интерактивную форму, открытую для комментирования читателями (комментарий, несмотря на его непрофессиональную природу, ученые считают особым жанром, порожденным полилогическим характером интернет-общения [7]). Комментаторы, как правило, подвергают сомнению изложенные в новостях факты и скептически настроены по отношению к официальным лицам. Например, новость *«Сергей Гапликов изложил свое видение будущего удаленных населенных пунктов Коми»* сопровождается репликами читателей: *«Населенные пункты Коми изложили свое видение будущего удаленного Главы»*, *«Он свое видение во сне увидел?»* [1].

Так в сетевых СМИ республики мы получаем два разнонаправленных и взаимодополняющих коммуникативных потока: с одной стороны, официальных сообщений прогосударственных источников информации, а с другой — пользовательских комментариев к ним, а также публикаций независимых СМИ, часто дающих противоположные трактовки одних и тех же явлений и фактов. В условиях фильтрации информации для аудитории все более важным фактором получения альтернативных сведений о происходящем становится неформальный уровень коммуникации — комментарии на сайтах и в соцсетях (неслучайно модерация читательских комментариев являлась одной из задач, поставленных пресс-службой главы перед местными изданиями).

В то же время в открыто оппозиционных текстах интернет-журнала «7x7», являющегося платформой для публикации независимых блогеров, представляющих неофициальную точку зрения, при сообщении о распоряжениях и указах главы, как правило, подчеркиваются негативные последствия принятия непродуманных решений, например: *«Госсовет Коми с подачи главы региона Сергея Гапликова в декабре 2016 года внес в закон “Об образовании...” (№144) поправки, из-за которых компенсацию за детский сад стали получать только малоимущие семьи. Закон спровоцировал протесты родителей и судебные иски»* [8]. В материалах о рабочих поездках акцент может быть сделан, например, на личных интересах главы: *«Июль этого года выдался очень дождливым: ряд районов Республики Коми затопило. В Сосногорском районе рухнул железнодорожный мост, в Печоре затопило водозаборы. Но “Глава” Гапликов, как ни в чем не бывало уехал загорать в Крым»* [8]. В некоторых публикациях «7x7» такое поведение главы региона, как умение вести себя раскрепощенно, преподносится, в отличие от провластных СМИ, как отрицательное качество: *«...Губернатор Гапликов за время своей нелепой карьеры в Коми совершил много ошибок <...> Можно еще вспомнить <...> его же публичные танцы в непонятно каком состоянии с не менее дорогостоящими хористками Турецкого, но уже в записи»* [8].

Выступления блогеров неслучайно подчеркивают чуждость С. А. Гапликова жителям республики: избыточное веселье в противовес ментальности северян, в традиционных представлениях склонных к сдержанности в проявлении эмоций, тяготение к пребыванию в южных регионах, территориально максимально отдаленных от Республики Коми. Во всех этих случаях заметна апелляция к мифологическому противопоставлению по принципу «свой-чужой», где позицию «чужого» занимает глава. В связи с этим в независимых СМИ и социальных сетях за ним и его командой закрепилось про-

звище «варягов», например: «В Коми у “варягов призыва Сергея Гапликова” продолжаются проблемы» [6].

Таким образом, проведя анализ лексических средств и методов дискурсивного конструирования образа главы региона в провластных и независимых СМИ, мы пришли к следующим выводам: если дискурс официальных новостей стремится к сакрализации власти, то комментарии пользователей и независимые СМИ десакрализируют ее, акцентируют внимание на проблемах, которых избегают официальные источники, и отражают характерную для интернет-общения тотальную иронию. Контраст этих двух параллельных потоков информации подчеркивает, что журналисты прогосударственных СМИ, работающие на позитивный имидж власти в традициях советской прессы, не обращают внимания на то, что развитие технологий изменило психологию аудитории. В настоящее время она не склонна слепо доверять мнению авторов публикаций, а все чаще проверяет информацию по нескольким источникам, скептически относясь к любому официозу и не поддаваясь прямому манипулированию.

В качестве перспектив исследования рассматривается возможность выявления других маркеров манипулятивного воздействия в современных региональных политических медиатекстах.

1. <https://www.bnkom.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).
2. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. М.: Либриком, 2013. 337 с.
3. Суздальцева В. Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 284—328.
4. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. 952 с.
5. Зуева Т. М., Шкилева Е. М. Механизмы формирования образа власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 15—20.
6. <https://www.komikz.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).
7. Танабаева И. Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // [Электронный ресурс]. Молодой ученый. 2017. № 51. С. 207—210. URL <https://moluch.ru/archive/185/47375/> (дата обращения: 10.12.2020).
8. <https://www.7x7-journal.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).

ССЫЛКА И ВЫСЫЛКА В СОЛИКАМСКЕ КОНЦА XVII—XVIII ВВ.

EXILE AND EXPULSION IN SOLIKAMSK AT THE END
OF THE XVII–XVIII CENTURIES

Хронологические рамки статьи определяются временем дворцовых переворотов и составления текстов соликамских городских летописей. Историография, материалы делопроизводства высших и низовых учреждений России сопоставляются с летописными текстами, перепиской и записками современников из хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова и Перми. Методологической основой статьи являются теории насилия и травмы.

Ключевые слова: ссылка, высылка, Соликамск, насилие, рекруты, работные люди.

The chronological framework of the article is determined by the time of the Palace coups and the compilation of texts of the Solikamsk city Chronicles. Historiography, records of higher and lower-level institutions of Russia are compared with chronicle texts, correspondence and notes of contemporaries from the vaults of Moscow, St. Petersburg, Kirov and Perm. The methodological basis of the article is the theory of violence and trauma.

Keywords: exile, expulsion, Solikamsk, violence, recruits, workman.

Их знают историк в пыли и хирург в крови.
А есть и такие, которых никто не знает.

Д. Быков «Мёртвые языки»

В данной статье локальная история вписывается в российский тренд конца XVII—XVIII вв. благодаря системному анализу универсального и уникального, характерного для современных условий постнеклассической свободы эпистемологии. Методологическими средствами заявленной темы являются междисциплинарный и мультидисциплинарный подходы к аналитике повседневности конца XVII—XVIII вв., обращённой к конкретным людям (биографический метод) и городским сословным группам. Поддерживаю вывод А. Л. Клейтмана: «Регионалистика является одним из активно развивающихся направлений в современной науке» [1, с. 3]. Соликамские летописи вписываются в типологический ряд Московского, Двинского, Нижегородского, Костромского, Тамбовского, Вологодского, Казанского и Ка-

мышинского летописцев. Массовость таких «сочинений, их острая социальная направленность, широта источниковой базы — позволяют использовать её многопланово» [2, с. 55]. Этому помогают особенности перечисленных текстов — их актуальность и конкретность.

Ссылка и высылка позволяют оценить рационально-волевой потенциал человека в диалектическом взаимодействии с контекстами социальных трансформаций. Индивидуальный выбор, отношение к изменившемуся социальному статусу в процессе корректировки идентичности [3].

Сложилась обширная историография изучаемой темы. «Важным её компонентом являются вопросы политико-правовой сферы. Концептуальная палитра их изучения определена переломным характером XVIII в. в развитии русского правосознания» [4].

Нарышкины. Первый дворцовый переворот в России вызревал подспудно в сложной игре придворных партий Милославских и Нарышкиных, родни первой и второй жён царя Алексея Михайловича. Вражда сдерживалась им и его сыном, царём Фёдором. После смерти последнего восторжествовали Нарышкины, т. к. «не было законом установленного престолонаследия» [5, с. 29]. Царём стал 10-летний Пётр. Но правительство его матери, Натальи Кирилловны, было слабым. Софье, главе партии Милославских, Нарышкины были ненавистны. Политическая интрига привела к стрелецкому бунту. Из дворца выдали брата царицы. Регентом при царях Иване и Петре стала Софья (1682—1689 гг.). образовалось троецарствие.

В этих условиях царицына родня — Нарышкины — зарылись поглубже «на просторищах» (Д. Быков) России. В «Описании...» отмечалось: «7198. 1690. Ближний стольник, воевода и окольник Иван Иванович ... оной воевода умре у Соли Камской» [6, л. 13 об.]. Г. А. Бординских считал, что он был похоронен у алтаря соликамской Воскресенской церкви [7, с. 142]. Здесь и далее цитаты из соликамских летописей приводятся в современной транскрипции. В подлинниках знаки препинания по большей части отсутствуют, имена собственные пишутся то с большой, то с маленькой буквы. Особенности произношения и их написание сохраняются.

Ивана Ивановича сменил другой Нарышкин: «7200. 1692. Ближний стольник, воевода Семен Федорович Нарышкин да с ним товарищи Федор Кириллович Маршанской да подъячей Лука Волков» [6, л. 13 об. — 14]. С. Б. Веселовский отмечает работу последнего в Перми с 31 марта 1688 по 1693/94 гг. С. Ф. Нарышкину царской грамотой поручалось следствие и разбор по челобитью Г. Д. Строганова о грабеже и насилии над его людьми [9, с. 86]. Далее в «Описании...» приводится следующее известие: «7202. 1694. Генваря 25 благоверная Государыня Царица Наталья Кирилловна преставися.

Преставился воевода Семен Федорович Нарышкин Июля 2. Сидел на воеводстве 3 лета» [6, л. 14]. Таким образом, род Нарышкиных объединяется (пример внеисточникового знания). В. Н. Шишонко со ссылкой на «Сол. рукоп. лет» указал, что этот воевода сошёл в гроб в Чердыни [10, с. 675]. О том же сообщается в авторском списке летописи соликамской Богоявленской церкви С. Н. Белозерова [11, л. 10 об.]. Именно его В. Н. Берх вставил в свою компиляцию [12, с. 264]. Данные сообщения свидетельствуют о существовании двух разных летописных текстов, ставших протографами соликамских летописей XVIII в. С ними запутался Н. С. Арефин, оставив пропуски в правлении Воеводы Андрея Андреевича Нарышкина, «которой воеводствовал с году число и был в Тобольске» [13, л. 9]. С. Н. Белозеров приводит полный текст: «23. 7203. 1695. Ноября 4 дня по государеву указу сидел на воеводстве племянник ево, Андрей Андреевич осми лет до перемены того ж году февраля 21 дня» [11, л. 10 об.]. Берх сократил это сообщение [12, с. 264, 266]. Остальные летописцы его проигнорировали. Но по Г. А. Бординских С. Ф. Нарышкин был похоронен в Соликамске [7, с. 142].

Андрей Федорович Нарышкин с сыном Андреем находились в Тобольске. Там они со всеми их семьями и домашними были отлучены от церкви сибирским митрополитом Игнатием 16 августа 1697 г. [14, с. 48]. Два срока просидел верхотурским воеводой М. Г. Нарышкин.

Таким образом, соликамские летописи своими уникальными известиями дополняют родословие Нарышкиных в XI и XII коленах, где даты их смерти и некоторые биографические данные не указаны [15, с. 1502—1503]. Так отголоски первого дворцового переворота докатились до Соликамска. Нарышкины постарались использовать в свою пользу «... фактор времени, имеющий первостепенную важность для всех участников. ... из-за условия смертности человека, «я» в качестве «я» не может рассуждать в категориях долгосрочного интереса, т. е. интереса мира» [16, с. 48].

Волны дворцового переворота не утихали: царская грамота новгородскому и кунгурскому воеводам от 4 сентября и 15 ноября 1689 г. предписывала поймать Фёдора Шакловитова и других изменников [17, № 189, с. 326]. Чтобы контролировать потоки переездов из Сибири и обратно, неоднократно посылались грамоты кунгурским, соликамским и верхотурским воеводам ездить из Москвы через Соль Камскую. Но потаённые пути, старые вогульские тропы, использовались вопреки самодержавной воле. Люди ориентировались на нерациональные вещи: близко — не близко, главное — тайно. Н. И. Костомаров точно определил это как «пролазничество» [18, с. 194]. Существующее положение вещей признавалось в царских грамотах верхотурскому воеводе от 7 июля и 6 ноября 1697 г.: «... многие ссыльные люди в сибирские города не доходят, а иных неведомо для чего оставляют по

разным ближним городам...» [17, № 271, с. 493—494]. Теневая реальность поддерживалась числом квадратных российских колоmetro-лет, А. Эткинд насчитал их 65 миллионов [19, с. 12]. В изучаемый период их было меньше, но тоже много.

В 1681 г. Земский староста Соли Камской Ф. Труфакин подал челобитную царю Федору Алексеевичу, где сообщал: проезжие, в том числе, «... ссыльные люди у Соли Камской веснуют и осенуют, а ставятся на их усолских дворех, и бывает месяца по два и по три, дожидаются пути. И в том им, усолцам, чинится утеснение и разорение великое» [17, № 81, с. 123]. Когда в истории участвует большое число субъектов, раскиданных по огромным пространствам, управление ими затруднено. Ссылка складывалась как практика уголовного наказания. Согласно приговору, осуждённый насильно перемещался на указанный срок в отдалённые поселения под конвоем.

I. ССЫЛКА В СОЛИКАМСК

Пленные шведы. После захвата шведских пленных Петр I приказал разослать их по городам с жалованием по чинам, а простых шведов использовать на казённых работах. Однако правительство не принимало никаких мер по содержанию пленных: «Многие принимались за рукоделия и искусства: из них были кузнецы, золотых и серебряных дел мастера, сапожники, портные, токари, столяры, делатели игральных карт, живописцы, музыканты, иные завели гостиницы ...» [18, с. 190].

М. И. Семевский исследовал дело о наследстве Анны Монс, которым занимался кн. Яков Фёдорович Долгоруков в 1714 г. В Москве было шведское подворье. Последним любовником А. Монс стал пленный швед Карл Миллер, при котором постоянно были два часовых драгуна. При семействе Монсов росли шведские девочки Машка и Гертруда. Дело показывало повседневный быт шведов в Москве [20, с. 259—263, 275—276, 278, 282].

О том, как доставлялись пленные, взятые в Северной войне, писал в своих записках граф Г. П. Чернышов (1672—1745 гг.): в 1708 г. «... в июле месяце послан с солдатскими шестью, да с одним драгунским полками, 4000 шведскими арестантами в Москву; и отдав в Москве арестантов со объявленными семью полками, приняв дополнение к команде своей рекрут, послан в Нарву...» [21, с. 832]. Эти записки типологически близки соликамским летописям. В тетрадке Чернышова выделены графы: года от сотворения мира, от Р. Х., текст и последняя графа — скольких лет был. Граф был знаком с кн. Василием Владимировичем Долгоруким и графом Арнольдом Лёвенвольде [21, с. 836, 837].

Н. С. Арефин вставил в свой текст сообщение о шведах из протографа, которым пользовался, что доказывается сбоем в хронологии авторского списка и способом написания дат: «1710 году апреля 21 дня прислано к Со-

ликамской новозавоеванных шведов полоняников, двух офицеров, 100 человек в бытность столника, князь Ивана Щербатова, дьяка Степана Пупкова» [13, л. 6 об.]. В остальных летописных текстах этого сообщения нет. В Берховом летописце читается: «Прислано в Соликамск завоеванных шведов, полковников и обер-офицеров 100 человек» [12, с. 273]. Вероятно, Василий Николаевич ошибся во время диктовки по памяти. Он не сопоставлял летописные тексты, полученные в Соликамске. Просто отчёркивал карандашом те фрагменты текста, которые объединял в своём «Соликамском летописце».

В сноске 190 [12, с. 123] Н. М. Савенкова и Н. В. Мелкомукова отмечают, что указанных шведов взяли в плен под Полтавой, среди них был Страленберг (в действительности он был сослан в Хлынов, затем переведён в Тобольск. Соликамск действительно упомянут в его книге. Через этот город он проезжал). Комментаторы ссылаются на шведские изречения, которые действительно хранятся в Соликамском краеведческом музее [22, с. 116—117].

30 августа 1721 г. Я. Брюс и А. Остерман, в 4-м часу по полуночи доносили Петру I о заключении Ништадского мира. В его 13 пункте значилось: «Военнопленные освобождаются без выкупа, кроме желающих добровольно остаться и принявших в России греческую веру. То же разумеется о всех вывезенных во время войны людях» [18, с. 595]. П. Энглунд подсчитал: из 23 тысяч военнопленных, взятых под Полтавой и Переволочной, только около 4 тысяч вернулись домой [23, с. 319]. Одним из таких невозвращенцев был строитель и управитель Егошихинского завода [24].

В Соликамск указ об освобождении шведов полковнику и воеводе, кн. Н. Вадбалскому и камеристу Захарову направлялся 18 мая 1723 г. [25]. Шведов не торопились отпускать. Они покрывали дефицит мужской рабочей силы. Женившихся на русских, но не принявших православие, было приказано отпускать в Отечество без жён. Им давали один-два года, чтобы одуматься [18, с. 190].

Василий Владимирович Долгорукий (1667—1746), принадлежал к древнему княжескому роду, ведущему своё происхождение от Рюриковичей. О нём писали Д. Н. Бантыш-Каменский, С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, Е. В. Анисимов и др. Опубликованы его письма и портреты. Так, С. М. Соловьёв цитировал письмо В. В. Долгорукова (апрель 1727 г.) с Персидской войны: «Прибыл я сухим путем в Дербень счастливо и в проезд свой привел в подданство вашему императорскому величеству провинции ..., с которых будет доходу на год около ста тысяч рублей» [26, с. 631]. Прямая, по-военному чёткая речь сподвижника Петра I.

Е. В. Анисимов приводит характеристику, данную В. В. Долгорукову испанским послом де Лириа: «Притворяться он не умел, и недостаток его был тот, что он слишком был откровенен и искренен. Был он отважен, но

весьма тщеславен, добрый друг, но и враг непримиримый. Жил открыто, и вообще сказать можно, что он принадлежал к числу вельмож, делавших честь своей отчизне» [27, с. 269]. Е. В. Анисимов повторил ошибочное представление Д. Н. Бантыш-Каменского об осуждении Долгорукого «в ссылку, в Казань» [28, с. 162]. В действительности он был сослан в Соликамск за участие в «деле» царевича Алексея (лето 1718 г.), был лишен всех званий и имущества.

С. М. Соловьёв точно подметил: «Чем лучше была обставлена Долгоруковская фамилия, чем более она считала за собою прав, тем тягостнее для нее было сносить преобладание Меншикова ... и приближеннее были они к законному наследнику», Алексею [26, с. 584]. Современные историки считают дело царевича Алексея инспирированным.

Петр I во многом не отказывал своей «Катеринушке», но ее просьбы о прощении Василия Владимировича оставил без удовлетворения. Также, как и об Я. Ф. Долгорукова.

Н. С. Арефин привёл точные даты пребывания князя в соликамской ссылке: «1724 Мая 20 дня отпущен от Соликамской в Москву Князь Василей Долгоруков, которой жил с 718 октября 20 числа в ссылке» [13, л. 13 об.]. В летописи Богоявленской церкви пересказывается известие близкое к Малому летописцу с неверной датой. Именно отсюда оно попадает в Берхов летописец под 1720 г. [12, с. 275]. Другие соликамские летописи Долгорукого не упоминают. Так, благодаря Н. С. Арефину восстанавливаются точные даты ссылки бравого вояки.

По иронии судьбы он пребывал в Соликамске одновременно с пленными шведами, которых громил под Полтавой, за что был награждён чином генерал-поручика и многими деревнями. При этом Долгорукий в ссылке не утратил присутствия духа, имел деловые отношения с соликамским предпринимателем Михаилом Турчаниновым, писал к нему [29, с. 28—29]. В. И. Геннин сообщал Петру I: «А Турчанинов человек радетельные ... о котором доволно известен князь Василей Долгоруков» [30, № 55, с. 246. От 11 ноября 1724 г.]. В ссылке князь показал совладающее поведение.

Дважды В. В. Долгорукий утрачивал звания и имущество, дважды их ему восстанавливали. Его жизнь показала, что ни родовитость, ни личные заслуги не спасают от подозрительной мнительности самодержцев, которые не считались с расточительной тратой человеческих ресурсов ради собственного успокоения. Е. В. Анисимов точно подмечает: «Обычно, решая судьбу ссыльных, отправляя их по бездорожью в глухие места, власти не считались ни со временем года, ни с погодой, ни со здоровьем ссыльных» [31, с. 292]. Тем самым обеспечивалось тотальное доминирование самодержавия. Князь умер в Петербурге 11 февраля 1746 г. На его похоронах без-

утешно рыдала императрица Елизавета. Также она плакала на похоронах свергнутой ею Анны Леопольдовны, тело которой в 1746 г. было перевезено из ссылки и погребено в Александро-Невской лавре. «И слёзы ей — вода, и кровь — / Вода, — в крови, в слезах умылася!» (М. Цветаева).

Дискуссионной в историографии остаётся проблема реального существования российской аристократии. В свете вышеизложенного следует признать, что и аристократ был царским рабом. Об этом свидетельствует история ссылки в России, где аристократы не были хозяевами своего поведения, где их мировоззрение жёстко контролировалось самодержцем.

Граф Рейнгольд-Густав Лёвенвольде (1693—1758) не только на сохранившемся портрете, но и в жизни он был красавчиком и щёголем, покорителем дамских сердец. В последние годы правления Анны Иоанновны высшее русское общество увлекалось наружностью «и способно было сразу принять ее за внутреннее содержание» [18, с. 547]. Рейнгольд был средним из трёх братьев, которые благодаря отцу начали свою придворную карьеру в краткое правление Екатерины I. Именно он получил сведения о готовящемся перевороте «кроткой» Елисавет. С запиской об этом он поспешил в Зимний дворец. Анна Леопольдовна уже спала. Лёвенвольде передал полученные сведения её камер-юнгфере. «Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Лёвенвольде, не сошел ли он с ума?» [18, с. 551]. Утром Рейнгольд приехал снова, и уговаривал её не пренебрегать грозящей опасностью. Она не послушала его и дорого за это заплатила искалеченной жизнью своей семьи и близких людей. Иначе сложилась судьба Анны Иоанновны, которая в 1730 г. была предупреждена им и его старшим братом Карлом о замыслах Верховного тайного совета. Рейнгольд Лёвенвольде процветал при её дворе и имел большие предпочтения [26, с. 645, 659].

Во время дворцового переворота, ночью с 24 на 25 ноября 1741 г. Рейнгольда арестовали одновременно с А. И. Остерманом и другими, их привезли во дворец Елизаветы. В семь утра всех отправили в Петропавловскую крепость. С. М. Соловьёв считал Лёвенвольде приятелем Остермана. В историографии представлены противоречивые мнения о его особе: «... по одним он показал себя трусом, по другим переносил свое несчастье со стоическим терпением. Также и о нравственных качествах этой личности говорят различно. Дюк де Лириа называл его коварным и корыстолюбивым, Манштейн — человеком честным» [18, с. 562]. Маркиз де-ла Шетарди в своём майском письме 1740 г. описал стычку с Р. Лёвенвольде: «... я не могу быть смешиваем со всеми другими лицами, являющимися ко двору. Тотчас же все эти неудобства были устранены» [32, № 73, с. 347]. Рейнгольд был человеком гибким и ловким, сведущим в дворцовых интригах.

В императорском манифесте от 28 ноября 1741 г. главным виновником был назначен Остерман. Вместе с другими опале подвергался и Лёвенвольде. 18 января 1742 г. на Васильевском острове, около здания 12 коллегий был построен эшафот. Остермана и 18 осуждённых сопровождал конвой. Уже на эшафоте объявлено было помилование. Так состоялся этот жуткий политический спектакль, срежиссированный и поставленный Елизаветой Петровной и её приверженцами, подробно описанный в историографии.

К нему напрямую относятся размышления Х. Арендт: власть и насилие — самостоятельные, несовпадающие феномены. Но обычно они появляются вместе, при этом, быстрота и инструментальный характер являются внутренними свойствами насилия. «Власть, мощь, сила, авторитет — все это лишь слова для обозначения тех средств, какими человек господствует над человеком; они считаются синонимами, потому что имеют одну и ту же функцию» [16, с. 62]. Пытка — инструмент тоталитарного властелина при поддержке тайной полиции и её осведомителей. Власть и её группа поддержки выступают «против независимости, которая свойственна индивидуальной мощи» [16, с. 53].

Лёвенвольде был «помилован» ссылкой в Соликамск. Можно предположить, что здесь он испытывал посттравматический синдром, депрессию и катостофизиацию (восприятие трудной ситуации как чрезмерно сложной, нерешаемой или фатальной) — «адский трэш» (Ю. Шевчук).

С ним связано «Лопухинское дело», по подлинным материалам подробно описанное М. И. Семевским: «В июле 1743 года, весьма кстати, представился Лестоку случай сочинить такой заговор» [33, с. 4]. К нему явился прощальной поручик кирасирского полка Бергер, получивший назначение ехать в Соликамск на смену начальника караула над Лёвенвольде, но сильно не хотевший отправляться туда. Он передал Лестоку тайную записку статс-дамы Н. Ф. Лопухиной с поклоном ссыльному, уверением в том, что о нём помнят, «чтобы он не отчаивался, но твердо надеялся на лучшие времена» [33, с. 4]. Близкие отношения Рейнгольда и Натальи «были известны всему городу; вещи ссыльного, уцелевшие от конфискации, хранились у нее в доме» [33, с. 6]. Обычные для того времени отношения стали поводом для междонародной интриги. Лопухина поплатилась за то, что «не умела или не хотела смириться перед Елизаветою, кичась красотой, дерзая даже состязаться с императрицею в нарядах» [33, с. 22].

Потом были пытки, заключение в Петропавловской крепости и рутинная резолюция: «А что они запирались, и в том верить нельзя» [33, с. 40]. Пытка, — считает Элейн Скэрри (Sarti E.), — «включает в себя действия, которые дают боли возможность разрушить человеческий мир» [34, с. 45—46]. Субъ-

ективное благополучие всех, проходящих по «Лопухинскому делу» было сломлено.

С Бергера взяли подписку о неразглашении. Указом от 7 августа 1743 г. Елизавета повелевала отобрать у арестованных императорские портреты, «... о генерал-фельдмаршале Долгорукове вовсе отставить». Ей также доставили бриллиантовые серьги А. Г. Бестужевой. 19 августа того же года Сенат приговорил всех Лопухиных к смертной казни. Помилование выразилось в её отмене. Лопухиной и Бестужевой урезали языки. Всё прошло по тому же сценарию, как в деле Остермана и др. Умудрённый горьким опытом Э. Бирон в одном из писем заметил: «Крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтоб не воспоследовало злополучной перемены» [35, с. 191].

Когда бывшие светские львицы проезжали через Соликамск в Сибирь, Лёвенвольде с ними не встретился. Жена добровольно поехала с ним в ссылку, по слухам их поддерживали Строгановы. Соликамских летописцев бывший вельможа не заинтересовал. В. Н. Берх собирал городские предания о нём: «... в Соликамске окончил жизнь известный любимец Бирона и враг Миниха обер-шталмейстер двора императрицы Анны Иоанновны, гвардии полковник граф Левенвольд. Я не мог получить достоверного сведения, когда он сюда привезен, ниже когда умер; известно только, что он был нелюдим и позволял впускать к себе одних детей. Левенвольд отказал даже в свидании графине Рюминой-Бестужевой, когда ее провезли в Сибирь. Говорят, что он окончил жизнь за несколько часов до приезда курьера, везшего указ о его прощении» [12, с. 24]. Эти предания не выдерживают критики. Но они повторяются в современных изданиях [22, с. 39—43, 55—58, 85; 7, 118].

Лёвенвольде в 1752 г. перевели в Ярославль, где он и умер в 1758 г. Туда же из сибирской ссылки было направлено близкое к нему семейство Биронов. Дочь Бирона, Гедвига, ночью 15 апреля 1749 г. бежала из-под стражи и через поддержавших её женщин удостоилась милости Елизаветы: «императрица расторглась, обласкала принцессу» [36, с. 563]. В. Н. Шишонко отметил под 1742 г.: везен мимо Соликамска ... Бирон сентября в последних числах» [37, л. 6 об.].

Ссылка — это превращение человека из субъекта в объект, униженный и бесправный, лишённый привычных средств жизнеобеспечения. Объект, обречённый на простое выживание, при котором приобретённые социальные навыки почти бесполезны. Хрупкие человеческие связи насильственно разрывались. Новая социализация ссыльного выстраивалась через страх, через мучительное преодоление непогоды и бескрайних российских просторств, где в каждом приходе свои святцы. «Именно потому, что власть, — отмечает Э. Фромм, — решает вопрос о жизни и смерти, свободе и раб-

стве, она воздействует не только на тела, но и на умы» [38, с. 365], применяя к индивиду различные формы насилия. Ссылка — точка бифуркации конкретной биографии. Автор, запустивший её — самодержавие. «Милость к падшим» (А. С. Пушкин), как правило, проявлялась после очередного дворцового переворота.

Последнее летописное известие о ссылке в Соликамск принадлежит перу С. Н. Белозёрова: «1769. В ноябре месяце в Соликамскую приведены поляки, сто два, которые взяты под столичным их городом Краковом во время турецкой баталии и в Соликамской через год.

7279. 1770. В сентябре месяце помянутые поляки переведены в Тобольск и тут были до замирения» [11, л. 23—23 об.]. В. Н. Берх свёл это сообщение к одной фразе [12, с. 292]. Война в Польше закончилась успешно для России. Несмотря на то, что конфедератов поддерживали Франция и Саксония. Договор 1768 г. гарантировал сохранение польского политического строя [5, с. 223].

Несмотря на огромную источниковую базу, нарратив соликамских летописей дорог нам индивидуальным отбором фактов городской повседневности, свидетельствующих о менталитете провинциальных горожан.

II. ВЫСЫЛКА ИЗ СОЛИКАМСКА XVIII в.

Работные люди выслались согласно правительственной разрядке по городам, а также из осуждённых за разные преступления. Все соликамские летописи сообщили о городском бунте 1696 г. против воеводы Хилкова, поддержавшего захватнические притязания Г. Д. Строганова [39, с. 93—94]. Н. С. Арефин свёл высылки из города в одну статью: «В прошлом 205.1697 году указу сослано в Азов на вечное житие первой и средней статей 15 человек. Да в 702 и 703-м годех по указу взято на Таганрог к городовому строению в кузнецы 21 человек, да на Тихвину брали с семи дворов по человеку ... да на Таганрог ж в кузнецы 2 человека, да 706 году взято в Санкт Петербурх в работу с 9 дворов по человеку ...» [13, л. 3—3об.]. А затем Н. С. Арефин назвал поимённо всех, взятых из Семёновского приказа, и высланных в Азов [13, л. 5].

В Малом летописце под 1720 г. сообщалось: «высланы в Санкт Петербург в декабре месяце мастеровые люди, плотники, столяры, котелники и оконешники с женами и детми. 24» [40, л. 2 об.]. В авторском списке летописи Богоявленской церкви С. Н. Белозёров повторил и расширил это известие без указания количества высланных: «... выслал же столник Михайло Исмаилов в декабре месяце в той партии выслан был усолец Федот Мячин» [11, л. 13 об.]. Это при том, что по переписи 1722 г. в Соликамске числилось около 1400 душ (утайка не поддаётся точному подсчёту).

Н. И. Павленко отметил, что новая трудовая повинность вводилась после взятия Азова и строительства гавани в Таганроге и других работ: прибывавшие к месту ссылки «оказались в очень тяжелом положении — без крова в зимнюю стужу и осеннюю слякоть, со скудными запасами сухарей в котомках, они месяцами валили лес, пилили доски, расчищали дороги, углубляли фарватер реки, строили корабли. Треть, а то и половина людей, приверстанных к кораблестроению, не выносила столь тяжелых условий работы и спасалась бегством» [40, с. 95]. Ежегодно на строительство было мобилизовано 17 тыс. крестьян и горожан [41, с. 172].

Только в «Описании...» приводилось известие: «7222. 1714. По указу Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всяя России самодержца и по приписи Сибири Губернатора Князя Матвея Гагарина велено выслать от Соликамска три человека с семьями и сылано Иван Колмогоров с товарищи в Санкт Петербург на вечное житье» [6, л. 18].

Так полицейское государство внедряло идею поголовного служения Отечеству, что означало «резкое усиление контроля за всеми сферами жизни подданных. ... все слои русского общества были «крепки» государству — или непосредственно, или через подчинение иной социальной группе» [42, с. 188—189].

Рекрутские наборы отмечали все соликамские летописи, кроме «Описания...». «Преемственность пространства — универсальное орудие борьбы с неутомимым временем» [34, с. 246]. За переход в сословие солдат и матросов отвечали все горожане. Поэтому рекрутская обрядность отражалась в фольклоре [43, с. 7—42]. А. С. Пушкин собирал материалы о рекрутских наборах. Первый из них он относил к 1697 г. И после краткого перечисления последующих особо отметил: в 1717 г. Дозволил наем невольный (рекрутский) с тем, чтоб наемщик отвечал за наемника» [44, с. 463; 263, 313, 314, 337, 350, 366].

Соликамские летописи относили первый рекрутский набор к 1705 г. (Н. С. Арефин), к 1706 (С. Н. Белозёров) и 1707 г. (Малый летописец). Две последние ошибки в датах можно объяснить невниманием переписчиков и редакторов. Сохранившиеся списки составлялись в XVIII в. В. Н. Берх в своей компиляции использовал по большей части сведения Н. С. Арефина. В Арефинском летописце упоминались рекрутские наборы в 1705, 1706, 1723, 1724, 1727, 1729, 1731—1733, 1735—1739 и 1741 гг. Никита Савватьевич также фиксировал указы Сената о беглых драгунах и солдатах (1729, 1732, 1733 и 1735 г.). Например, под 1735 г.: «февраля 20 же указ ис Казани и печатные о зборе вновь рекрут со 169 душ по человеку. Марта 31 же указ ис Казани и печатные 20. Велено было солдатом и протчим явитца Июня до 1

числа и о отпущении вин» [13, л. 37—37 об.]. В. Н. Берх сильно сократил это известие, упомянув только о числе рекрут со 169 душ.

16—20 декабря 1723 г. камер-коллегия доносила о наборе рекрут с монастырских и архиерейских вотчин для укомплектования армейских и гарнизонных полков, с Соликамской провинции — 492 человека [45, № 333, стлб. 370]. Дело разрасталось, т. к. отправляли «косых, босых, хромых и кривоногих» (Д. Быков «Любовное»). Военная коллегия требовала их заменить. Новобранцы бежали, предпочитая социальную депривацию пожизненной солдатчине.

Побеги были массовыми. В. И. Геннин доносил Петру 21 декабря 1722 г.: «... для горной работы возят у воеводы из беглых рекрут до ста человек ... а бегать и по разбоям ходить не будут» [30, № 14, с. 55]. Побег — следствие глубокого социокультурного раскола в российском обществе, где отрицались и менялись на обратные жизненные смыслы власти и народа, запуганного страхом. Модернизационные преобразования шли сверху вниз. Побег был обратным импульсом снизу. Рекруты отчуждались от государственных целей, проявляя реактивное насилие для защиты своей свободы и достоинства.

Воинская повинность легла на всё общество, кроме духовенства и гильдейских граждан. В 1715 г. Сенат определил норму наборов: 1 рекрут с 75 дворов. К концу правления Петра в армии было 210 тысяч солдат и на флоте — 28 тысяч матросов. С. Ф. Платонов справедливо отметил: «Петр привязал солдата исключительно к службе, оторвав его от дома и промысла» [5, с. 89].

Сохранилась подлинная память соликамским земским старостам от 5 ноября 1710 г. о сборе рекрут и высылке в Петербург мастеровых и рабочих людей [46, л. 3 об.]. В Соликамской провинциальной и воеводской канцеляриях отложились дела о рекрутских наборах [47]. В Сенатском архиве сохранились дела о высылке рабочих людей в Санкт-Петербург и рекрутских наборах [48, № 52, с. 6]. Об отправлении в Санкт-Петербург рабочих людей, собранных с городов. 1710 г. № 67, с. 7. О высылке в Санкт-Петербург из губерний 4720 мастеровых для адмиралтейских и городских работ. 18 августа 1710 г., а также №№ 76, 79, 83 за 1710 г., № 199 за 14 февраля 1712 г. О присылке в Санкт-Петербург адмиралтейских припасов, корабельных мастеров, плотников и кузнецов, № 385 за 4 января 1716 г. О сборе и высылке из губерний в Санкт-Петербургское адмиралтейство 1400 человек плотников для корабельных и прочих работ]. Петербург принудительно строила вся Россия. В январе — феврале 1715 г. из Сибирской губернии (в 1708 г. в неё входил Соликамск) в полки высылались драгуны [49, № 188, с. 129—132].

После Петра рекрутские наборы продолжались. Рекрутировались не только люди [50, № 1647, с.12 от 15 февраля 1726 г.; № 1687 с. 16 от 26 марта 1726 г.], но и кони [50, № 4759, с. 324 от 8 октября 1733 г. Высочайше утвержденный доклад с проектом указа о сборе во всем государстве 12000 драгунских лошадей, безденежно, как с духовных, так и со светских чинов; № 4837, с. 333 от 5 февраля 1734 г. о продолжении сбора драгунских лошадей до 25 марта]. Важное место в законодательстве Анны Иоанновны занимало коневодство [42, с. 285].

Анализ историографии темы, особенности рекрутских наборов представлены Ф. Н. Ивановым [51]. Рекрутчина — изменяющаяся с течением времени система комплектования армии и повинность всего населения. Только в 1793 г. вводился срок службы — 25 лет. Солдатские дети, как и их родители входили в особое сословие. Годные обязаны были служить в армии, остальные причислялись к гражданским службам. Так, 9 мая 1734 г. был послан указ соликамской соборной Троицкой церкви протопопу Симеону о приводе к присяге солдатских детей ... чтоб быть при канцелярии ... в пищиках, а прочим в россылщиках» [46, № 312, л. 57 об.].

С. Н. Белозёров под 1791 г. записал: «рекрутского набору не было за божию помощью и примирением» [11, л. 35 об.]. В 1794 г.: «рекрутского набору не было за замирением же» [11, л. 35 об.]. Но в 1793 г. он опять был.

Смотры и разборы священно церковнослужителей проводились регулярно для пополнения армии. В Малом летописце они указывались под 1736 и 1739 гг. [41, л. 4 об., 5]. В. Н. Берх в своём Соликамском летописце приводил сокращённое изложение известий из летописи Богоявленской церкви за 1738 и 1754 гг. (в действительности — 1755 г.) [12, с. 284, 290]. Н. С. Арефин эту проблему представил простым перечислением указов: «1737 февраля 21 числа сенатской о разборе синодального ведомства и церковного причта детей.

Марта 25 из Сената о разборе ... слуг монастырских, поповских, дьяконских, дьячковых и самих церковников мая 6 дня печатный и учинении штат» [13, л. 42]. Затем, под 1737 г., упомянул по печатному указу от 6 ноября «... о обыске и взятии в военную службу синодальных и разночинцев» [13, л. 43].

В летописи соликамской Богоявленской церкви смотры и разборы описаны обстоятельно: «7244. 1736. Декабря 26-го числа по указу начался смотр и разбор Духовному чину попом, диаконом и причетникам, тако ж и празноживущим до сущаго младенца. К смотру и разбору собраны были в Соликамску Чердынцы с уездом и Баронские все. Смотр был в доме архиерейском. Для разбору присланы были из Епархии Вятской судья Иеромонах Павел Вотинов, послие был Архимандрит Пыскорский, а из светских воево-

да провинциальной майор Мордвинов Сава Прокопьевич. А по осмотру явившихся, не бывших у присяг в 730 и 731 годах церковники и дети их годовые. Все браны в военную службу. Тако ж явились, которые грамоты недостаточны и неучены» [11, л. 16].

Судья архимандрит Павел упоминается в закрепах к указу Лаврентия [52, с. 54].

Под 1738 г. по второму указу описывается взятие «... в солдаты присяжных 28 и неприсяжных 179, итого 207 человек» [11, л. 16 об.]. Смотр проходил в Кунгуре. Менее подробно описывались разборы 1739, 1755 и 1769 гг. В конце последнего известия отмечалось: «В Соликамске взяты попа Иакова Рождественского сын Авдей и Григорья соборного брата Федор, Иван с товарищи, а ученых и малолетних оставили к местам» [11, л. 23].

Присутствие на смотрах и разборах имело большое значение для карьеры. Например, В. Серебренников подписал документ в деле о своём назначении на место: «... допрашиван, а в допросе сказал ... на указных смотрах и разборах на всех был и отмечен» [53, л. 2—2 об.]. В это время И. Белозёров был заказчиком в Соликамске [54, с. 20—21].

Смотры и разборы позволяют понять наблюдение Б. Н. Миронова: при максимальном естественном приросте доля духовенства в городах уменьшалась [55, с. 100]. Городское духовенство образовывало феномен профессиональной стратификации, находясь «у основания социального конуса» [58, с. 353]. Формы церковной организации повторяли централизованную земную власть.

Высылка применялась внутри епархии. 9 января 1749 г. епископ Вятский и Велико-Пермский Антоний приказал бежавшего из Пермского Преображенского Пыскорского монастыря монаха Ипполита «в неисходные монастырские труды послать» в Вознесенский соликамский монастырь [57]. Ещё в конце XVII в. раскольников отправляли на перевоспитание из Соликамска в тот же Пыскорский монастырь [58, с. 34].

Ссылка и высылка, представленные в данной статье типологически близки наказаниям XIX—XX вв. Семья моих бабушки и дедушки была выслана в Соликамск в 1931 г. (Упокоены здесь же). Этот тренд остаётся актуальным в России. А. Эткинд делает точный вывод: «исторические события уникальны, а события памяти повторяются в узнаваемых формах ... События памяти изменяют то, как мы помним прошлое, воображаем его, говорим о нем.» [34, с. 229]. Сегодня историческая память в России — неструктурированный набор символов и мнений. Если причины событий прошлого не преодолены, они остаются актуальными (Т. Адорно).

1. Клейтман А. Л. Нижнее Поволжье в научной мысли России: проблемы изучения истории, культуры и экономического развития (XVIII — 30-е гг. XIX). Автореф. дисс. ... д-ра ист. н. М., 2019. 49 с.
2. Богданов А. П., Чистякова Е. В. Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII в. // Вопросы истории. 1986, № 4. С. 45—57.
3. Побережников И. В. Человек в условиях социальных трансформаций: концептуальные интерпретации // Уральский исторический вестник. 2012, № 3 (36). С. 4—13.
4. Неруцкова О. Е. Отечественная историография государственно правовых отношений в России XVIII в. дисс. ... к. и. н. М., 2003 // cheloveknauka.com/v/84867/d?#page=6 (доступ: 01. 11. 2020 г.)
5. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Ч. 2. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
6. Пермский краеведческий музей № 16049. «Описание о заведении и строении городов Соликамска и Чердыни».
7. Бординских Г. А. Соликамская энциклопедия. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2013. 266 с.
8. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
9. Космовская А. А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI — первой половине XVII вв. // cyberleninka.ru/v-permi (дата доступа: 10.10. 2016).
10. Шишонко В. Н. Пермская летопись. 5 период, ч. 1. Пермь: типография губернской земской управы, 1885. 680 с.
11. Рукописный отдел Библиотеки АН (далее: РО БАН) 32.4.7.
12. Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. Пермь: Изд-во «Литер-А», 2009. 304 с.
13. РО БАН 32.4. 8. Авторский список соликамского летописца Н. С. Арефина (Арефинский).
14. Шашков А. Т. Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 36—49.
15. Васильчиков А. А. Род Нарышкиных // Русский архив. 1871. Кн. 9. М.: тип. В. Грачёва и к°, 1871. С. 1487—1518.
16. Арендт Х. (Arendt H.) О насилии / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
17. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. 1676—1700 гг. СПб.: тип. II отделения собств. ЕИВ канцелярии, 1842. 539, 3, 17 с.
18. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. В 3-х тт. Т. 3. Ростов-на-Дону, 1998. 672 с.
19. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. 3-е изд. М.: НЛЮ, 2016. 448 с.: ил.

20. Семевский М. И. Царица Катерина Алексеевна. Анна и Виллим Монс. 1692—1724. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1884. 344 с.: ил.
21. Записки графа Г. П. Чернышова // Русская старина. Т. 5. СПб.: печатня В. И. Головина, 1872. С. 829—840.
22. Поморский город Соликамск. Соликамск: ООО ИПК «Соликамск». 2010. 208 с.: ил.
23. Энглунд П. (Englund P.) Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: НЛЮ, 2009. 352 с.
24. Бруцкая Л. А., Кучумова Н. Н. Берглины на «третьем континенте» // Пермский сборник. Кн. 3. Пермь, 2015. С. 153—157.
25. Российский гос. Архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 444. Оп. 576/1. Д. 8. «Об отпуске военнопленных в Отечество».
26. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М.: Эксмо, 2013. 1024 с.
27. Анисимов Е. В. Долгорукие // Исторический лексикон. XVIII в. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 266—271.
28. Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. 1. СПб.: тип. 3-го департамента Министерства гос. имуществ, 1840. С. III, 155—170.
29. Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.: ил.
30. Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. 467, 6 с.: ил.
31. Анисимов Е. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: НЛЮ, 2019. 424 с.: ил.
32. Письмо маркиза де-ла Шетарди — г. Амело из Петербурга 17/28 мая 1740 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 86. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 611, VI с.
33. Семевский М. И. Наталья Федоровна Лопухина. 1699—1763 // Русская старина. Т. 11. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1874. С. 2—43.
34. Эткин А. Кривое горе: Память о непогребенных / пер. с англ. В. Макарова. М.: НЛЮ, 2016. 328 с.: ил.
35. Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2014. 640 с.: ил.
36. Шубинский С. Н. Арест и ссылка регента Российской империи, герцога курляндского Бирона // Русская старина. Т. 3. СПб.: печатня В. Головина, 1871. С. 551—575.
37. Гос. архив Пермского края (далее: ГАПК). Ф. 321. Оп. 1. Д. 18.
38. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 429 с.
39. Бруцкая Л. А., Муравьева Г. А. Григорий Дмитриевич Строганов: некоторые «протори и убытки» соляной лихорадки // Пермский сборник. Пермь, 2017. С. 92—99.
40. РО БАН. 1.4.20 Малый летописец
41. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.

42. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. СПб.: Наука, 2019. 671 с.

43. Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э. Война и песня: солдатские военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь: Перм. кн. Изд-во, ИД «Тип. Купца Тарасова», 2005. 200 с.

44. Пушкин А. С. Исторические заметки. Л.: Лениздат, 1984. 528 с.

45. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 1. (1542—1721). СПб.: синодальная тип., 1868. 4, 876, 51, 87, 5 с.

46. Санкт-Петербургский филиал РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 86, № 14. Подлинная память соликамским земским старостам от стольника Михаила Петровича Измайлова от 5 ноября 1710 г. о сборе рекрут и высылке в Санкт-Петербург мастеровых и работных людей.

47. РГАДА. Портфели Миллера. № 133, ч. 5. Д. 455, 490. Ф. 444. Оп. 576/1. Д. 21. Промемория провинции Соликамской «в прошлом 724 году за рекрут по сту рублей за человека» (л. 213—215). Д. 61. Промемории 17 августа 1733 и 1734 гг. 22 августа 1733 г. «о сборе рекрутской денги по 20 руб. за человека с 719 по 726 г.» (л. 4). Д. 453—454.

О наборе рекрут в 1741 г. Ф. 439. Оп. 1. Пермская провинциальная канцелярия в Кунгуре (туда был отнесён Соликамск). Д. 52. Переписка с военной и камер-коллегиями, Казанской губернской канцелярией, Пермской земской конторой, Соликамской воеводской канцелярией о сборе подушных денег, о рекрутском наборе. Д. 68. То же за 1742—1744 гг. Д. 72. То же за 1747 г. Д. 80. То же за 1747 г. Д. 142. То же за 1760 г. Д. 305—306. То же за 1767—1769 гг. И это при том, что были дела Соликамской воеводской канцелярии за 1722—1725 гг.

ГАПК. Ф. 316. Пермское губернское наместническое правление. Оп. 1. Д. 3. 4 октября 1780—15 февраля 1781 гг. Указ Сената о наборе рекрутов и рапорты Тобольской и Пермской губернских канцелярий о наборе рекрутов. 39 л.

48. Баранов П. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. 1704—1725. СПб.: тип. Сената, 1872. XXXI, 167 с.

49. Дубровин Н. Ф. Доклады и приговоры в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. 1715. Кн. 1 (январь—июль). СПб.: АН, 1892. 584 с.

50. Баранов П. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в. Т. 2. 1725—1740. СПб.: тип. Сената, 1875. IV, 705 с.

51. Иванов Ф. Н. История рекрутской повинности в России (1699—1874 гг.). М.: изд-во «Перо» 2017. 107 с. Иванов Н. Ф. Льготы и «изъятия» от рекрутской повинности в России XVIII—XIX вв. // Вестник Тюменского гос. Ун-та. 2010, № 1. С. 21—27.

52. Кибардин Н. В. Указ Великого Господина Преосвященнейшего Лаврентия, епископа Вятского и Велико-Пермского. 1735. Декабря 15 // Труды Вятской учёной архивной комиссии. Вып 1. Вятка: губернская тип., 1910. С. 53—54. Автограф Павла остался на рапорте 27 ноября 1740 г. (ГАКО. Ф. 237, Оп. 81. Д. 169. Л. 4).

53. Гос. Архив Кировской области (далее: ГАКО). Ф. 237. Вятская духовная консистория. Оп. 69. Д. 88. Та же практика показана в других консисторских делах: Оп. 69. Д. 885 от 23 июня 1744 г. (л. 2); Оп. 2. Д. 23 от 18 марта 1769 г. (л. 69—69 об.).

Гос. архив Свердловской области. Ф. 129. Оп. 1. Из собрания Н. К. Чупина. Д. 293. Челобитная М. В. Одинцова из Кунгура, его допрос в Крестовой палате и посвящение в диаконы (л. 36—36 об.).

54. Бруцкая Л. А. Христианство — религия историков: Белозёровы // Вестник Смышляевских чтений. Вып. 6. Пермь, 2014. С. 8—23.

55. Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.

56. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

57. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 11. Л. 23—24.

58. Шашков А. Т. Новые источники по истории антицерковного протеста крестьян-старообрядцев Соликамского уезда в 80-х гг. XVII в. // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 31—36.

**КНИГА “ЖИТИЯ СВЯТЫХ” ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО
С ЗАПИСЯМИ КОНЦА XVIII В. ТОТЕМСКОГО КУПЦА
А. И. НЕРАТОВА И ЕГО ПОТОМКОВ**

**THE BOOK "LIVES OF SAINTS" BY DIMITRI ROSTOVSKII
WITH RECORDS OF THE LATE XVIII CENTURY TOTEM MERCHANT
A.I. NERATOV AND HIS DESCENDANTS**

Данная публикация посвящена изучению записей купца из города Тотьмы Вологодской губернии А. И. Нератова и его потомков, сделанных в конце XVIII в. на книге «Жития Святых» Димитрия Ростовского. Эту популярную среди русских людей книгу для чтения купец купил в Москве, где она была издана в Синодальной типографии в 1764 г. Анализ владельческих записей сопровождается исследованием истории рода тотемских жителей Нератовых, известных с XVII в.

Ключевые слова: жития святых, Димитрий Ростовский, город Тотьма, купцы Нератовы.

This publication is devoted to the study of the records of a merchant from the city of Totma, Vologda province, A. I. Neratov and his descendants, made at the end of the XVIII century on the book “Lives of Saints” by Dimitri Rostovskii. This popular book for reading among Russian people was bought by a merchant in Moscow, where it was published in the Synodal Printing House in 1764. The analysis of ownership records is accompanied by a study of the history of the Totem inhabitants of Neratovs, known since the XVII century.

Keywords: lives of saints, Dimitri Rostovskii, city of Totma, merchants Neratov.

В начале 2000-х гг. в Санкт-Петербурге в букинистическом магазине было приобретено издание “Жития святых” Димитрия Ростовского, напечатанное в Москве кириллическим шрифтом в 1764 г., с записями владельцев книги конца XVIII в., имеющими важное значение для истории города Тотьмы, поскольку сделаны известным тотемским купцом Алексеем Иевлевичем Нератовым и его потомками (теперь книга хранится в Тотемском краеведческом музее — Рк-126 [1; 2])

Описание книги:

Димитрий Ростовский. Жития Святых.

Книга 1: Месяцы сентябрь-ноябрь. 3-е изд. Москва: Типография Синодальная, июнь 1764 (7272). [4, № 217, с. 73—75.].

2° (в лист). Листы: [1], 1—6, 1—4, 1—444, [1], 1—4 [т. е. 460 л.].

Страницы в линейных рамках.

Орнамент: заставки (в том числе 7 больших, с гравированными лицевыми изображениями: на двух титулах, перед двумя предисловиями и перед началом каждого месяца), инициалы, концовки, наборные украшения.

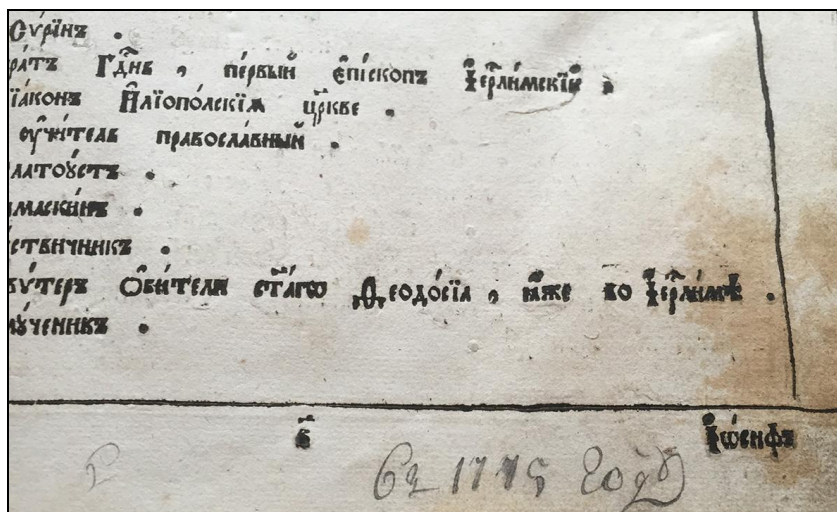
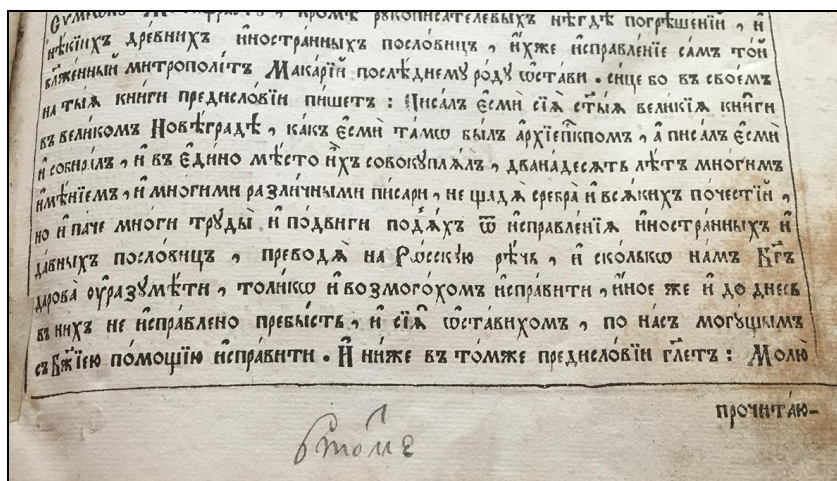
Экземпляр полный,

Переплет: доски в коже с тиснением; кожа сохранилась только на нижней крышке; на досках верхней крышки следы от тиснения текста на утраченной коже; две застежки утрачены (их корешки прикреплены к нижней крышке двумя большими металлическими гвоздями). Переплет 1830-х гг. (возможно, поновлен старый переплет) — первый и второй форзацы из бумаги с белой датой “[18]/30” г.; водяной знак — литеры “ВФ / КИ” — “Вологодская фабрика Кафтыревой Ивановой” [3, с. 18 (№ 162—165), 78, прим. 98].

Между л. 112—113 вложены закладка из шелковой ткани XVIII в. (?), а также из фрагмента газеты «Заря коммунизма» 1950—1960-х гг. — такое название имел ряд районных газет, в том числе на Севере, сохранилась часть фамилии подписчика.

Записи: По л. [1], 1—6, 1—4 по нижнему полю скорописью середины XVIII в.: “Сия / книга / тотемского / купца / Алексея / Иевлева / сына / Нератова / подписал / в Тотме / в 1775 году / в феврале своеручно».

Далее на л. 1—39 предыдущая запись как бы продолжается неумелой скорописью конца XVIII в.: «Содержит 3 месяца / феврал(ь) / март / 3 генварь (так!) / апрель / 3 книги / 1 книга / 2 книга / 3 книга / май (или «майа»?) / генварь / 3 июнь / заплачено рубль / июль / август / сентябрь / 1797 года / февраля / 24 дня / в Тотме / куплено / в Мос[к]ве / привезена / в Тотме (так!) / (далее запись как бы начинается заново, но тем же неразработанным почерком): Сия / книга / Алексея / Иевлева / отъца / сына (так!) / Нератова / в Тотме. / Сии / книги / города / Тотмы / Четь / Миния (так!) / Конец».

1. Части записи А. И. Нератова: “в Том(ь)ме”; “в 1775 году”.

Тем же почерком на л. [1] (обороте первого титула) повторено начало первой записи: “Сия”.

На обороте форзаца у первой крышки и на л. [1] об. (обороте первого титула) повторяющиеся записи первой половины — середины (?) XIX в. карандашом, очень крупными отдельными буквами, имеющими вычурные начертания (своеобразные скорописные лигатуры?): «Димитрия Маркова».

Той же рукой карандашом зачеркнуты отдельные слова в первой записи 1775 г.: «Тотемского», «Нератова», «подписал» и над фамилией и рядом со словом «подписал» карандашом более мелкими, но такими же стилизованными буквами записи: «Димитрия Маркова». Так же во второй записи 1797 г. зачеркнуты слова: «Содержит» и др. и сделано несколько записей:

«**Димитрия Маркова**». Та же запись на л. 133 об. и в конце Указателя на л. 4 об. (четвертого счета). Той же рукой помета на поле л. 99.

Подписи (скорописью разных типов) служащих Московской Синодальной типографии в конце текстов каждого месяца: сентября, на л. 134 об.: «Иван Федоров»; октября, на л. 253 об.: «Никифор Никифоров»; ноября, на л. 444 об. (чистом): «Провов».

На первом листе форзаца у нижней крышки вверху скорописью первой трети XIX в.: «Естества Божия, аще и много потрудишиися испытати, а постигнути не можеши, лист 19-й». На втором листа этого форзаца тем же (?) почерком: «Рыба Ремора», 246-й лист».

Содержание:

Л. 1—6 об. Предисловие к первому московскому изданию, подготовленному по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1759 г., с историей создания памятника (автор — коллежский асессор Григорий Полетика [4, с. 72, № 215]).

Л. 1—2 об. (второго счета). Предисловие наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Варлаама к первому киевскому изданию — тому 1 (сентябрь-ноябрь) 1689 г.

Л. 3—4 (второго счета). «Учители, писатели, историки, повествователи, от них же книга составися сия суть» — указатель источников.

Л. 1—134 об. (третьего счета). **Месяц сентябрь.**

Включает среди прочих тексты житий и памятей русских и славянских святых и праздников: 5 — Убиение князя Глеба (только память), 7 — Иоанна Новгородского, 9 — Иосифа Волоцкого (память), 16 — Киприана митрополита Киевского и всея России (память), Людмилы Чешской (памяти), 19 — князя Феодора Смоленского и Ярославского и чад его Давида и Константина (память), 20 — князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, 21 — Димитрия Ростовского (память — обретение мощей в 1752 г.), 25 — Сергия Радонежского, Ефросинии Суздальской, 27 — Савватия Соловецкого (память), 28 — князя Вячеслава Чешского (память), 30 — Григория Пельшемского Вологодского.

Л. 135—253 об. (третьего счета). **Месяц октябрь.**

Включает тексты житий и памятей русских и славянских святых и праздников: 1 — Слово на Покров Богородицы, Саввы Вишерского, 4 — Гурия Казанского и Варсонофия Тверского, 5 — Дамиана Печерского, Иеремии Прозорливого Печерского, Матфея Прозорливого Печерского, 7 — Сергия Вологодского (память), 14 — Параскевы Петки Тырновской, князя Ни-

колы Святошы Черниговского, 19 — Иоанна Рыльского, 20 — Артемия Веркольского (память из Пролога), 23 — Якова Боровицкого, 24 — Арефы Печерского, 27 — Нестора летописца, 29 — Авраамия Ростовского, 31 — Спиридона и Никодима просфорников Печерских.

Л. 254—444 об. (третьего счета). **Месяц ноябрь.**

Включает тексты житий и памятей русских и славянских святых и праздников: 5 — Ионы Новгородского, 6 — Варлаама Хутынского Новгородского, 17 — Никона Радонежского, 19 — Варлаама Печерского, 22 — Михаила воина, болгарина (память), князя Михаила Тверского (память), 23 — князя Александра Невского (память), 24 — Меркурия Смоленского (память), 26 — Освящение церкви Георгия в Киеве (память), 27 — иконы Богородицы Знамения в Великом Новгороде (память), князя Всеволода-Гавриила Псковского, Якова Ростовского (память).

Л. 1—4 (четвертого счета). «Сочинение по алфавиту имен святых» — указатель.

Примечательно, что согласно сведениям собранным А. А. Гусевой, полного комплекта всех четырех томов этого издания 1764 г. нет во многих даже центральных книгохранилищах — в Москве только в РГБ. Во время проведения в 1980-е гг. описания книг по программе «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (в которой участвовал и автор этих строк) все 4 тома издания 1764 г. было обнаружены только в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. а отдельные тома в Великом Устюге, Устюжне, Череповце. В Тотье тогда был 2-й том, а также дефектный 1-й том, который предположительно датировался 1764 г. — записей Нератовых на них не было [5, с. 240, № 42, 241, № 43].

«Книга Жития святых» или Четьи-Минеи — главное и наиболее известное произведение выдающегося церковного писателя и проповедника конца XVII — начала XVIII в. святителя Димитрия Ростовского (в миру Данила Саввича Туптало; 1651—1709). Первое издание в четырех томах вышло в Киеве в 1689—1705 гг. и затем многократно переиздавалось. В целом это самая большая по объему небогослужебная книга в старопечатной кирилловской книжности. В ней впервые в славянской агиографии критически использовано значительное количество источников, в том числе латинских, греческих и польских, внесены элементы научно-справочного аппарата (в том числе примечания на полях). После переезда автора сначала в Москву, а затем в Ростов, его труд дополнялся текстами великорусских житий.

В Москве «Книга Жития святых» была впервые напечатана в 1759 г. при императрице Елизавете Петровне, затем в 1762 г. при Петре III. Данное тре-

тье московское издание 1764 г. — первое при императрице Екатерине II (в XVIII в. в Москве было еще 4 издания). Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского пользовались огромной популярностью в разных слоях российского общества (даже у старообрядцев) и их житийные тексты многократно переписывались от руки. Они надолго стали излюбленным домашним чтением и в дворянской, и в образованной народной среде, в том числе у купечества.

А. С. Пушкин использовал тексты житий Дмитрия Ростовского в своем творчестве, сохранились его черновики их переложений на современный язык. Четьи-Минеи были в его библиотеке в Михайловском, сейчас представлены в экспозиции музея-заповедника. Ф. М. Достоевский вспоминал, что слышал их в детстве, еще до того как научился читать, а потом слушал их устные переложения у заключенных в остроге.

Таким образом, приобретение тотемским купцом Алексеем Иевлевичем Нератовым комплекта «Книги Жития святых» в Москве (судя по записям у него были еще три следующие тома) представляется типичным явлением. Но сами эти записи и история их авторов представляет значительный интерес и требует специальных комментариев и дальнейшего исследования.

Нератовы — древний род города Тотьмы — имеющий особое значение в ее истории. В середине XVII в. посадский человек — кузнец Анисим Нератов стал крупным торговым человеком — владельцем соляных труб и одновременно государственным служащим — целовальником таможенного и кружечного дворов. Эпизод его службы во главе кружечного двора даже попал в современное учебное пособие: в 1659/1660 г. он жаловался в московский приказ Новгородской четверти на своего предшественника Степана Малевинского, что тот утаил бочку в 27 с половиной ведер казенного вина (водки) [6, с. 133].

В конце жизни он свернул свою деятельность и удалился в Спасо-Каменный монастырь (но не постригся сразу в монахи, а жил как почетный вкладчик). Профессор П. А. Колесников писал в своей диссертации «Город Тотьма в XVII в. (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города)», что сыновья его не унаследовали соляные промыслы отца, переехали в подгородную деревню и стали зажиточными крестьянами [7].

При проведении переписи населения 2-й ревизии 1740-х г. было отмечено, что согласно 1-й ревизии 1720-х гг. в деревне Пятовской Окологородной волости Тотемского уезда жили Афанасей Анисимович Нератов с сыновьями Федором и Иваном и Иван Анисимович Нератов с сыном Александром, но указано, что к 1744 г. все они умерли [8].

Еще в начале XVIII в. один из сыновей Анисима Нератова — Федор поселился в Верховажском посаде и основал обширную ветвь верховажских (вельских) купцов Нератовых, многие представители которой расселились в разных регионах, их потомки известны в настоящее время [9]. Глава «Верховажское купечество» из книги В. Н. Филиповского, содержащая специальный раздел, посвященный роду верховажских Нератовых, размножена на многих сайтах в качестве студенческого реферата. В интервью в местной газете сын последнего крупного верховажского купца Михаиала Нератова — Пантелеймон Нератов удивлялся, что в книге В. Н. Филиповского написано, что его отец исчез после революции из города. В действительности купец Наратов работал в советских хозяйственных учреждениях Верховажья до 1928 г. [10].

Во второй половине XVIII — начале XIX в. мы видим среди крупного тотемского купечества Алексея Иевлевича и Осипа Иевлевича Нератовых и их сыновей. Сейчас Алексей и Осип Нератовы наиболее известны, как ктиторы и строители двух храмов в Тотме: яркого примера тотемского барокко Христорожественской церкви (нижний храм Рождества Христова построен до них в 1746—1748 гг., верхний — придел во имя Николая Чудотворца и завершение оформления всего храма — в 1786—1793 гг.) и стоявшего рядом храма во имя великомученицы Параскевы Пятницы, расположенного в нижнем ярусе, колокольни, построенной в 1786—1795 г. — разрушена в 1930-е гг.

В литературе существуют различные версии о том, какой из братьев строил тот или другой из этих храмов. Наиболее известный источник, цитируемый многими авторами — дневник П. И. Челищева “Путешествие по Северу России в 1791 г.” (СПб., 1886), в котором отмечено: “возле оной Рождественской церкви тотемский купец Осип Иевлевич Нератов строит своим капиталом каменную новую церковь во имя великомученицы Параскевы”. Но на официальном сайте Тотемского района Осипу Нератову приписывается и перестройка самой Христорожественской церкви. В недавно же вышедшей книге А. В. Кузнецова “По следам тотемского барокко (Вологда, 2016) утверждается, что ее “двусветный второй этаж с холодным Николаевским храмом” был “достроен с 1786 по 1793 год на средства купца Алексея Нератова” (источник этих сведений нам неизвестен). Вероятно, что завершением этого ансамбля храмов и колокольни оба брата занимались по единому плану.

**3-я ревизия Тотемского уезда. 1762 г. «Сказки»
о купцах города Тотьмы.
(РГАДА, ф. 350, № 3644, л. 46).**

В Пятухине Ручье ...	По последней (1744 г.) ревизии в подушной оклад положены				...Выбыли	Ныне (1762 г.) состоят налицо...
	Л	Е	Т	А		
Алексей Иевлев сын Нератов У него жена Елизавета Михайлова, 29 лет, ... тотемского посацкого Михаила Кушникова дочь.	15					33
У него братья родные						
Петр. У него жена Наталья Иванова 30 лет, ... тотемца посацкого Ивана Качянова дочь.	12		Умер в 1754-м году			
Ларион , холост	10					28
Осип. У него жена Уьяна Андреева, дочь, 17 лет, ... тотемца посацкого Андрея Терехова дочь	8					26
Рожденной после переписи (1744 г.)						
У Петра сын Алексей						8

Как видно из приведенных сведений переписи 1762 г., в которой отразилось описание населения Тотьмы предыдущей 2 ревизии, в 1744 г. отец Алексея и Осипа Иевлевичей Нератовых — Иев Нератов уже не жил со своими четырьмя несовершеннолетними детьми (названы еще два их брата — Ларион и Петр). Но он не назван и среди умерших потомков Анисима Нератова, живших в 1720-е гг. в околородной деревни Пятовской (с ее названием, как нам кажется, перекликается топоним Пятухин Ручей). Собственно, у нас пока нет доказательств, что Иев Нератов был прямым потомком Анисима Нератова, хотя в ряде современных текстов, говорящих о строительстве указанных церквей, Осип Иевлевич к ним причисляется. Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, на основе целого ряда сохранившихся книг 1—3 ревизий Тотемского уезда в РГАДА и др. источников.

Как известно, после сокращения солеварения, переставшего быть доходным, в начале XVIII в., тотемское купечество начало снова стремительно богатеть уже с середины этого столетия от торговли в Сибири, на Дальнем Востоке, в Китае и начавшегося открытия и освоения Русской Америки. Этой торговлей успешно занимались и Нератовы. Вероятно, успеху их тор-

говли способствовало взаимодействие с крупнейшими тотемскими промышленниками братьями Петром и Григорием Алексеевичами Пановыми, с 1750-х гг. начавшими снаряжать экспедиции на Алеутские острова и в Аляску, а концу XVIII в. создавших, по словам историков, целую «пушную империю». Еще у их отца Алексея Панова служил приказчиком верховажский купец Степан Федорович Нератов (внук Анисима Нератова) [11]. А в 1786 г. за сына Алексея Иевлевича Нератова — Петра Алексеевича — Петр Панов выдал замуж свою дочь Елизавету Петровну Панову.

Очевидно, этот брак имел важное деловое значение для обеих купеческих родов Пановых и Нератовых. Единственный сын Петра Алексеевича Панова — Василий Петрович, не стал продолжать дело отца, а поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк (а у брата Петра Алексеевича — Григория Алексеевича Панова — детей не было). Двух других своих дочерей — Александру и Анну — Петр Панов также выдает замуж за купцов, первую за вологодского — Шапкина, а вторую за тотемского — Кузнецова [12].

Известен портрет Елизаветы Нератовой (Пановой), сделанный неизвестным художником в Тотьме в. одновременно с портретом ее племянника В.В. Панова. Портреты хранились у ее брата майора В. П. Панова в его костромском имении «Внуково», ныне в Солигаличском районном музее. Ранее, имеющаяся на обороте, запись ошибочно читалась: «1784 годъ написанъ 48 летъ отъ роду в Тотьме». Конечно, Елизавете Пановой за два года до свадьбы не могло быть столько лет.

В Вологодском архиве в фонде Пановых сохранилась особая «запись» о приданном Елизаветы Пановой, в которой было указано, что *«Петр Алексеев сын Панов, первой гильдии купец тотемской, отдал я, дочь свою родную, в законное бракосочетание за тотемского купца Петра Алексеева Нератова, и дал ей в приданое, дочери моей родной Елисавете Петрове, денег семь тысяч рублей, да жемчужно-бриллиантовых и алмазных вещей и платьев на три тысячи рублей»* [13, с. 391—392]. Это был по тем временам значительный капитал.

К сожалению, подробностей о торгово-промышленной деятельности Алексея Иевлевича Нератова и его сыновей в литературе не имеется. В некоторых статьях говорится в общей форме, что «в ревизских сказках второй половины XVIII века можно встретить немало фамилий знаменитых купеческих династий, прославившихся участием в морских вояжах, в развитии торговли с Сибирью, Китаем, освоении Северной части Америки. Среди них ... Алексей Иевлев Нератов, его сыновья Петр и Алексей, и др.» [14].

Немногим больше мы знаем о деятельности Осипа Иевлевича Нератова. Автор книги по истории Тотьмы И.А. Соболев называет Осипа Нератова среди купцов первой гильдии, но удивляется почему его и других перво-гильдейцев нет в переписной книги 4-й ревизии Тотьмы 1780—1781 гг. [15]. Возможно, в это время он вышел из подушного оклада, поскольку служил по выбору тотемским городским головой и был фактически приравнен к чиновничеству, хотя собственно чина по Табели о рангах не получил [16, с. 370 (1779 г.), с. 413 (1780 г.)]. Эту выборную должность в начале XIX в. «унаследовал» его сын — Иван Осипович Нератов. Но он не прекратил дальнюю торговую деятельность — в списке купцов Тотьмы 1820 г. Иван Осипович числится также среди купцов первой гильдии: *«торговлю производит по Иркутской губернии шелковыми, бумажными, пушными и разными российскими товарами»*. Причем, он сам и подписал этот документ в качестве «градского главы» [14; 15].

С важнейшим этапом завершения формирования Русской Америки — созданием Форта Росс в Калифорнии — связано имя племянника Алексея и Осипа Иевлевичей Нератовых — Алексея Петровича Нератова — сына умершего молодым в 1754 г. их брата Петра Иевлевича. Ни один научный и популярный очерк о начале деятельности выдающегося тотемца Ивана Александровича Кускова — основателя крепости и поселения Росс — не обходится без рассказа о «контракте» — договоре между ним и каргопольским купцом А. А. Барановым, ставшем впоследствии во главе Российско-Американской компании. Контракт о поступлении И. А. Кускова на службу в компанию и условиях получения им доходов и жалованья был заключен в Иркутске в мае 1790 г. Основную часть своего жалованья он должен был по данному договору в течении многих лет отдавать А. П. Нератову, в счет долга по векселю в 1690 рублей. Как мог Иван Кусков — совсем еще молодой человек (он приехал в Иркутск в 1787 г. в 22 года) — задолжать такую большую сумму — остается загадкой. В литературе, в том числе в художественной, существуют разные версии.

В вышедшем недавно историческом романе Александра Грязева «Калифорнийская славянка» подробно описано общение Ивана Кускова с Алексеем Петровичем Нератовым еще в Тотьме. Во-первых, якобы они родственники по женской линии, хотя и не близкие: Иван — двоюродный племянник Нератова. Между ними существуют вполне добрые отношения (мы знаем, что в это время Алексей Петрович Нератов сам еще относительно молодой человек, в 1787 г., в год отъезда Кускова в Сибирь ему 35 лет).

В романе описано, как Кусков приходит к Нератову домой, застаёт его за письменными занятиями за конторкой в “рабочем кабинете” и начинает разговор об отсрочке платежа. Версия писателя Глазьева о том, что И. А. Кусков давно занял у А. П. Нератова большие деньги на семейное дело — покупку части соляной трубы и варницы и просил отсрочки из-за стихийных неудач: потонул дощаник с солью, направлявшийся на ярмарку, и одновременно сгорела варница — представляется художественным вымыслом. В конце XVIII в., как уже отмечалось, соляная торговля в Тотьме уже не могла принести значительного дохода, и занять на нее такие деньги было трудно. Но сама общая идея (повторявшаяся и ранее в ряде текстов), что именно А. П. Нератов повлиял на решение И. А. Кускова отправиться в Сибирь, где была возможность заработать большие деньги для погашения долга, выражена в романе Александра Глазьева достаточно убедительно: *“Думаю, надо тебе, Иван, идти в сибирские города. Не ты первый, не ты последний, кто там находит своё дело. К тому же по городам сибирским много купцов наших. Любой тебя к себе в приказчики возьмёт... Лучше всего, я думаю, тебе добраться до Иркутска. Там у меня, как ты знаешь, два сына торг ведут — Фёдор да Илейка. Я им про тебя отпишу”* [17].

Конец этой фразы, содержащей генеалогическую информацию (об этих сыновьях А. П. Нератова в литературе не упоминалось), требует особого комментария. По своему возрасту Алексей Петрович Нератов не мог иметь сыновей, которые в это время могли торговать в Иркутске (писатель, вероятно, провел здесь аналогию с известными ему сыновьями других Нератовых — Алексея и Осипа Иевлевичей). Очевидно, Алексей Петрович Нератов действовал в Сибири самостоятельно или при помощи приказчиков. Ведь он лично присутствовал при подписании контракта между Кусковым и Барановым в Иркутске 20 мая 1790 г. и также подписал его (документ сохранился в подлиннике в Отделе рукописей РГБ). Так, может быть, именно он рекомендовал молодого Ивана Кускова купцу Баранову и дал денег, для того, чтобы подготовить в Америке возможности для расширения торгово-промышленных операций Нератовых?

Но о деятельности новых поколений Нератовых в первой половине XIX в. известно мало (выше отмечались сибирские торги сына Осипа Иевлевича — Ивана в 1820 г.), а во второй половине XIX в. их фамилия в Тотьме незаметна. В целом это характерно и для других известных фамилий — город перестает быть центром крупного купечества. Ответить на все вопросы может проведение подробного исследования истории всего этого рода, в первую очередь составление родословий его разных ветвей и их соединения.

Как уже упоминалось выше, потомки верховажских купцов Нератовых в наше время продолжают жить в Вологодской области, а также в других регионах, в том числе в Москве и Петербурге. Но есть Нератовы в Западной Сибири — в Киренске Иркутской области и в Якутске (там эту фамилию носят и представители коренного населения). Вполне возможно, это потомки сыновей Алексея и Осипа Иевлевичей Нератовых, которые, подолгу жили в этих местах, и в конце концов могли быть записаны в местное купечество (Киренск — древнейший западно-сибирский острог, ставший городом по губернской реформе Екатерины II, через него шла дорога в богатую мехами Якутию).

Что же касается редкости фамилии Нератов, то анализ разных источников, в том числе сведений алфавитов Герольдии XVIII в. (куда записывали всех государственных служащих), также позволил высказать ряд соображений. Но сначала о ее этимологии.

Фамилия эта относится к большому «кусту» русских фамилий с отрицанием какого-то качества, образованных от соответствующих прозвищ. Они относятся к так называемым «оберегам» или «охранительным» именам, давая которые своим детям родители желали, чтобы они имели противоположные качества. Из них наиболее распространенные (в том числе у служилых людей): Некрас — фамилия Некрасовы (известны помещики с конца XV в.), Невежа — Невежины (также, с конца XV в.), Неклюд (неуклюжий) — Неклюдовы (с XVI в.) и т.д. Ряд подобных фамилий «оберегов» образовался от прозвищ, связанных с определенными занятиями или профессиями, с отрицательной приставкой, показывающей на якобы «неумелость» их носителя: Жнец — Нежинцев, Пряха — Непряхин, Неклепаев, Нерытов, Недопекин, Недошивин и др. Казалось бы, что эти «трудовые» (или «нетрудовые») фамилии не должны принадлежать служилым родам, но все эти примеры взяты из алфавитов к делам Герольдмейстерской конторы 1722—1796 гг. То есть, все, проходящие по делам конторы носители этих фамилий в XVIII в., стали офицерами или чиновниками и могли оформить свое потомственное дворянство.

Фамилия Нератов, как отмечается в некоторых справочниках, может происходить от придания отрицательного значения слову «ратай» — древнерусскому (старославянскому) синониму слова пахарь (ратаи — «ратаеве» — ярко описаны еще в Слове о полку Игореве), или точнее, от слова «ратва» («ратьва») — пахота. В классическом труде академика С. Б. Веселовского «Ономастикон» при фамилии Нератов приведен только один пример — знакомый нам Анисим (Онисим) Нератов — «посадский человек, 1660 г. Тот-

ма». Вероятно, С. Б. Веселовский использовал тот же источник, что Е. И. Каменцева и Устюгов в учебнике «Метрологии» [18, с. 219]. Комментариев С. Б. Веселовского к происхождению этой фамилии здесь нет, как и к приведенному выше прозвищу: «Нератай, холоп, 1539 г., Новгород». О том, что «ратай — пахарь» в «Ономастиконе» указано при статье «Ратай, Ратаевы» [18, с. 266], но там это прозвище и образованная от него фамилия принадлежат разным служилым людям — дворянам-помещикам XVI—XVII вв. То есть подобные «нетрудовые» обереги могли получать с древности лица разных сословий. К тому же слово «ратай» имело и переносное значение: «труженник», «работник» [19, с. 114.]. Поэтому можно назвать и схожую по этому смыслу с Наратовыми известную фамилию Неделины, социальные трансформации одного из носящих ее родов — елецких служилых людей конца XVI—XVII вв., превратившихся в начале XVIII в. в однодворцев, а затем в крестьян (их много в Орловской области) и воронежских купцов, заслуживают внимания в связи с изучением фамилии Нератовы.

Следует отметить, что в древнерусском языке существовало много слов, с аналогичным по написанию корнем «рат», но с противоположным по значению смыслом — «рать» — сражение, бой, в том числе прилагательное «нератный». Академический словарь приводит для этого прилагательного два значения: 1) неодолимый, непобедимый; 2) невоюющий [19, с. 274—275]. Но если существуют ряд фамилий с корнем «рат» — «рать»: Ратников, Ратцов, Ратнов и др., то фамилий с отрицательным значением: Нератнов, Нератный, кажется нет. Существует, однако, село Нератное в Тульской области, рядом с толстовской Ясной Поляной. Вопрос, в целом, конечно, требует консультации лингвистов.

Как уже отмечалось весь учет этих чинов, как военных, так и гражданских был сосредоточен в созданной в 1722 г. при Сенате по указу Петра I Герольдмейстерской конторе, Ее обширный архив за весь XVIII в. находится в Российском государственном архиве древних актов и сохранил старый справочный аппарат — алфавиты фамилий по которым ведется поиск дел. Среди всех алфавитов было обнаружено только одно дело с фамилией Нератов, которое подкрепило возникшую у нас давно гипотезу и о чрезвычайной редкости фамилии, и о возможности перехода в XVIII в. тотемских жителей из одного сословия в другое.

В 1736 г. в Герольдмейстерскую контору было получено из Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге прошение вдовы канцелярского служителя Адмиралтейства Федора Герасимовича Нератова — Аксиньи Константиновны Нератовой, которая просила о назначении ей пенсии и об

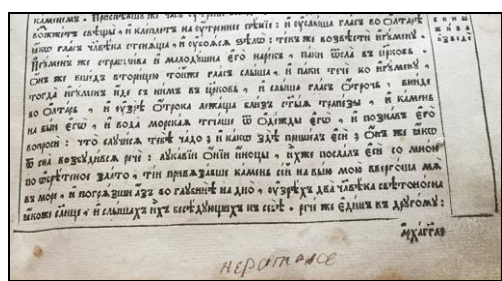
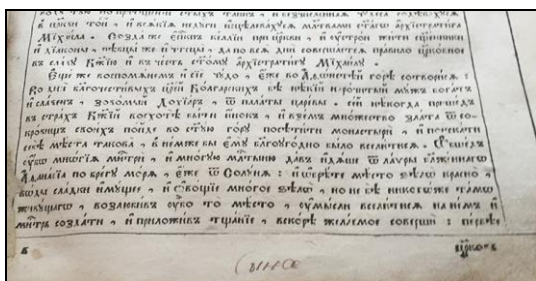
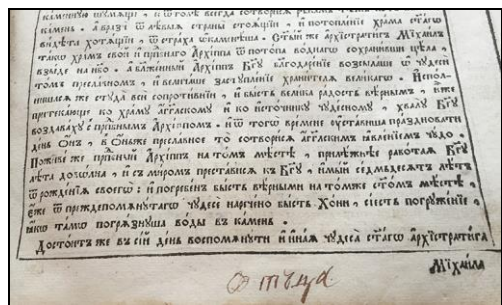
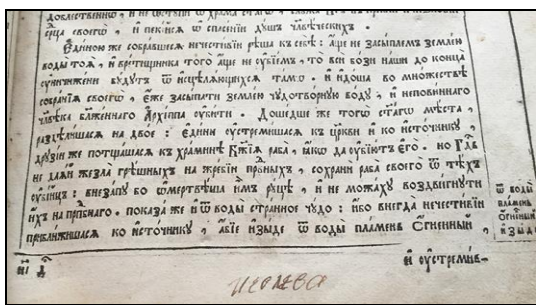
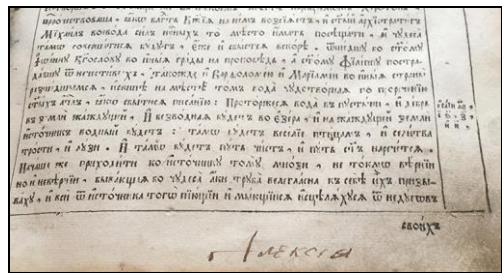
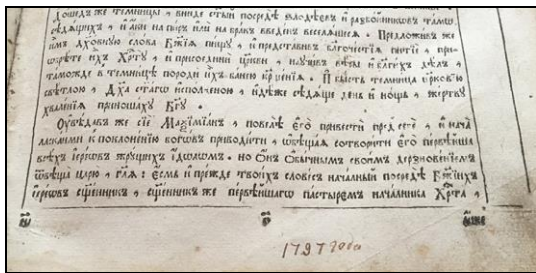
устройстве старшей больной дочери в приют. В прошении была изложена истории этой семьи: отец ее мужа Герасим Нератов — кузнец из Тотмы — попал в только что основанную в 1703 г. Петром I новую столицу по набору специалистов для работы на первой Адмиралтейской верфи (тотемские кузнецы славились своим умением при строительстве малых торговых судов). Его сын Федор Нератов, очевидно, не просто грамотный, но имевший хорошие навыки в письме, был определен на службу в создаваемую канцелярию нового Российского морского ведомства.

Следовательно, он изменил свой сословный статус и стал чиновником, хотя и не успел получить чина в соответствии с Табелем о рангах 1722 г. Такое пополнение служилого сословия выходцами из так называемых «податных сословий» (посадских, мещан, ремесленников и даже крестьян) было не редкостью для петровской эпохи и для XVIII в. в целом. В прошении вдовы канцеляриста Нератова названы только находящиеся при ней дочери, но вполне могли быть и сыновья которые могли в момент подачи прошения в 1736 г., также как их отец, быть определены на государственную службу и стать прародителями ряда известных носителей этой фамилии в XIX в — чиновников и военных.

Возвращаясь, наконец, к записям книги «Жития святых» Дмитрия Ростовского, принадлежавшей в конце XVIII в. тотемскому купцу Алексею Иевлевичу Нератову и, очевидно, его потомкам можно сказать, что в них также содержится определенная загадка, пока нерешенная. Но сначала следует отметить, что данные записи в целом представляют большую научную ценность для книговедов и археографов. Ведь в них отмечен регион проживания и социальный статус владельца, время записи и то, что она сделана «своеручно», а затем указано, что книга куплена в Москве и ее цена. Эти сведения представлены далеко не во всех известных книжных владельческих записях XVIII в., а указанные одновременно весьма редки.

Как было указано выше в описании книги, первая запись сделана самим А. И. Нератовым 1778 г., а потом продолжена другим почерком, как бы дополняя содержание первой записи: указано, что имеются другие три тома, содержащие жития за следующие месяцы, что издание (все книги?) «куплено» в Москве, за 1 рубль (это скорее цена одного тома — все четыре стоили по данным А. А. Гусевой 12 рублей). По своему нетвердому почерку и по характеру повторов продолжение первой записи очень похоже на учебное упражнение. Подобные учебные упражнения в письме, в том числе в виде владельческих записей, с древности довольно часто можно встретить в рукописных и печатных книгах. В данном случае обучающийся уже овладел

основами письма и упражнялся в деловой скорописи. Но, как уже отмечалось, скоропись эта еще довольно неумелая — буквы почти не связаны, тогда как купеческих детей старались учить профессиональному письму.

2. Вторая запись: «1797 года... Алексея Иевлева отца сына Нератова».

Но какие дети могли делать это продолжение записи? Ее первая часть имеет дату 1797 г. В это время Алексею Иевлевичу 68 лет. Известные нам его два сына — Петр и Алексей, которые помогали ему в торговых операциях и вероятно ездили в дальние поездки, в это время уже взрослые люди. Как мы знаем, в 1786 г. Петр Нератов женился на дочери промышленника Панова. Может запись делал поздний ребенок Алексея Иевлевича Нератова от второго брака? А может быть даже его внук (хотя в записи и фигурирует слово «отец»)? Для проверки этого следует обратиться к переписям населения Тотьмы конца XVIII в. и к другим документам, которые хранятся в Вологодском архиве. Но то, что данное продолжение записано со слов Алексея Иевлевича, очевидно из указаний на то, что книга куплена в Москве и на ее

цену. Можно выдвинуть и такую неожиданную гипотезу, что это продолжение записи делалось самим ее первым владельцем через 20 лет после ее первой части, а нетвердый почерк — его возрастное изменения. Здесь уже нужна помощь графолога.

Некую информацию к размышлению несет и карандашная запись следующего владельца книги в первой половине XIX в. — Дмитрия Маркова. Эта фамилия известна в Тотьме, но к купечеству XVIII в. — начала XIX в., кажется, не принадлежит. Книга Нератовых, попала к Маркову явно не по наследству — он пытался зачеркнуть карандашом имя прежнего владельца. Все это наводит на размышления о возможном упадке этой ветви Нератовых в Тотьме, сыновья Алексея Иевлевича могли осесть в Сибири и его тотемская библиотека могла разрозниться. Но и одна сохранившаяся книга является ценным памятником истории этого замечательного рода и призывает нас к его дальнейшему изучению.

1. Музей Тотьмы пополнился новыми экспонатами, включая шляпу Рубцова [Электронный ресурс]. URL: <http://vologdaregion.ru/news/2019/12/29/muzej-tot-my-popolnilsya-novymi-eksponatami-vklyuchaya-shlyapu-rubcova> (дата обращения: 11.12.2020).

2. 508 предметов пополнило фонд Тотемского музейного объединения в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <http://totmamuz.ru/508-predmetov-popolnilo-fond-totemskogo-muzejnogo-obedineniya-v-2019-godu/> (дата обращения: 11.12.2020).

3. Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978.

4. Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

5. Амосов А. А., Алексеева Ю. А., Морозов Б. Н. и др. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564—1825 гг.). Вологда, 1983.

6. Каменцева Е., Устюго Н. Русская метрологи. 2-е изд. М., 1975.

7. Колесников П. А. Город Тотьма в XVII веке (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 3.

8. РГАДА, ф. 350, оп. 2, № 3642. Книга переписная, выбывших после 1-й ревизии купцов г. Тотьмы и населения уезда.

9. Филиповский В. Н. Страницы истории Верховажского края. Верховажье, 1999.

10. Цуварев В. Судьба // Верховажский вестник. 1995. № 30. 14 марта.

11. Наумова О. А. Тотемское купечество в XVIII—XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов Государственного архива Вологодской области) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3.

12. Григоров А. А. Генеалогические заметки и материалы (подгот. С. В. Думин). Род Пановых // *Летопись Историко-Родословного общества в Москве*. М., 1993. Вып. 1 (45). С. 28—30.
13. Даен М. Е. Генеалогические источники и их роль в идентификации портретов XVIII века, с надписями на оборотах холстов // *Русская культура нового столетия*. Вологда, 2007.
14. Наумова О. А. Тотемское купечество в XVIII—XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов Государственного архива Вологодской области) // *Тотьма. Краеведческий альманах*. Вологда, 1995. Вып. 3.
15. Соболев И. А. Тотьма. Архангельск, 1987.
16. Степанов В. П. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764—1795). Список по Месяцесловам. СПб., 2003.
17. Грязев А. Калифорнийская славянка. М.: Вече, 2010 и др. издания.
18. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
19. Словарь русского языка 11—17 вв. М., 1997. Т. 22.

**ТОПОСЫ ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВА И ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ
СТАРООБРЯДЧЕСТВА КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА****THE TOPOS OF LIFE AND SPIRITUAL QUEST OLD BELIEVERS OF THE
END OF XVII — BEGINNING OF XVIII CENTURY**

Статья посвящена изучению топосов пустынного жития в агиографии и литургических памятниках, их влиянию на формирование духовных воззрений старообрядчества в конце XVII — начале XVIII века. Среди древнерусских памятников агиографии большое место занимают жития с мотивами пустынножительства. Топосы пустынного жития пришли в агиографию из Священного Писания, среди которых важнейшим является топос пустыни — наиболее емкий символ, вобравший множество ассоциативных смыслов (место очищения евреев от духа рабства, земля испытаний и получения заповедей и т. д.). Понятие пустыни расширяется в Новом Завете. Христос делает пустыню местом проповеди, чудес и молитвы. Образ Иоанна Предтечи и связанные с ним топосы («рождение от неплодной утробы», «ангел пустыни», «плоды покаяния» и др.) активно используются в агиографических и литургических текстах. Первое Житие Антония Великого было отшельническим. Памятник оказал огромное влияние на дальнейшее развитие агиографии, трансляцию в топосов «Божественного желания и пустыннолюбия», «пустынных страхований», «преображения пустого места» в райское селение и «обительный град». В XVII в. на Русском Севере набирает силу пустынножительство, усилившиеся после церковного Раскола. Житийный и литургический топос «бегства в пустыню» сыграл решающую роль в старообрядчестве — в построении учения о спасении в наступившие «последние времена». Взятая из примеров агиографии старообрядческая идеология «пустынножительства» позволила дать утешительный ответ на вопрос о спасении людей, вышедших из лона церкви и оказавшихся без ее таинств. Путь спасения показан на житийных примерах святых отцов и жен, проводивших свою жизнь в пустыне, и не имевших возможности «вкушать Тела Христова», но, тем не менее, достигших святости. Однако, поиск пути спасения через добродетельное пустынное житие, оказался лишь неосуществимой мечтой старообрядчества: пустынножительство, подразумевающее полное уединение, на практике вылилось в общинную форму существования, ярким примером которого было Выгорецкое общежительство.

Ключевые слова: агиография и гимнография, топосы пустынножительства, старообрядчество.

The article is devoted to the study of topos "of desert life" in hagiography and liturgical monuments and their influence on the formation of spiritual views of the old believ-

ers in the late XVII — early XVIII century. Among the ancient Russian monuments of hagiography, a large place is occupied by the lives with the motives of desert-dwelling. The topos of the desert life came to hagiography from the Holy Scriptures, among which the most important is the topos "of the desert" — the most capacious symbol that has absorbed many associative meanings (the place of purification of the Jews from the spirit of slavery, the place of trials, the place of receiving the Commandments, etc.). The concept of the desert is expanded in the New Testament. Christ makes the desert a place of preaching, miracles, and prayer. The image of John the Baptist and related topos ("birth from a barren womb", "angel of the desert", "fruits of repentance", etc.) are widely used in hagiographic and liturgical texts. This monument had a great influence on the further development of hagiography, on the spread of topos: "Divine desire and love for the desert", "demonic temptations in the desert", "turning an "empty place" into a garden of Eden and "flourishing monastery". In the 17th century the number of hermits has increased of the Russian North after the Church's Split. The hagiographic and liturgical topos of "flight to the desert" played a crucial role in the old believers, in the construction of the doctrine of salvation in the "last times". Taken from examples of hagiography, the old believer ideology of "escapes to the desert" allowed us to give a comforting answer to the question of the salvation of people who came out of the bosom of the Church and found themselves without its sacraments. The way of salvation was suggested by the numerous lives of the Holy fathers and wives who spent their lives in the Church. Life in the desert, assuming complete solitude, turned out to be only an impossible dream of the old believers, and in practice it resulted in a communal form of existence, a vivid example of which was the Vyhoretsk's community.

Keywords: *agiography, hymnography, toposes "of desert life", The Old Believers.*

Изучение древнерусских памятников агиографии, среди которых большое место занимают жития с мотивами пустынножительства, обусловило появление обобщающих исследований по данной теме в современной агиологии. Т. В. Руди был введен термин агиографический тоpos [1, с. 59—101], обозначающий общие места в житийных повествованиях, несколько работ были посвящены топике житий пустынножителей (2, 3), на основе исследования редкого на Руси отшельнического Жития прп. Никодима [4] нами были также выявлены особенности пустынножительных мотивов византийской и древнерусской агиографии и в старообрядчестве [5, 6, 7]. Агиографические топосы заимствовались из Священного Писания, входили в литургические и житийные тексты, цитировались, дополнялись. В настоящей работе предлагается рассмотреть истоки появления топосов «пустынного жития» в агиографических и литургических памятниках, а также показать их значение в поисках путей спасения в XVII веке, проявившихся в старообрядчестве.

Пустыня в Ветхом и Новом завете

Агиография изначально ориентировалась на образы Священного Писания, где топоним пустыни занимает важное место [7, с. 230—232]. Пустыня сыграла важную роль для еврейского народа: укрыла его от преследований фараона, на протяжении сорока лет питала его манной небесной. Эта «невозделанная» земля поглотила рабство, ибо в ней умерли все, родившиеся в Египте евреи, явилась местом, где Моисей получил заповеди Божьи (Исход. 20: 1—17). Пустыня стала особым аскетическим пространством, землей, где ощутимо присутствие и близость Бога, она искоренила страсти, так немедленно в ней погибали все, кто пожелал поклониться иным богам, кто нарушал заповеди, не слушал гласа Господа. Пустыня стала путем нравственного очищения, «предуготовлением» к иной жизни, свободной от греха и порока. Когда родившееся в пустыне и воспитавшееся в заповедях, данных Моисею Богом, новое поколение израильтян, прошедшее через многочисленные испытания голодом, жаждой, закаленные в терпении, завоевывает плодородные и благодатные Обетованной земли, то в национальном сознании еврейского народа пустыня остается неким ярким, незабываемым временем. Вхождение в Обетованную землю отразилось в ежегодном праздновании евреями Пятидесятницы: «Пятидесятницу же праздноваху, сию прияхом от еврейских книг, в воспоминание еже в пустыни злострадание их, и како многими скорбьми в землю Обетования введены быша, тогда бо и плода пшеницы и вина насладишася» [8, с. 244].

Пустыня воспринималась древними цивилизациями как место безжизненное и труднопроходимое, «не рождающая» и удаленная от людей некультуренная земля. Однако уже в ветхозаветных текстах обнаруживаются мотивы чудесного «преображения» пустынной земли. Так, в пророчествах Исаии, проникнутых настроениями освобождения от Вавилонского плена, показана пустыня, ликующая, напоенная водами, исхоженная дивными зверями, более напоминающая Райский сад, олицетворяющая пробуждение жизни иудейского народа «Радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цветет яко крин. И процветет и возвеселится пустыня Иорданова, и слава Ливанова дадеся ей <...> яко проторжеся вода в пустыни, и безводная будет во езера и на жаждущей земли источник водный будет. Тамо будет веселие птицам и селитва трости и лузи» (Исаия. 35:1—2,7). Именно этот фрагмент Священного Писания вошел в число паремийных чтений в службе на Крещение Господне, связанной с именем Иоанна Крестителя, и др. пустынножителей (прп. Нил Сорский).

Примеры уединенного пустынножительства находим в жизни пророков древнего Израиля — Ильи и Елисея (3, 4 Царств.). Самый последний из пророков — Иоанн Предтеча, называемый в Евангелии «ангелом пустыни»,

имеет особое значение, ибо еще в младенчестве поселился в ней. До Крестителя пророки уходили лишь на время в пустыню, Предтеча же стал ее первым «жителем».

Из Евангельских рассказов о св. Иоанне Предтече, первого жителя пустыни, в литургику приходят топосы «рождения в пустыни»: «прозябение неплодное», «чадо пустыни», однако, наиболее распространенными являются топосы: «ангел пустыни» и «глас вопиющего в пустыни» (9, с. 263). Предтеча сделал пустыню Иорданову местом проповеди покаяния, местом очищения от грехов через крещение во Иордане. Пустыню освятил своим пребыванием и Сам Господь, показав будущим монахам пример пустынного жития: «и бѣ ту въ пустыни дней четьредесять, искушаем сатанюю, и бѣ со звѣрми, и ангели служаху Ему» (Мр. 1:13). Топосы — «житие со звѣрми», «служение ангелов» и «ангелоподобие» из Евангелия переключиваются в агиографию и в литургические тексты. Новозаветная пустыня явилась местом проповеди и чудес Спасителя в эпизодах умножения хлебов и рыбы (Мф. 15:33—38; Мр. 8:2—9; Лк. 9:12—17; Ин.: 9—13), утешения Господа в скорбные часы жизни — после казни Иоанна Предтечи (Мф. 14:13), и отдыха — Христос советует апостолам: «приидите вы сами въ пусто мѣсто едини и почийте мало» (Мр. 6:31). Особенно важно то, что Спаситель на собственном примере показывает ученикам, что пустыня — лучшее место для безмолвия и молитвы: «и утро нощи сущей зѣло, востав изыде, и иде въ пусто мѣсто, и ту молитву дѣяше...» (Мр. 1:35). Указание Христа на пустынное уединение, как на необходимое условие совершения молитвы и «перебывания в Боге», по сути, было толчком к появлению иночества. Подражая ветхозаветным пророкам, Предтече и Спасителю, в пустынные места стали селиться первые христиане. Этими пустынными местами нередко были заброшенные гробницы. Поначалу пустыня укрывала христиан от гонений, а потом от соблазнов мира. Вот как, например, описывается жизнь аскетов епископом Палладием (IV в.): «мужи эти с младых ногтей, происходя от родителей-христиан, повинувались Богу и, будучи еще отроками <...> достигнув безлюдного места на юге, лежащего вдали от населенного мира, построили хижины, чтобы укрыться от жара солнечного светила и от небесной влаги. Живя в этих хижинах, они проводили время в молитвах и чтениях Священного Писания, настолько ограничивая плоды дел рук в телесных трудах, насколько это было достаточно для скудного образа жизни. Они считали, что лучше жить вместе с антилопами, страусами и буйволами, чем пировать с людьми, не знающими Бога...» [10, с. 109].

Пустыня в житийных текстах и гимнографии.

Образы пустыни, мотивы и топосы пустынного жития нашли отражение в отшельнических жизнеописаниях, литургических текстах и агиографии. Самое первое житие, составленное свт. Афанасием Александрийским, было отшельническим. Святитель явился открывателем жанра агиографических жизнеописаний, способов изображения и художественных приемов житийных повествований. Житие Антония Великого относят к лучшим аскетическим творениям святителя — в нем жизнеописание великого подвижника сопряжено с поучениями, представляющими программу монашеской жизни [11, с. 219]. Естественно, что в памятнике большую роль сыграло авторское видение самого св. Афанасия Великого, и «Житие Антония» «можно рассматривать как своего рода групповую икону обоих святых» [12, с. 81]. Свт. Афанасий начинает Житие прп. Антония с рождения и заканчивает исходом святого «в иной мир». Бодрый призыв свт. Афанасия подражать св. Антонию и египетским святым в подвиге стал девизом иночества на все времена: «Благу ревность состависте к египетским иноком, рекше, сравнитися или превзыти сих воздержанием вашим добродетелным» [13, л. 436]. Святитель призывает к соревнованию в воздержании — фундаменту монашеского делания: «есть бо иноком образ доволен на воздержание — Антониево житие». Сам же Антоний, известно по житию, «ревновал» подвигу ветхозаветного пророка Илии, стремясь «от жития великаго Илии рассмотри, яко в зеркале, свое житие» [13, с. 437]. Блж. Иероним, высоко оценивал подвиг Великого Антония для монашества: «ибо не столько он — прежде всех (живущих уединенно. — *Е.П.*), сколько им ревнование всех пробуждено было» [14, с. 29]. По утверждению Филарета (Гумилевского), заслуга Антония в том, что «он освятил монашескую отшельническую жизнь» и «духом благодати, в таком обилии обитавшей в нем, возбудил ревнование к подражанию себе» [14, с. 29—30].

Как Житие прп. Антония Великого было образцом для составителей биографии преподобных и отцов пустынников, так, несомненно, Житие прп. Сергия Радонежского в изложении Епифания Премудрого и Пахомия Логофета, послужило примером для составления отшельнических агиобиографий на Руси. Прп. Сергий для русского иночества был образцом не только уединившегося монаха — безмолвника, но прежде всего, игуменом, духоносным аввой для множества учеников: «в пениих, бдениих и пощениих образ быв твоим учеником» (из тропаря прп. Сергию Радонежскому). Так и Антоний Великий собрал вокруг себя многочисленное иночество. В кратких и законченных текстах гимнографии показывается как «пусто место», благодаря деятельной молитве подвижника, преобразается в крупный монастырь, становится градом-обителью со множеством иноков, как, например, читаем в се-

дальне по полиелее в службе прп. Кирилла Белоезерского: «в пустыню, преблаженне, вселился еси, и в ней пречестен храм Божия Матере воздвигл еси, и множество монашествующих тамо собрал еси...» [15, с. 273].

Топос «Божественное желание» или пустыннолюбие

«Уход в пустыню» означал для инока не только и не столько определенный вид подвижничества, но особое состояние души — ее готовность к «сугубому» подвигу [4, с. 198—199]. В определенный момент своей жизни будущему отшельнику приходил помысел — «идти самым тесным путем», проводить самое «жестокое житие», навсегда умереть для мира, сокрывшись в «пустом месте». Составители житийных текстов стремились заострить внимание на этих особых моментах духовного озарения подвижников при мысли о «водворении» в пустыне. Помысл «ухода в пустыню» является самым ярким, ведущим топосом в житийном повествовании пустынножителя, за которым последует целая череда топосов и мотивов. В литургике этот топос обозначается как «Божественное желание», например, из службы Павлу Фивейскому: «К Божественному желанию, блаженне, вперив ум, возшел еси к Горним пустыни» [9, с. 5], в тропаре прп. Дионисию Глушицкому: «Божественною любовию от юности распалаемь, Дионисие преподобне <...> во внутреннюю пустыню вселился еси, со зверьми живый, весь Христови...» [15, с. 18].

У послушника Дамиана из «Повестей о пустынножителях Соловецкого острова», при разговоре об отшельниках, «воскипе в сердце его велие желание» вселиться в пустыню и в тайне работать Богу: «Словно олень, жаждущий источников водных — по словам агиографа — возжелал он сего чуднаго безмолвнаго, вышеестественнаго жития...» [16, с. 496]. В Житии прп. Трифона Печенгского говорится, что святого еще в отрочестве поразили слова, услышанные им на утрени: «пустынным живот блажен есть» (Степенны 5 гласа воскресной утрени). И от того часа, пишет составитель жития, Трифон «возлюби пустыню» и «начат от родителей отлучатися по непроходным местам, не радея о зиме и зное, и иных пустынных страхований...» [17, л. 2 об.]. Прп. Мартирий Зеленецкий, желая «поискуситися в пустынном жителствии», услышав о видении учеником Авраамием креста «звездами» над Зеленецким островом, почувствовал, как «велий пламень в сердцы <...> возгорься...» [18, с. 313]. Именно этой «пламенной» решимостью и «Божественным желанием» начать «вышеестественное» житие автор подчеркивал богоизбранность святого, поскольку путь, которым он следовал, был предуготован самим Богом. Иногда святому еще в детстве давался Божественный знак, как случилось с Никитой из Иваньково (Житие Никодима Кожеозерского), который в поле услышал свое будущее монашеское имя: «Никодиме,

Никодиме!» [19, с. 253]. Неслучайно таинственный голос прозвучал в «пустом месте», предвещая будущее пустынножительство святого. Прп. Трифон Печенгский еще в отрочестве начал убегать от родителей и скитаться «по расселинам и оврагам», словно «особающаяся птица».

В основном же, пустынножители уходили «безмолвствовать» не из родного дома, а из монастырей, уже достигнув определенной меры в подвиге, получив благословение духовника. Часто топос ухода из монастыря на пустынное жительство в житиях северорусских святых определялся однозначно — как «бегство от славы», когда любовь окружающих начинала являться серьезной помехой для дальнейшего преуспевания в продвижении по «лестнице» добродетелей. Этот мотив, восходящий к Житию Антония Великого, в русских житиях встречается достаточно часто [2, с. 521].

Топосы преображения пустого места, пустыни.

«Пусто место», преображенное в райский сад является топосом ретроспективным, часто употребляющимся в гимнографии. Дикие звери, жительствовавшие рядом с кельей святого, вскоре становятся ручными. По молитве святого в пустыне появляется источник воды. Пустыня, орошенная слезами и потом, возделанная трудами и молитвами отшельника в литургических текстах, как правило, рассматривается в проекции в будущее — как место обители со множеством иноков, преисполненное благоуханием святости, исходящей от мощей святого. Обитель (град) для множества иноков: «пустыни жителя, яко ту град сотворил еси» (стихира на Господи возвах прп. Кириллу Белозерскому), «в пустыню, преблаженне, вселился еси, и в ней пречестен храм Божия Матере воздвигл еси, и множество монашествующих тамо собрал еси...» (седален по полиелее в службе прп. Кириллу Белозерскому [15, с. 273]. В литургических текстах пустынножитель сравнивается с цветущим растением, «врастающим в пустыню» и наполняющим ее благоуханием святости своего жития: «процвете пустыня цветы добродетелей твоих красная, страстей бо погубил еси терния в ней...» — поется в стихире на Господи возвах прп. Павлу Фивейскому [9, с. 5]. Часто гимнографы сравнивают отшельника с лилией, выросшей в пустыни: «Яко крин в пустыни давидски процвел еси, отче Кирилле» (тропарь прп. Кириллу Белозерскому) [15, с. 272], «яко крин от Бога, ныне благоухание жития твоего благоухаеши нам...» [9, с. 5], с ароматным плодом или цветущим деревом: «преподобия плод прозябл еси...» (служба прп. Дионисию Глушицкому) [15, с. 13], «финиксе краснопроцветающий...» (молитва прп. Онуфрию) [15, с. 427]. В стихирах, как правило, восхваляется равноангельное житие пустынножителей, тем самым происходит реализация топоса «ангелоподобия» — «небесный человек, ангелов сожитель» [1, с. 78].

В литургических текстах задается некая перспектива в Вечность, в Царствие Небесное, где сейчас пребывает святой: «темже мир оставил еси, бегая и пребывая в пустынях и горах <...> нетления ризу себе самому соделова, с неюже возшел еси в Небесный чертог, вечно радуясь, Онуфрие преподобне» (стихира на хвалитех прп. Онуфрию Великому) [15, с. 426]. В пустынном безмолвном уединении пустынножитель удостоивается беседы с Господом, наслаждается зрением Бога и Божественного света, неподвижная пустыня становится дорогой, ведущей в Райские селения. Многолетнее пребывание в пустыне приводит подвижника к вратам Вечности, где по кончине становится «Святей Троице жилищем». Мощами же угодник Божий «яко живой» остается в прославляющей его обители, словно где яко солнце озаряет всех, с верою приходящих к раке мощей его. Для братии обители рака с мощами основателя пустыни является истинным сокровищем, источником чудесных исцелений и заступления.

Топосы пустынных страхований

Пустынножитель молитвой, подвигом воздержания и чистотой помыслов освящает нечистое первоначально пространство — остров или лесной участок, заселенный бесами или языческим народом. Как только отшельник поселяется в пустыни, он сталкивается с различными искушениями, в первую очередь, с «пустынными страхованиями». Агиографы называли аскетическую борьбу пустынножителя добровольным мученичеством. В Житии Трифона Печенгского говорится, что святой «в пустыни безчисленно ран прият от бѣсов и от всяких пустынных страшилищ, особенно от кебунов — отлученных диявольских слуг» [17, л. 2 об. — 3]. Бесовские козни и нападения пустынножитель отражал с помощью молитвы и воздержанием «выше меры». Так, Антоний Великий, «любви ради Христовы, терпел еси крепчайше от демонов искушения, молитвою и благодатию отгнал еси сих паучины» [9, с. 38]. В Житие Антония Великого бесы предстают «воочию», накидываются на пустынножителя с угрозами. Так, после жесточайших плотских борений Антонию является отрок с почерневшим лицом. Назвав себя «духом блуда», он признался, что подвижник победил его. Влияние Жития Антония Великого на Житие прп. Сергия ощутимо, так, рассказ об искушениях в пустыне Епифаний и Пахомий Логофет приближают к фантастическим зарисовкам «демонских кознодейств и страхований» в духе византийской агиографии: «Беси бо преображахуся овогда въ зверя, овогда же в змия, и тако бе видети чюдное борение мужа. Ти бо с висканием и зверьским сверепием устремляющеса бяху...» [20, с. 34]. Реализм древнерусского книжника проявился в описании опасностей «звериных устремлений», подстерегающих жителя лесной глуши: «мнози бо зверие, яко же ре-

чеса, въ той пустыни тогда обретахуся, овии стадом выюще, ревуще прохощаху, а друзии не мнозе, но или два, или трие, или един по единому миро течяху; овии же отдалече. А друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающее его» [20, с. 37]. Известно, что в Епифаниевом Житии прп. Сергия пространных и подробных эпизодов пустынного жития было гораздо больше. К сожалению, они исчезли в Пахомиевской редакции. Пахомий Логофет убрал то «живое» Епифаниево описание вида глухой лесной пустыни в то время, когда поселился в ней Сергей [21, с. 87], пытаясь придать изображению большую каноничность, и уподобить святого житийным первообразам (прпп. Антонию Великому, Савве Освященному).

Не терпя молитвы св. Сергия, свирепые бесы, желая прогнать святого прочь из пустыни, целым стадом набрасываются на пустынножителя, «бесчинно вопиюще и с прещением глаголюще: «Отиди, отиди от места сего! Что ища, пришел еси в пустыню сию? Что хочещи обрести на месте сем? Что требуеши, въ лесе сем сидя? Жити зде ли начинаеши? Въскую зде водворяеши? Не надейся зде жити: не к тому бо можеши ни часа закоснети! Се бо есть <...> место пусто, место безгодно и не проходно, съ все страны до людей далече, и никто же от человек не присещает зде...» [20, с. 35]. Топос нападения бесов на подвижника с угрозами встречаем во многих житиях (прпп. Зосимы и Савватия Соловецких, Трифона Печенгского и др.). Подобный пример видим в Житии прп. Никодима Кожеозерского: «издревле челоуѣконенавидецъ бо есть, таже видѣвъ множайшее терпѣние и любовь, и прилѣжную молитву преподобнаго, еже к Богу, разгнѣвавшеся окаянный и разсвирѣпѣвъ велми на преподобнаго. И прииде бо с привидѣниемъ страшнымъ к нему и со многою силою своею, всякими видами претворившеся и велми ревуще, // и претяще преподобному и зубы своими скрежещуще, и глаголюще ему: «Изыди, калугере и злый старче! Изыде ис пустыни сея! Что ти есть приобрѣтение в пустыни сей? Изыди, дондеже не убиемъ тя!» [22, с. 122—123].

Многолетняя борьба с духами злобы, непрестанная молитва и строгий аскетизм подвижника преображали и сам облик пустыни. В литургических текстах пустыня и подвижничество святого Антония восхваляются в перспективе Райского пребывания, на Небесах: «на Небо возшед колесницу чудну добродетелей, достигл еси краеградия пощением, из пустыни обходя Горняго Иерусалима прекрасная...» [9, с. 5]. Неслучайно пустыня в литургической поэзии и, под ее влиянием в духовных стихах, уподобляется Раю, где звери, живущие окрест нее, ведут себя подобно «эдемским тварям». Биограф святого Трифона Печенгского пространно рассуждает о послушании зверей избранным библейским святым: Ною, Сампсону, Давиду псалмопевцу, пророкам Елисею и Давиду, и пишет, что «в новой благодати в житиях

святых и паче избрѣтаем, им же служажу и повиновахуся звѣрие» [17, л. 12]. В византийских житиях помощником пустынножителя, как правило, был лев (в житиях прпп. Герасима Иорданского, Аркадия Синайского, Марии Египетской) — зверь, в те времена еще обычный для Северной Африки и Аравии. Так, львы, исцеленные преподобными Герасимом и Аркадием, уже никогда не расставались со своими врачевателями, но смиренно служили им до смерти. Житие прп. Аркадия повествует о старце, который подвизался в пустыне-вертепе, отстоящем в семи поприщах от Синайской горы. Семь лет Аркадий провел в пустыне, искушаемый демонами. Однажды, «болезнующий и вельми скорбя, мня в себе како толико лет не причастился тела и крови Христа Бога нашего и плакася о сем, въздыхая лежа на камени острее» [23, л. 65], он вспоминает о просфорах, данных ему иереем Иоанном, перед тем как идти в пустыню. Вода, в которой лежали просфоры, становится целебной, ею святой исцеляет от слепоты молодого льва. Перед смертью старец Аркадий потребляет «Запасные Дары», ископав себе в пустыне яму для погребения: «со лъвичищем нача копати нохты своими и ломати камень, и ископа яму велию вне вертепа...» [23, л. 72]. По кончине преподобного Павла Фивейского два льва приходят, чтобы вырыть пустыннику могилу [24, с. 25]. Лев помогает прп. Зосиме «погребсти» тело Марии Египетской в пустыне за Иорданом. Сама же прп. Мария поведала старцу Зосиме, что за все время пребывания в пустыне не видела ни человека, ни зверя, ни иного животного, однако, хуже лютых зверей были ее помыслы, с которыми подвижница боролась многие годы. Сравнение помыслов с дикостью животных — один из топосов в литургике и агиографии.

В русских житиях (прпп. Сергия Радонежского, Арсения Комельского, Трифона Печенгского, Серафима Саровского) встречаем рассказы о повиновении медведя святому или дружбы с ним. Самый крупный зверь и хозяин леса, медведь, по представлениям славянской мифологии близко знается с нечистой силой [25, с. 256]. Иногда медведь, как виновник «пакости», изгонялся подвижником за пределы пустыни. Так, преподобный Трифон Печенгский жестоко наказал медведя за то, что тот зашел в жилище уронил квашню с тестом и стал «уготованное тесто ясти». Отшельник застал медведя за этим занятием, «Именем Христовым» он повелел зверю выйти из кельи и сделаться кротким. Медведь подчинился и «ста недвижим» у ног святого. Преподобный же, как говорится в житии, нанес зверю «многи раны, яко грѣшному» и отослал его «в пустыню». С тех пор медведь больше не приходил к подвижнику [2, с. 529].

Чаще всего, в житиях мы видим иные, весьма «дружественные» отношения пустынножителя с этим свирепым зверем. Медведь приручается подвижником и становится частым гостем его пустыньки. О привязанности

медведя к отшельнику читаем в Житии Сергия Радонежского. Святой много лет подкармливал медведя «укрухами» хлеба, предпочитая самому не есть, «нежели зверя оного оскорбити и не ядша отпустить» [20, с. 38]. Истории «знакомств» святых с медведями, как правило, относятся к разряду достоверных свидетельств. В Житии Никодима представлен распространенный в агиографии мотив «безбоязненного хождения» вокруг святого оленей: «Егда же вспять возвратихомся, и пловущимъ намъ вниз по рѣцѣ, и узрѣхомъ преподобнаго, в лѣсѣ ходяща близ рѣки. Окрѣсть же его дивии звѣрие хождаху, глаголемии елени, и не бояхуся преподобнаго, егда же наш гласъ услышаша, и побѣгоша по пустыни. Игумен же вопроси преподобнаго о еленехъ. «О, сии звѣрие часто приходятъ сѣмо» — и преподобный глагола намъ. Игумен же о сем велми удивися, како елени близ преподобнаго хождаху и не бояхуся его...» [22, с. 134]. Образ оленя часто выступает в агиографии и литургике символом пустынножителя.

К середине XVI в. число пустыней настолько возросло, что на их массовое строительство реагирует даже Стоглав, включающий Правила шестого Вселенского Собора (41 и 42), запрещающие епископам давать благословение на основание пустыни людям, «не искусным суще» [26, с. 362]. Среди вопросов о «церковных нестроениях» подымается вопрос «о новых пустынях»: «старец на лесу келью поставит или церковь срубит да пойдет по миру с иконою просити на сооружение <...> а что, собрав, то пропѣет, а в пустыне не по Бозе совершает как прежние пустыни о Бозе строили. Прежние преподобные отцы вселялися в пустыни, утаяся миру, не тщеславия ради, и великия труды полагали руками своими, и от бесов многи беды подъяша <...> а по миру не скиталися на соблазн...» [26, с. 272].

Уединившимся самочинно, кроме «соблазна» смутить других или вызвать осуждение братии, грозила опасность впасть в прелесть. В Житии Александра Ошевенского на прошения инока Александра обрести место, чтобы «в пустыни и безмолствовати и трудитися», игумен предупреждает об опасности такого пути и преимуществе пути общежительного: «неподобно убо есть неутвердившемуся ногу на корени правого пути степени общаго жития послушанием верха молчания и единства касатися» [27, л. 30], и далее — «горе единому, аще впадет в уныние или сон <...> во обители живуще братия друг друга укрепляют, егда случится недуг или скорбь <...> брат лекарство приготовит и поднимет тебя и послужит тебе <...> и братия вси соборне о тебе Бога молят...» [27, л. 30 об. — 31].

Учение о пустыне в старообрядчестве

XVII столетие, по мнению исследователей, явилось «критическим временем для русского аскетизма», когда происходил медленный «распад рус-

ского монастырского жития» [28, с. 122]. В XVII в. на Русском Севере набирает силу пустынножительство, усилившиеся после церковного Раскола. Житийный и литургический топос «бегства в пустыню» сыграл решающую роль в старообрядчестве, в построении учения о спасении в наступившие «последние времена». По мнению Л. К. Куандыкова, отцы Выга опирались, главным образом, «на ранние пустынножительные авторитеты», создавая свою собственную идеологию [29, с. 30—36]. Не случайно, пишет исследователь, во всех своих сочинениях Андрей Денисов пустынею называет «весь Суземок, где живут общежители Выга и Лексы, обитатели скитов и мирских деревень и несколько монахов пустынников», утверждая, что «церковь истинная побеже в пустыню» [29, с. 30]. Уже в «Поморских ответах» выговские отцы, отвечая на вопросы иеромонаха Неофита, указывают, что свои догматы они строят на особом «пустынноческом учении», сохранившемся в церковном предании и традиции: «не догматы своемысленныя нововнесоном» и «не за своевольная предания утверждаемсыя, но готовая древлеправославная церкве предания содержимъ» [30, с. 3].

«Новые пустынники» скрывались от «никоновых новин», убегая в «пустыни и скиты, и ненаселенные места», чтобы там приносить славословие Богу по неисправленным книгам [30, с. 3]. В защиту «бегства в пустыню» приводилось изречение свт. Афанасия Великого: «Такожде и по пустыням <...> угодницы Божии спасахуся, якоже Афонасий глаголет: сии суть, иже в пустынях и горах, и в вертепах, и в разселинах земли живуще, иже кроме собрания церковнаго делы благими, Божественным Духом просвещаемы, Духом и Истиною <...> такожде и в пустынях пребывающе тако благоугождаху Богу...» [30, с. 5—6].

Иван Филиппов указывает, что после «внедрения» в монастыри «Никоновых новин» бегство в пустыни стало явлением повсеместным и массовым. Приведем некоторые примеры из его сочинения. Отец Пимен, выходец из Соловецкой обители «исшед из монастыря, живяше приморе в пустыни великим постническим житием с Григорием учеником своим». Священник Прокопий (Нижегородский), «великаго пустынного жития муж», при «оних новинах изыде из монастыря (Тихвинского — Е. П.) и начат бегати, и скитатися, и прииде в Олонецкий уезд в Курженскую пустыню, и ту мало поживе, и шед отуду в Нижегородския пустыни, и живяше с крыющимися и хранящими древлецерковное благочестие, поживе же и в Змиевых горах со старцы пустынными до разорения тоя пустыни». Бывший игумен Тихвинского монастыря, священноинок Досифей, «такоже от Никоновых новин нача бегати и крытися и ту живяше (в Курженской пустыни — Е. П.) время некое до разорения пустыни тоя...». Дьячек церковный Даниил Викулов «убежа из дому в Поморскую страну и, тамо по пустыням крыяся, и скитаяся, всякую нужду

терпяше...». В Каргопольском и Олонецком уездах «в пустыни бысть собрание старец»: Андронника Нижегородского, Иосифа Соловецкого, Михаила, Иоанна и «сперва живяху пустынным житием...». Старец Иосиф (Ловзунский) «во время Никоновых новин... нача крытися и удалятися, и скитатися где возможно, бегая по пустыням ... и нача поживати в пустыни, близ Водлы, меж Каргопольским и Олонецкими уездами на пустом лесу пустынным, жестоким, нужным житием». Петр Ошмар, «от Никоновых новин» сбежавший в Важеский уезд, и «тамо найде в лесах живущих староверцев пустынным житием ... и нача с ними жити, службу им церковную служаху...». Старец Сергей, «пришед с поморской дороги и нача жити самым пустынным, нужным житием, пахаше пашню копругою, сеяше рожь». Отец Корнилий «постави себе малую келейцу с плах колотых...». Старец Виталий «из московских дворян», принявший постриг еще при царе Алексее Михайловиче ...» во время «Никонова соборища, и пременения в России православныя веры, ишед из Москвы и живяше во Олонецких пределах несколько лет, преже убо живяше на Водле реки, тамо его буйи люди и злии гонители христиан тако озлобиша, яко и келию его сожгоша», а после, сбежав через леса к острову «стал жить в заброшенном Машезерском монастыре в пустынных келиях один» [31, с. 28, 37, 65, 68, 71, 115, 118, 128—129]. Таким образом, еще до появления Выгорецкого общежительства вся территория от Новгорода и Тихвина до Выга и Лексы, и всего Обонежья и Каргопольских земель была местом расположения большого числа старообрядческих пустынь.

Выговская пустынь, основанная в 80-х гг. XVII в., явилась преемницей устава и Соловецкого монастыря, откуда в начале XVII в. вышла плеяда святых пустынножителей [32, с. 173—185]. Устройство Выговской пустыни благословил соловецкий инок Корнилий, который, в свою очередь, получил благословение пустозерских узников — Аввакума и инока Епифания, соловецкого инока и пустынножителя. Соловецкий монастырь, где идеи пустынножительства были чрезвычайно сильны, сыграл большую роль в становлении идеологии старообрядчества. Поэтому «в деле защиты старой веры через соловецких выходцев, проповедавших старообрядчество в Поморье, Выголексинское общежительство считало себя непосредственным преемником Соловецкой обители...» [32, с. 173—185].

Вопрос об Евхаристии стал одним из главных вопросов удалившихся в пустыню последователей «древлего благочестия». Отделившись от официальной Церкви, старообрядцы оказались лишенными важнейших для спасения таинств, считая их неистинными. Пока староверы имели Запасные Дары и священников, рукоположенных до Раскола, вопрос о Причастии не стоял так остро. Церковь после нововведений патриарха Никона, по мнению старообрядцев, утратила святость и истину, и причащала безблагодатными Да-

рами. Так, например, Иван Филлипов описывал насильственное Причастие в «никоновских» церквях: «инии бегаху по лесам и пустыням, крыющася от гонительства <...> не желали причащаться насильно, но нуждею приводимы причащахуся, а иным силою Причастие, Антидор кляпы во уста покладающе вливаху, инии, аще приимаху, во устех удерживаху не проглотивше и, вышедше ис церкви, пометающе из уст плеваху на землю ...» [31, с. 37].

Старообрядческая идеология «пустынножительства» позволила дать утешительный ответ на вопрос о спасении людей, вышедших из лона церкви и оказавшихся без таинств. Путь спасения был подсказан многочисленными житиями святых отцов и жен, проводивших свою жизнь в пустыне и не имевших возможности «вкушать Тела Христова», но, тем не менее, достигших святости и спасения. Не исключалась возможность особого духовного и благодатного просвещения вне церковных стен: «преподобные мужи и жены, добродетельми свое житие украшающе, через веру и усердие духовно причащаются Тела и Крови Христовы» [33, л. 43 об.].

Пустынножительством, согласно житиям немногих святых, можно было спастись и без Причастия церковного: «Посем в житии преподобнаго Ануфрия повѣствует. Вопросы Пафнутий отца Ануфрия: “Отче, откуда причащаешься Пречистых Христовых Тайнъ в субботу и неделю?” Онъ же глагола: “Ангел Господень приходит ко мнѣ и приносит Пречистые Христовы Тайны и причащает мя. Не къ единому же мнѣ с божественным причащением ангел приходит, но и к прочим живущим Бога ради в пустыне сей...”» [33, 52 об. — 53]. Приводятся ссылки на следующие агиографические источники: «Мария Египетская 47 лет въ пустыни живуши и святых тайн усты не причащающися чрезъ добрая дела присно благодати Божия причащася, и Христа внутрь себе имяше, преподобная Феоктиста 30 лет во острове живуши, и устнама не причащающися, обаче благодать Божию присно в себѣ имѣяше», «преподобный Марко Фряческий и Петр Афонский, ов 95 лѣт, ов же 53 лѣта в пустыни человека не видѣвше и ехаристии не имуща, обаче чрезъ высокое житие святаго сосуди вожделѣнни Богу и честнейши паче всего мира явшася», «сице мнози пустынницы далече от Вселенныя живуще, церкви и священников не имуща, устнама святых тайн причаститися не имяху, обаче верою и житием добродетельным присно оных благодать имяху» [33, л. 43 об. — 44 об.]. Таким образом, ревнителям и последователям древлего благочестия, отлучившим себя от церкви и ее таинств, для спасения следовало подражать подвигам пустынных отцов.

На Выге, по мнению Е. М. Юхименко, «целенаправленно собирали жития, изображения и устные предания о русских, в особенности местночтимых святых» [34, с. 307]. В Выгорецком общежительстве братьями Денисовыми собран полный круг Четьих Минея (далее: ЧМ). Согласно наблюде-

нию Е. М. Юхименко, составитель Выговских ЧМ стремился «включить в свод как можно больше текстов, посвященных русским святым» [34, с. 307]. Грандиозным результатом по сбору и своду на Выге памятников агиографии стали «Слово воспоминательное о святых чудотворцах в России воссиявших» Семена Денисова [35, с. 329—344], Образ российских чудотворцев, созданный в уникальной иконографии Даниилом Матвеевым и тексты похвальных слов русским святым [34, с. 307]. В составе рукописных сборников старообрядцев-поморцев также бытовал список святых, «умерших в древлеправославном благочестии». Его автор призывал следовать подвигам святых, спасшихся еще при древлецерковных традиционных обрядах: «Тако же и мы всеусердно последуем ко спасению в древлероссийской церкви многим святым, спасшимся, в нетленных мощах просиявшим, двема перстами знаменующимся, тако и благословляющим и сугубая аллилуйя поющим. Якоже и киих предлагаем ниже сего явственное показание имен их» [33, л. 92]. Список начинается с киевских святых и завершается преподобными отцами «последних времен»: Иринархом Ростовским (ум. 1619 г.), Трифоном Печенгским и Кольским (ум. 1619 г.), Боголепом Черноярским (ум. 1632 г.), Диодором Каргопольским и Юрьевским (ум. 1634 г.), Никодимом Кожеозерским (ум. 1639 г.). Пустынножитель Никодим для первого поколения старообрядцев явился последним «замыкающим» русскую святость святой отшельник, провозвестник пустыни «конца времен».

«Пустынное учение» поначалу ставшее спасительной идеологией в условиях надвигающегося Царства антихриста, когда: «человецы имут бежати в горы и в пустыню <...> и восплачются...» (Мк. 13, 14—23), оказалось для большинства невыполнимой мечтой. Пустынножительный уклад жизни, к которому так стремились старообрядцы, в конце концов реализовался в общинно-крестьянском способе существования и культурно-книжном противостоянии окружающему миру, благодаря чему старообрядчество и смогло выжить. Топос пустынного жития — «Божественного желания водворения в пустыню» проникает в старообрядческие духовные стихи рубежа XVII—XVIII в., становится воспоминанием о духоносном и «спасительном» житии в пустыне:

«Во прекрасной во пустынюшке,
Как прекрасен сад, при реке древа,
При древах етех мелкие пташеч[к]и,
Они райские поют песенки,
Утешают же они иноков,
И Ангели отцем помогают,
Апостоли отцев ублажают,
Пророцы прославляют,

И мученицы величают.
О, прекрасная пустыня,
Прими мя, яко чадо,
Научи мя на все благо!» [36, с. 237].

1. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская Агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005. Т. I. С. 59—101.
2. Руди Т. Р. Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топки) // Русская Агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. II. С. 517—530.
3. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 490—498.
4. Полетаева Е. А. «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале северно-русской агиографии и старообрядческих сочинений) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 198—215.
5. Полетаева Е. А. Житие Никодима Кожеозерского в древнерусской агиографической традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
6. Полетаева Е. А. Житие Никодима Кожеозерского (или опыт составления отечественного отшельнического жития) // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. II. С. 140—161.
7. Полетаева Е. А. Образ пустыни и топика пустынного жития в памятниках христианской письменности и агиографии // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции, посвященной 100-летию мученической кончины Царственных страстотерпцев и их верных спутников. Екатеринбург, 2019. С. 230—239.
8. Триодъ Цветная. М.: Издание Московской патриархии, 1992.
9. Минея за январь. М.: Изд-во Совет Русской Православной Церкви. Ч. 2. 2002.
10. Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии Иоанна Златоуста. М., 2000.
11. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.
12. Сидоров А. И. Становление культуры святости. Древнее монашество в истории и литературных памятниках. М., 2002. С. 81.
13. Житие прп. Антония Великого. Рукопись. 50—60 гг. XVI в. ЛАИ УрФУ. IX. 329 ар / 4862. Л. 428—500.
14. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Историческое учение об Отцах Церкви. СПб., 1882. Т. 1
15. Минея за июнь. М.: Издательство Совет Русской Православной Церкви. 2002.
16. Петренко Н. А. Соловецкий Патерик и Повести о соловецких пустынножителях // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 491—506.
17. Житие прп. Трифона Печенгского. Рукопись XVIII в. РНБ. Соловецкое собр. № 188.

18. Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елезара об Анзерском ските: Исслед. и тексты. СПб. 1996. 365 с.
19. Полетаева Е. А. Краткая редакция Жития Никодима Кожеозерского в книжно-рукописной традиции XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 241—255.
20. Житие Сергия Радонежского (тексты и исследования) / сост. В. В. Колесов, Т.П. Рогожникова. М., 1991.
21. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
22. Полетаева Е. А. К вопросу о Пространных редакциях Жития Никодима Кожеозерского // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 96—145.
23. Житие прп. Аркадия Синайского. Рукопись нач. XIX в. ЛАИ УрФУ, XI. 32 р / 1171. Л. 1—75.
24. Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Свято-Троицкая Лавра, 1898. С. XV—XXXIII.
25. Гура А. В. Медведь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 256.
26. Стоглав // Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 362.
27. Житие Александра Ошевенского. Рукопись нач. XIX в. ЛАИ УрФУ, XII. 36 р / 1276. Л. 1—161 об.
28. Смолич И. Жизнь и учение старцев (путь к совершенной жизни) // Богословские труды. М., 1992. Т. 31. С. 122.
29. Куандыков Л. К. Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 30—36.
30. Поморские отвѣты. [Б.м.]: издание Мануиловского Никольского монастыря, 1884. XXII + 352 с.
31. Филиппов И. Ф. История Выговской старообрядческой пустыни. 1862. 514 с.
32. Голоскова Н. А. Повести о пустынножителях Соловецкого острова // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 173—185.
33. Сборник старообрядческий. «Извещения святых правых христианских верь». ЛАИ УрФУ. XVII. 67 р / 40.
34. Юхименко Е. М. Четии Минеи братьев Денисовых: новые находки // Русская Агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. II. С. 302—308.
35. Юхименко Е. М. Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 329—344.
36. Поздеева И. В. «Воспой гласом, воспой духом». Духовная лирика старообрядческих поморских общин Верхокамья // Acta Baltico-Slavica. Варшава, 2013. Т. 37. С. 221—247.

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИАЛОГА
В ДЕТСКОЙ КОМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на материале произведений Елены Козловой)**

**FEATURES OF BUILDING A DIALOGUE IN CHILDREN'S KOMI FICTION
(based on the works of Elena Kozlova)**

Статья посвящена исследованию диалога в коми детской художественной литературе. Коми литература для детей представляет большой интерес для лингвистического анализа, поскольку до настоящего времени не обращалось должного внимания ее изучению на разных уровнях языка.

Языковая организация прозаических произведений для детей определяется особенностями построения сюжета с ориентацией на определенную возрастную категорию читателя — ребенка и его родителей. В детском возрасте диалог занимает особое место, поскольку в общении с родителями и сверстниками ребенок познает окружающий его мир. Поэтому в рассказах для детей очень важен факт преобладания диалогической речи над монологической, той формы речи, которую ребенок постепенно усваивает путем естественного общения. Следствием последнего диалогическая форма речи героев произведений, способная влиять на ход событий и общение, обнаруживает ряд лингвистических особенностей, что и представляет интерес их детального изучения и описания. Материалом для исследования послужили рассказы современного классика коми художественной литературы для детей Е. Козловой.

Художественное мастерство построения диалогов героев в рассказах для детей Е. Козловой дает основания полагать, что речь детей, их сверстников и родителей близко приближена к реальной, спонтанной речи. Она представляет сложную и интересную структуру, способную создавать разную коммуникативную атмосферу, этим и привлекает внимание исследователей.

Ключевые слова: диалог в художественной литературе, реплика, коми язык, проза, детская литература.

The article is devoted to the study of dialogue in the Children's Fiction Commission. Komi literature for children is of great interest for linguistic analysis, as so far there has been little attention paid to its study at different levels of language.

The linguistic organisation of prose works for children is determined by the peculiarities of plot construction with a focus on a certain age category of the reader — the child and his parents. Dialogue occupies a special place in children's life, because in communicating with parents and peers the child learns the world around him or her. This is why it is very important for children in stories that dialogue speech prevails over mono-

logical speech, a form of speech that a child gradually learns through natural communication. As a consequence of the latter, the dialogical form of speech of the characters in the works, which can influence the course of events and communication, reveals a number of linguistic features that are of interest to the child's detailed study and description. The material for the study was the stories of E. Kozlova, a contemporary classic of Komi fiction for children.

Kozlova's artistic skill in building dialogues of heroes in stories for children suggests that the speech of children, their peers and parents is close to real, spontaneous speech. It is a complex and interesting structure, capable of creating a different communicative atmosphere, and that is what attracts researchers' attention.

Keywords: *dialogue in fiction, replica, Komi language, prose, children's literature.*

Диалог в художественной литературе имеет ряд особенностей по сравнению с диалогом в живой, непринужденной, спонтанной речи. Исследователи литературы отмечают у диалога в составе художественного текста эстетико-коммуникативную, сюжетообразующую, текстообразующую, характерологическую, оценочную функции. Характерологическая функция речи персонажа особенно важна в детской литературе, поскольку речь героев одновременно и типизирует, и индивидуализирует их. По словам исследователя М. Т. Славовой, «максимально конкретный образ героя, рельефно очерченный тяготеющий к универсальности, но при этом конкретно наглядный во внешнем отношении — это идеальный для детской литературы образ» [1, с. 14]. Ориентация писателя на некоторые характерные особенности детской речи позволяет приблизить персонаж к читателю–ребенку, к особенностям его психики и знаниям о мире, сделав героя близким и понятным читателю.

Материалом для нашего исследования послужил сборник рассказов для детей дошкольного возраста Е. Козловой «Лёз клянича» / «Синее стеклышко» [2]. Изучение диалогов произведений Е. Козловой позволяет увидеть, как автор относится к самому явлению детства, к его месту в процессе социализации ребенка и какие литературно-воспитательные цели ставила автор перед собой и перед читателями.

Общим языковым элементом этих произведений для детей Е. Козловой является отражение в диалогах черт, присущих живой речи, например, использование неполных предложений. По большей части они имеют место в диалогах живой, так и в письменной речи прозаических произведений [3; 4], в которых традиционно выделяют предложения-реплики, предложения-вопросы и предложения-ответы. В диалогах художественного произведения обращает на себя внимание реплика, непосредственно создающая сам процесс общения — реплика-стимул, по структуре и в смысловом отношении такие реплики чаще всего выражены полным предложением. Реплики отве-

ты чаще всего выражаются неполными предложениями, однако их опущенный элемент можно восстановить из предыдущего контекста или из ситуации в целом, например: — *Э-э, Анна, тэ тай гусялін кляничасё, — шыасис Шурлён ыджыдджык чойыс...* — *Ме эг, — муртса кывмён шуышитис Анна да ёнджыка чабыртис кисё* [2, с. 17]. «— Э-э, Анна, ты, оказывается, украла стеклышко, — отозвалась старшая сестра Шура. — Я нет, — невнятно произнесла Анна и сильнее зажала руку»; — *Агния баб, мый тайё? — гусьён юалис Аннуш.* — **Яблоня.** — *И яблөгъяс быдмасны? — чуймис нывка.* — **Оз кё кынмы, дерт, быдмасны** [2, с. 24]. «— Бабушка Агния, что это? — украдкой спросила Аннушка. — Яблоня. — И яблоки вырастут? — удивилась девочка. — Если не замерзнет, конечно, вырастут».

Из примеров видно, что в диалогах опущен один или несколько членов предложения, которые необходимы для того, чтобы синтаксическая единица была полной с точки зрения значения и строения. Восстановить опущенные члены предложения можно, исходя из окружающего контекста или знания ситуации. Именно в диалоговой речи ситуативно-неполные предложения понятны участникам ситуации, тем, кто общается или наблюдает за общением. Такая форма наиболее полно приближена к реальной ситуации общения, живой речи, поэтому представленная в письменном тексте форма диалога близка читателю-ребенку.

Для детских рассказов характерна предельная коммуникативная простота, характеризующая передачу основной информации. По словам исследователя коми детской литературы С. А. Югова, писатель Елена Козлова пишет доступным для детей языком, не перегружая текст длинными конструкциями, излишними оборотами, сложными поворотами сюжета [5, с. 58]. Те элементы, которые усложняют понимание текста, перегружают информацию, могут вызвать у ребенка отторжение в дальнейшем прочтении книги. Детскому писателю важно понимать, кому и на какой возраст рассчитаны его рассказы и повести, сборники произведений для того, чтобы не допустить в детском сознании, так называемый, коммуникативный сбой. К таковым можно отнести элементы переспроса в диалогах. Однако, в том случае, когда повтор-переспрос используется в комичной ситуации, он вызывает наибольший интерес маленького читателя, побуждает его к дальнейшему прочтению сюжета. Элементы переспроса в диалогах выражают позицию героя-адресата к высказыванию собеседника-адресанта. В таких случаях, по словам Т. А. Красновой, переспрос, как реагирующую реплику, принимают за вопрос-удивление [6, с. 90]. Кроме того, исследователем Н. И. Гуляевой в диалогах выявлены и иные семантические характеристики вопросов-переспросов, по большей части осложненные эмоциональной окраской реплики-вопроса адресанта. Они могут указывать на недоумение, беспокой-

ство, непонимание, негодование [7, с. 65; 8, с. 253]. В рассказах Е. Козловой мы обнаружили несколько таких примеров:

1) с семантикой удивления: — *А тэнад волшебной палочкид эм? — Эм, быдса дас. — Дас? Меным отикос сетан?* [2, с. 25]. «— А у тебя есть волшебная палочка? — Есть, целых десять. — Десять? Дашь мне одну?»;

2) с выражением недоумения: — *Селекционерыс — сійо став быдмөг вылас волшебник. — Волшебник?* [2, с. 23]. «— Селекционер — он волшебник над всеми растениями. — Волшебник?»;

3) с выражением недоразумения: — *Да, ме волшебник и эм, — сероктис пөч. — Волшебник? Мыйла нө либө некор эн висьтавлыв? — шензьө нывка* [2, с. 24]. «— Да, я волшебник и есть, — засмеялась бабушка. — Волшебник? Почему тогда никогда не говорила? — удивилась девочка»;

4) со значением испуга, тревоги: — *А, ваза жугали... — веськодьпырысь өвтышитис детинка кинас. — Ваза? А мамыд нө мый шуас? — повзис Анна* [2, с. 17]. «— А, ваза разбилась... — равнодушно махнул рукой мальчик. — Ваза? А что же мама скажет? — испугалась Анна»;

5) с указанием на непонимание или недоразумение: — *Пап, а нөшита на өд и содья пу ковмас вөчны? — эз вермы терпитнысө да юалис Аннуш. — Кутшйөм содья пу? — шензьө батыс* [2, с. 28]. «— Пап, а ещё же и приставную лестницу надо будет сделать? — не выдержала и спросила Аннушка. — Какую приставную лестницу? — удивляется папа».

В данных ситуациях вопрос-переспрос построен автором произведения намеренно, в целях отражения удивления, испуга, сомнения, недоумения или недопонимания одного героя другим. Эту речевую ситуацию Е. Козлова демонстрирует выразительно, изображая переспрос героя-адресата эмоциональным колоритом.

Как известно, в диалогах достаточно активно используются лексические повторы. В процессе порождения речи они занимают значимое место в диалогическом тексте, являются связующим элементом в репликах-стимулах и репликах-реакциях, определенным образом воздействуя на собеседника. В детских рассказах они особенно важны и необходимы. С их использованием удерживается внимание читателя-ребенка на отдельных лексемах-повторах, они не только являются ключевыми, но и придают тексту особую экспрессию. Вот один из показательных примеров, где в репликах героев встречается лексема **волшебник**: — *Агния баб, Агния баб, тэ — селекционер. — Коді, коді? — веськодчис Агния баб, коді вөлі град йөрас да весалис ёг турун. — Волшебник став быдмөггяс вылас. — Да, ме волшебник и эм, — сероктис пөч. — Волшебник? Мыйла нө либө некор эн висьтавлыв? — шензьө нывка* [2, с. 23–24]. «— Бабушка Агния, бабушка Агния, ты — селекционер. — Кто, кто? — выпрямилась бабушка Агния, которая была на огороде и убира-

ла сорняки. — Волшебник над всеми растениями. — Да, я и есть волшебник, — засмеялась бабушка. — Волшебник? Почему тогда никогда не говорила? — удивилась девочка». Словом *волшебник* автор выражает субъектно-оценочное отношение собеседников — бабушки и внуки — к предмету речи и вызывает большой интерес читателя на предмет кульминационного действия. Применение повторов, выраженных существительным, считается удачной формой построения диалога, поскольку они облегчают восприятие информации детей.

В произведениях Е. Козловой прослеживается ориентация на язык старшего поколения, это видно в речи как взрослых, так и детей. Причем он отличается простонародной формой. Типичные речевые реакции взрослых на поведение ребенка зачастую встречаются и в речи самих детей, в речевой багаж которых языковые выражения могли проникнуть из речи взрослых, родителей и воспитателей. Приведем некоторые примеры:

— *Пельтö чошкöд да чöла кывзы, а мый висьтала — пель саяд сюркняв* [2, с. 28].

«— Уши насторожи и спокойно слушай, что расскажу — запомни (намотай на ус)».

— *А мыйла нö либö мян садъяс воспитательницаыс шуö Игорыслы, порсь моз нö сёян* [2, с. 28].

«— А почему тогда у нас в садике воспитательница говорит Игорю, как поросенок ест».

— *Муыс — планета, оз öшав, а олö. Шондi гөгөр бергалö* [2, с. 31].

«— Земля — планета, не висит, а живет. Вокруг солнца вертится».

Встречаются примеры, когда на грани метафорического и прямого значений слов автор прибегает к так называемой языковой игре. Это позволяет очень ярко, выразительно передать комическую ситуацию действительности, захватывая дух читателя, а также отражает реально-речевой процесс реметафоризации ребенка и осознание им достаточно сложной и многослойной структуры слова:

— *Агния баб, тэ тай збыль волшебник вöлöмыд, — тыр синмön видзöдiс нывка пöчыс вылö. А эсся чинтiс гöлöссö да юалис:*

— *А тэнад волшебнöй палочкаыд эм?*

— *Эм, быдса дас.*

— *Дас? Меным öтикöс сетан?*

— *Ог. Тэнад öд аслад эмöсь.*

— *Менам? Кöни?*

— *Чуньясыд нö?*

— *Да, бара нин ме вылын шмонитан, — гажтöммис Аннуш.*

— *Ог, ог шмонит, нылук, киясыд быдтор вермõны вõчны. И керка лэптыны, и трактор вõчны, и нянь быдтыны. — Сэссия неуна чõв олыштõм бõрын содтис: — Сõмын колõ кужны найõс уджõдны.*

Аннуш топõдчис пõчыс динõ:

— *Ме мõда тэныд отсасыны* [2, с. 25].

«— Бабушка Агния, ты, оказывается, действительно настоящий волшебник, — с широко раскрытыми глазами смотрела девочка на бабушку. А затем снизила голос и спросила:

— А у тебя есть волшебная палочка?

— Есть, целых десять.

— Десять? Дашь мне одну?

— Нет. У тебя же свои есть.

— У меня? Где?

— Пальцы то?

— Да, опять уже шутишь, — огорчилась Аннушка.

— Нет, не шучу, доченька, руки все умеют делать. И дом поднять, и трактор сделать, и хлеб выращивать. — Затем немного погодя добавила: — Только надо уметь заставить их работать (управлять ими).

Аннушка прижалась к бабушке:

— Я буду тебе помогать».

В рассказе «Лõз клянича / Синее стеклышко» мы сталкиваемся с ситуацией, в которой ребенок-персонаж относится к своему другу по играм или к своему собеседнику не как к равному, а как к зависимому или подчиненному товарищу. Это может выражаться в их прямой речи на уровне лексики:

— *А ноко кыскы шуйга китõ зепсыд да петкõдлы, мый сэни, — бара тшõктис Рита.*

— *Нинõм абу, — зумыштчис Анна, но кисõ эз перйы.*

— *Нõшта õд и суссьõ, а ноко разь кабыртõ, — босьтис Аннаõс китйис Рита* [2, с. 17].

«— А ну-ка вынь левую руку из кармана и покажи, что там, — опять попросила Рита.

— Ничего нет, — насупилась Анна, но руку не вынула.

— Еще ведь и отпирается, а ну-ка раскрой кулак, — взяла Анну за руки Рита».

— *Гусясьысь, пõръячка, абу яндзимыд, — вирсõ мыськигмоз видчис Рита. — Йõз керкаõ локтан да юасьтõг мыйкõ и босьтны лысьтан. Тадзтõ сэссия некор мянõ эн лок* [2, с. 18].

«— Воровка, обманщица, совести нет, — смывая кровь, ругалась Рита. — Приходишь в чужой дом да без спросу что-то и смеешь взять. Так потом никогда к нам не приходи».

Предложения с модальными словами *колö, ковмас* «надо», *позьö* «можно» или *оз ков, оз позь* «нельзя» передают возможность совершения или не совершения какого-то действия. Так, в рассказе «Кысук асныралö / Котенок упрямится» автором целенаправленно четыре раза использованы эти модальные слова в выражении *няньтö оз позь шыблавны* «хлеб нельзя бросать». Таким образом прослеживается ориентация Е. Козловой на правила поведения взрослых в той или иной ситуации, а также коллективный опыт или общепринятые нормы:

— *Талун миян воспитательница висьтавліс нянь йылысь. Няньтö оз позь шыблавны.* [2, с. 19].

«— Сегодня наша воспитательница говорила про хлеб. Хлеб нельзя бросать».

— *Висьтавны колö öтитор, вот и локті, — збояліс Аннуш, — Миян талун воспитательница беседа нуöдіс и висьталіс, мый няньтö оз позь шыблавны* [2, с. 20].

«— Надо сказать кое-что, вот и пришла, — бойко вела себя Аннушка, — У нас сегодня воспитательница провела беседу и сказала, что хлеб нельзя бросать».

— *Иван дед, миян талун воспитательница садйын висьталіс, мый няньтö оз позь шыблавны. — Оз, оз позь, — довкнитіс юрнас пöль* [2, с. 20].

«— Дедушка Ваня, у нас сегодня воспитательница в садике сказала, что хлеб нельзя бросать. — Нет, нельзя, — кивнул головой старик».

— *Кысук, сёй, оз позь няньсö шыблавны* [2, с. 21].

«— Кысук, кушай, нельзя хлеб бросать».

Словом *колö* выражается либо объективная необходимость, либо необходимость, обусловленная неким правилом либо запретом:

Аннуш босьтіс детинкаöс киöдыс да пöся мöдіс шöпкöдны:

— *Павлик, колö кодзувкотъястö бөр вöрас нуны. А то татчö кö лэдзам, туйсö асланыс кодзувкоткарö оз аддзыны. Кор ывлаö ворсны петкöдасны, сэки ми тэкöд и нуам. Но?* [2, с. 31].

«Аннушка взяла мальчика за руки и стала горячо шептать:

— Павлик, муравьев надо обратно в лес отнести. А то, если сюда выпустим, дорогу к своему муравейнику не найдут. Когда выведут на улицу играть, тогда мы с тобой и отнесем. Но?».

— *Ог, ог шмонит, нылук, киясыд быдтор вермöны вöчны. И керка лэптыны, и трактор вöчны, и нянь быдтыны. — Сэссия неуна чöv олыштöм бöрын содтіс: — Сöмын колö кужны найöс уджöдны* [2, с. 20].

«— Нет, не шучу, девочка моя, руки все умеют делать. И дом поднять, и трактор сделать, и хлеб вырастить. — Затем немного погода добавила: — Только надо уметь заставить их работать (управлять ими)».

Таким образом, в рассказах Е. Козловой основной целью является введение маленького читателя в мир взрослых с позиции авторитета, для которого мнение и поступки взрослых имеют высокое влияние.

В рассказах Е. Козловой диалоги отличаются характером взаимоотношений героев. Зачастую эти отношения не равноправны. Главный герой-ребенок обычно доминирует, берет на себя роль взрослого. Проявляется это в использовании большого количества реплик приказного, поучительного тона, содержащих глаголы повелительного наклонения. Показателен в этом смысле пример из рассказа «Мойдчём», в котором внучка Аня главенствует над бабушкой, призывая ее к повествованию какой-либо сказки или рассказа. Весь диалог строится на репликах приказного характера со стороны внучки в ответ на слова бабушки: — *Агния баб, вай мыйкё мойд, — корис Аннуш. — [...]. — Мойд, — збоя вочавидзё нывка. — [...]. — Но мойд. — [...]. — Да мойд, мойд. — [...]. — Эн!* — *дöзмöмөн вочавидзё Аннуш. — Тырмас. — [...]. — Да тырмас, тырмас. Ог сэсся тадз мойдчö. Мыйкё бурöс мойд. — [...]* [2, с. 5—6]. «— Бабушка Агния, давай что-нибудь расскажи, — попросила Аннушка. — [...]. — Расскажи, — решительно ответила девочка. — [...]. — Ну расскажи. — [...]. — Да расскажи, расскажи. — [...]. — Не надо! — гневно отвечает Аннушка. — Хватит. — [...]. — Да хватит, хватит. Не будем дальше так рассказывать. Что-нибудь хорошее расскажи. — [...]

В текстах Е. Козловой также встречаются диалоги с императивными формами резкого тона, выраженные междометием *ноко* «ну-ка» с глагольной формой повелительного наклонения, например, *а ноко кыскы да петкöдлы* «а ну-ка вынь и покажи», *а ноко разь кабыртö* «а ну-ка раскрой кулак» и др.:

— *А ноко кыскы шуйга китö зепсьыд да петкöдлы, мый сэні, — бара тиöктис Рита.*

— [...].

— *Нöшта öд и суссьö, а ноко разь кабыртö, — босьтис Аннаöс китыис Рита* [2, с. 18].

«— А ну ка вынь левую руку из кармана и покажи, что там, — опять попросила Рита.

— [...].

— Еще ведь и отрицает, а ну-ка раскрой кулак, — взяла Анну за руку Рита».

Более мягкая форма запрета чего-либо в диалоговой речи может выражаться отрицательными формами глаголов разной семантики, например:

— *Но, эн мучит каньсö, — öлöдис нывкаöс Агния бабыс* [2, с. 22].

«— Ну, не мучай кошку, — унимала девочку бабушка Агния».

— *Кысук, сёй, оз позь няньсö шыблавны.*

Кань мыссис, быттё эз и кывлы нывкальсь шуёмсё [2, с. 21].

«— Киска, кушай, нельзя хлеб выбрасывать.

Кошка умывалась, будто и не слышала слова девочки».

В отдельных случаях автор прибегает к использованию информативно-пояснительных реплик взрослых, которую можно назвать познавательной. Ввод научных знаний в детской литературе имеет важное значение, поскольку ребенок-читатель может узнать из нее самые элементарные сведения о законах природы в целом, постепенно проникая в мир взрослых. Наглядным примером может показаться следующий пример из рассказов Е. Козловой, где научная информация вводится в целях познания мира природы детьми:

Воспитательницаыс, Надежда Петровна, матыстчис на (челядь) дінö:

— *Челядь, мый лои?*

Вочавидзис Аннуш:

— *Сійö кодзукотъясöс вайöма. Вöрысь лэччöдöма тöрыт...*

— *Кодзукотъясöс? Найöс, Челядь, оз позь вöрöднытö. Найö зэв коланайсь. Сы вöсна мый кужöны бурдöдны вöрсö быд сикас висьöмысь, мездöны пуяссö да мукöд пöлöс вöрса быдмöгсö уна лёк гагйысь* [2, с. 30].

«Воспитательница, Надежда Петровна, подошла к ним (ребятам):

— Ребята, что случилось?

Ответила Аннушка:

— Он муравьев принес. Из лесу принес вчера...

— Муравьев? Их, ребята, нельзя трогать. Они очень ценные. Потому что они умеют лечить лес от разных болезней, спасают деревья и другие виды лесных растений от многих насекомых-вредителей».

В просветительской функции детской литературы важную роль играют реплики отвлеченно-познавательного характера. Так, например, можно наблюдать рассуждение бабушки с внучкой о выращивании яблони в северных условиях, в котором внучка узнает о целом комплексе подготовительных работ и успешной зимовке яблони:

— *Агния баб, мый тайö? — гусьöн юалис Аннуш?*

— *Яблоня.*

— *И яблöгъяс быдмасны? — чуймис нывка.*

— *Оз кö кынмы, дерт, быдмасны.*

— *А мян воспитательница детсадйын висьтавліс, мый мян яблöгыд оз быдмы.*

— *А ёна жö лоö дöзёритныд, — нюмъэвтис Агния баб. — Тövбыд майшаси, мед оз кынмы. Воддза тövнас идзасөн вевттялі вужъяссö, да шыръяс вöлі кильёмаёсь, а колян арнас коз лыс вöрысь ваялі да сійöс пукталі, а сэсся лымйөн тырталі. Вот сідзи и тövйöді. Арнас медводдза яблöгъяс мöдам сёйны тэкöд* [2, с. 24—25].

«— Бабушка Агния, что это? — украдкой спросила Аннушка.

— Яблоня.

— И яблоки вырастут? — удивилась девочка.

— Если не замерзнет, конечно, вырастут.

— А наша воспитательница в детском саду говорила, что у нас яблоки не растут.

— **А сильно же надо ухаживать, — улыбнулась бабушка Агния. — Всю зиму беспокоилась, чтоб не замерзла. Прошлую зиму соломой укрывала корни, да мыши вышелушили было, а прошлой осенью хвою ели из леса приносила и ею укрывала, а затем снегом засыпала. Вот так и перезимовала. Осенью первые яблоки будем кушать с тобой».**

В приведенном примере на первый план выступает даже не сама новая информация для внучки, а именно логическая и языковая схема рассуждения, предполагающая способность абстрагироваться от конкретной ситуации. В данном случае реплика бабушки, выраженная сложным предложением с разными видами сочинительной связи, становится для читателя-ребенка своего рода образцом логического рассуждения большого высказывания.

В заключение можно отметить, что художественное мастерство детского писателя коми литературы Елены Козловой в использовании построения диалогов героев рассказов дает основания полагать, что их речь близко приближена к реальной, спонтанной речи взрослых и детей и представляет сложную и интересную структуру.

1. Славова М. Т. О природе героя в беллетристике для детей // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 8—16.

2. Козлова Е. Лӧз клянича. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 33 л.б.

3. Лудыкова В. М. Коми кывйын прӧстой сёрникузя. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1991. 63 л.б.

4. Современный коми язык. Ч. II. Синтаксис / под ред. Н. Н. Селькова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 284 с.

5. Югов С. Лӧз клянича // Войвыв кодзув. 1989. 5 №. 57—58 л.б.

6. Краснова Т. А. Классификация и восприятие удмуртских вопросительных предложений // Вестник удмуртского университета. Серия: История и филология. Ижевск, 2009. Вып. 1. С. 87—92.

7. Гуляева Н. И. Вопросительные предложения в языке коми художественной литературы: функции, семантика, структура / ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2019. 108 с.

8. Гуляева Н. И. Переспросы в коми литературном языке // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное: сб. статей. Сыктывкар, 2014. С. 250—254.

**РОЛЬ ЖЕНЫ СВЯЩЕННИКА В ЕГО ЖИЗНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДУХОВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
И БЕЛЛЕТРИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.)**

**THE ROLE OF THE PRIEST'S WIFE IN HIS SPIRITUAL LIFE
(BASED ON THE MATERIALS OF SPIRITUAL JOURNALISM AND
FICTION OF THE SECOND HALF OF THE XIX–EARLY XX CENTURY)**

В статье рассматривается проблема взаимоотношений священника и его жены — проблема, которая была своевременно отражена в литературе и духовной публицистике второй половины XIX — начала XX в., когда духовенство вошло в литературу и появился целый новый жанр. Вопрос о том, какой должна быть жена служителя церкви, стал очень актуальным как для церковной журналистики, так и для писателей: Н. С. Лескова, Ф. Ливанова, В. П. Меццерского, Г. И. Недетовского и других. Всем им было чрезвычайно важно привлечь внимание общества к проблемам жизни того сословия, которое отвечало за духовно-нравственное состояние народа.

Ключевые слова: литература, журналистика, писатели, священник, жена священника, приход

The article examines the relationship between a priest and his wife. This problem was timely reflected in the literature and journalism of the second half of the 19th and early 20th centuries, when the clergy theme entered literature and a whole new genre appeared. The question of what a priest's wife should be has become very relevant both for church journalism and for writers such as: N. S. Leskov, F. V. Livanov, V. P. Metchersky, G. I. Nedetovsky and others.

It was extremely important for all of them to draw the attention of society to the problems of life of the estate that was responsible for the spiritual and moral state of the people.

Keywords: literature, journalism, writers, priest, priest's wife, church parish

В данной статье дается обзор и анализ художественных произведений и публикаций из церковной журналистики второй половины XIX — начала XX веков, в которых раскрываются образы священника и его спутницы. Считается, что оба эти представителя должны быть неразрывно связаны не только семейными узами, но и служением общему делу. Известный историк русской православной церкви И. К. Смолич писал: «богатый материал о жизни духовенства 60—70-х гг., не замедлил привлечь внимание писателей

— сельский священник, как и священник в провинциальном городке, стал литературным персонажем <...>. Духовенство вошло в литературу, появился целый новый жанр, который просуществовал до конца синодального периода. Литературный поток становился всё обильнее, вынося на поверхность и важное и пустое» [1, с. 375].

Отсюда следует, что писатели были знакомы с материалами церковной периодики, одной из важных тем которой, являлись проблемы семейной жизни священника. Многими авторами публикаций в духовных журналах подчеркивалось большое значение удачного выбора священником своей спутницы жизни. «В доброй семейной жизни священника, — утверждал профессор Киевской духовной академии В. Ф. Певницкий, — церковь представляет образец для других живущих подле него, и в особенности для вверенных его нравственному руководству» [2, с. 74].

Вопрос о том, какой должна быть жена служителя церкви был очень актуальным для церковной журналистики. Мнения писавших на эту тему могли расходиться, но в главном они были едины: «... много добра может принести сельская матушка, серьезная, вдумчивая, верно понимающая свое место и назначение в каком-либо захолустье <...> Она является необходимым гармоническим дополнением своего мужа-пастыря; незаменимой поддержкой его» [3, с. 665].

В заметке «Жена священника прежде и теперь» автор обращает внимание читателя на то, что до открытия женских епархиальных училищ дочери духовенства воспитывались дома: их учили простой грамоте, молитвам, ведению домашнего хозяйства, рукоделию. Отсутствие образования мешало матушке стать настоящей помощницей мужа в его служении, помогать ему в просветительской деятельности среди прихожан. Молодая матушка, окончившая училище и живущая в сельском приходе, может, по мнению корреспондента, соединить своё полученное образование, знания с лучшими качествами прежних матушек: благочестием, домовитостью, участливым отношением к прихожанам [4, с. 249]. Она может помогать мужу в нравственном просвещении простых людей из прихода.

Как известно, в 1843 году в Царском Селе было открыто первое в России заведение: «Училище для девиц духовного звания». На протяжении последующих десятилетий подобные учреждения под названием «женские епархиальные училища» были открыты во всех губернских городах России. Там учащиеся получали неплохое образование, но далеко не все девушки из сельских приходов, оторванные надолго от дома и привыкшие за шесть лет учебы к городской жизни, были готовы, выйдя замуж за священника и оказавшись с ним в глухой сельской местности, стать соратницей мужа-пастыря. Одни из них не могли совмещать действенную помощь супругу в

его духовном служении с хозяйственными заботами. Другие не могли или не хотели общаться с крестьянами-прихожанами, жившими в мире суеверий и предрассудков. Такое общение они считали как нечто позорное, унижающее их достоинство [5, с. 649].

Даже спустя 20 лет другой священник с горечью отмечал, что старый тип нередко неграмотных жен сельских пастырей, близких по духу к прихожанам-крестьянам исчезает, а новый тип еще не сформировался. Он советовал молодым матушкам учиться у старых искусству общения, благодаря которому они будут одинаково желанными гостями в бедных и богатых домах. Для того, чтобы стать истинной матушкой, необходимо, чтобы дочери служителей церкви способны были проникнуться идеей служения народу не только с детства в своей семье, но и в училище. Именно это позволило бы такой девушке, выйдя замуж за священника, нести свет христианской любви и душевной теплоты прихожанам. У нее две взаимосвязанные обязанности: 1) в семье: любящая жена, мать и хозяйка; 2) в приходе: помощница, советница, а если необходимо, и утешительница, как для мужа, так и для паствы. Она может заниматься образованием и просвещением прихожан, в первую очередь, деревенских женщин, заботиться о здоровье всех живущих в приходе [6, с. 68—72].

Можно еще привести множество публикаций из церковной журналистики, в которых утверждалось, что только образованная девушка может стать истинной матушкой. Однако были и другие корреспонденты, считавшие иначе. Так один из них резко критиковал выпускниц епархиальных училищ в роли сельских матушек. — «Наоборот, можно найти матушек, которые вышли замуж, вовсе и не думая об исключительном своём назначении — быть помощницами служителей Божьих» [7, с. 398—399].

И далее автор обрушивается с резкой критикой как на выпускниц, так и на епархиальные училища: «Чрезвычайно трудно бывает разобрать, что здесь ставится во главу угла — религиозность и церковность или же просто светская благотворительность? <...> Убого поле наших епархиальных училищ, как пустыня, и как пустыня, бесплодно» [7, с. 399—400].

Таким образом, мнения служителей церкви вовсе не одинаковы: они отражают реальную ситуацию, сложившуюся в различных епархиях и приходах, которая зависела от ряда обстоятельств, один из них — человеческий фактор — *кто и как* преподавал в епархиальных училищах; *кто и как* учился в них. Точнее — личность педагогов и выпускниц имели немаловажное значение в том, какой матушкой становилась «епархиалка». И, конечно, условия жизни, в которые попадали молодые матушки в сельской местности, так или иначе сказывались на их деятельности.

На наш взгляд, особый интерес среди публикаций о матушках представляет статья священника В. Кузьмина «Спутницы» [8]. «К сожалению, — пишет он, — очень немногие священнические жены сознают свой долг сопутствия пастырю. Большинство не понимают, да и не стараются понять идею своего служения» [8, с. 255]. Эти слова написаны в 1912 году, почти через 70 лет после открытия в России первого епархиального училища для девиц духовного звания.

В. Кузьмин выделяет пять типов жён священников:

1) вымирающий тип: дородная женщина, деятельность которой ограничивается домашними хлопотами, заботой о сборе руги¹, её интересы: здоровье детей, материальное состояние семьи, сплетни с подругами и т.д. В этом типе «нет и малой доли сопутствия пастырю».

2) тип трудолюбивой хозяйки и заботливой матери; тип простой, доброй и честной женщины, но неразвитой во всех отношениях; книгами и делами супруга не интересуется. В. Кузьмин считает, что подобный тип следует пожалеть, но не хотелось, чтобы он стал преобладающим в сельском приходе, т.к. в такой жене священника нет осознания своего общественного долга.

3) «отвратительный тип»: щеголеватая, кокетливая и легкомысленная женщина «с чисто буржуазными интересами в жизни». О своих детях заботится мало, любит разные развлечения, общество кавалеров; малорелигиозна. Таких матушек в действительности немного, т. к. стать такими не позволяют отсутствие средств и конкретные условия быта духовенства.

4) односторонне развитая женщина: любит светскую беллетристику новых писателей, толстые журналы и газеты; религия и религиозные вопросы ее не интересуют; в церковь ходит редко; охотно преподает в школе и использует свои медицинские знания; хотела бы быть независимой от мужа; к его деятельности безразлична; не имеет общения с прихожанами, которые для нее грубы и невежественны; не имеет ничего против, если супруг снимет рясу и станет чиновником. Если муж — человек убежденный, с сильным характером, то он может несколько сгладить ее отрицательные качества. Однако, если он не имеет сильного характера, твердой убежденности, то под влиянием жены «из него получается уродливый тип священника без всяких устоев, без уважения к уставам той церкви, которой служит, и без веры в то священство, которое на себе носит».

5) этот тип «лучше всего характеризуется апостольским словом *спутница*. Это, истинно, спутница мужу в его пастырском служении» [8, с. 257]. Описанию подобного типа автор уделяет особое внимание.

¹ «Руга — годовое содержание попу и причту от прихода, деньгами, хлебом и припасами, по уговору или по положению» [9, с. 108].

Такая матушка, получившая светское образование в училище, хорошо знающая светскую литературу, вместе с мужем изучает церковные книги, они вместе молятся и в доме, и в храме, и в избах прихожан.

Она постоянно осознает себя спутницей пастыря, спутницей того, кто «должен возвращать людям Евангелие, кто должен вразумлять заблудших, кто должен насыщать алчущих, утешать страдальцев, защищать обиженных... Она спутница того, кто должен бороться с царствующим в мире злом» [8, с. 257]. Она готова помочь всем, кто обращается к ней с какой-то просьбой, имеет опыт общения с простыми прихожанами, часто посещает их дома или принимает прихожан у себя. Если необходимо, то проводит занятия в школе, занимается фельдшерской деятельностью, участвует во внебогослужбных беседах, которые проводит ее муж. Она всегда поддержит мужа в его добрых начинаниях, готова утешить его в неудачах и горестях, постоянно молится за него.

В. Кузьмин уверен в том, что среди современных жён священников такие верные спутницы есть, хотя их и немного, но за ними будущее.

Далее автор справедливо отмечает, что далеко не все матушки, существующие в реальности, подходят под эти пять категорий. Он попытался «набросать только схемы характеров лишь *типичных* <...> матушек. Жизнь же, несомненно, дает много переходных форм и смешанных характеров и настроений» [8, с. 259].

Многочисленные публикации в церковной периодике, посвященные проблемам семейной жизни священников, констатировали, что одни жены пастырей принимают активное участие в деятельности своих мужей, играют важную роль для самого пастыря как верные спутницы в его жизни; другие же матушки или равнодушны к активному пастырскому служению, или даже, так или иначе, препятствуют этому служению.

Та же тема семейной жизни духовенства, начиная со второй половины XIX века, становится популярной в русской литературе. Существует целый ряд образов матушек, созданных писателями и публицистами (Н. С. Лесковым, Ф. В. Ливановым, В. П. Мещерским, Г. И. Недетовским, И. К. Потапенко, С. Н. Елеонским, С. И. Гусевым–Оренбургским и многими другими).

Впервые образ матушки-спутницы глубоко и с любовью обрисовал Н. С. Лесков в романе «Соборяне», изданном в 1872 году.

Главный герой произведения — протопоп Савелий Туберозов, хранитель гуманных патриархальных заветов. Столкнувшись «с аморализмом наступившего века», он вступает в неравную борьбу со всеми недоброжелателями, и за это несправедливо наказан властью (губернской и церковной):

местный епископ назначает опального о. Савелия причетником своей домо-вой церкви, а живёт он в съёмной каморке у местного жандарма.

В этот город приезжает к нему супруга Наталья Николаевна, которая всегда заботилась о покое своего мужа, была внимательна к нему, утешала в трудные для него дни. Осознавая опасность борьбы мужа с окружающим злом, она не стала удерживать от этой борьбы, понимая, что по-другому жить он не может. Наталья Николаевна, по мнению критика из церковного журнала, профессора Киевской духовной академии, А. Д. Воронова — это личность. И в то же время — «натура в высшей степени нежная, деликатная, добрая и любящая нежная» [10, с. 278]. У о. Савелия и его жены нет детей, вся жизнь Натальи Николаевны — в муже. Он также глубоко предан своей жене. Как отмечает тот же рецензент, главная черта характера Натальи Николаевны — «это высокая нравственная чистота, великая сила добра, сокрытая, однако же под покровом глубокой скромности. Эта нравственная чистота и сила, как бы не сознаются ею; вся любовь и самопожертвование, она не признаёт за собою никаких достоинств, никакого значения для мужа; но эти достоинства тем виднее и выше в её действиях» [10, с. 289].

Наталья Николаевна не просто приезжает навестить мужа: она в тайне от него старается чем-то угодить хозяину каморки, выполняя тяжёлую для неё работу в доме и на огороде. В результате этого физического и нервного напряжения, она заболела и слегла. Когда о. Савелий видит, в каком состоянии его любимая жена, он говорит ей, что, если она позволит ему, он готов пойти к обидчикам и ради неё — покориться им. Наталья Николаевна удерживает его от этого шага. Многие о её личности читатель узнаёт из дневника о. Савелия, в котором так откровенно говорится о его большой любви к жене, о том, как глубоко он ценит её достоинства. Беда мужа привела к смерти его жену, а эта смерть подкосила силы самого протоиерея — правдолюбца. «Светлая гармония их счастья, — пишет критик, — никогда не нарушалась. Жизнь одного была жизнью другого...» [10, с. 289]. А. Д. Воронов благодарен Н. С. Лескову за то, что, изобразив Наталью Николаевну, «писатель внёс в нашу литературу этот непочатый, но своеобразный и симпатичный тип» [10, с. 289].

Ранее говорилось о типах матушек в церковных публикациях. Созданный Н. С. Лесковым образ «верной спутницы» существенно отличается от первых четырёх типов, и достаточно близок к пятому, однако в произведении нет никаких описаний отношений матушки с прихожанами. Скорее всего, это можно объяснить тем, что действие происходит не в сельской местности, а в уездном городке. Или автору важно было показать, насколько велико значение любящей жены в жизни священника, её роли как понимающего друга, умеющего поддержать и утешить. «Словом сказать, — писал

другой корреспондент церковного журнала, — счастлив и должен благословлять Бога тот священник, которого жена также ему сочувствует и содействует во всем добром <...>. Имея такую жену, священник с душевным миром выходит из своего дома в пастырские труды свои и, если по несчастью, там утратил этот мир, то возвратившись в дом, снова находит его. Осчастливленный такою женою и хозяйкою дом священника всегда есть дом мира, любви и согласия; и потому на него с полным уважением смотрят прихожане» [11, с. 120].

Роман Н. С. Лескова «Соборяне» имел заслуженный успех в обществе. В центре повествования — образ служителя церкви с высоким чувством долга и гражданской ответственности. Он человек-борец за библейско-евангельские основы нравственности, за настоящую любовь к Родине и народу, резко выступающий против любых проявлений аморальности.

Надо отметить, что церковные рецензенты, как правило, мало внимания обращали на художественные достоинства рассматриваемого ими рассказа, повести или романа. Основная тема их публикаций — насколько созданные образы соответствуют реальным лицам, и к какому типу батюшек, матушек их можно отнести.

Безусловно, эта тема имела немаловажное значение в среде, прежде всего, служителей церкви. В 1877 году выходит книга Ф. В. Ливанова «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства». Казалось бы, что, человек родом из духовного сословия, получивший высшее духовное образование, должен был написать правдивое произведение. Для привлечения широкого внимания к своему произведению Ф. В. Ливанов посылает по многим епархиальным ведомостям проспект своего сочинения (никто до него ничего подобного еще не делал), и тем самым добивается того, что книга становится популярной среди служителей церкви.

Сам автор среди прочих целей, которые он ставил перед собой, создавая свою хронику, называл следующие: а) изложить всю несправедливость огульного обвинения нашего духовенства; б) всю неестественность отношений нашего общества к духовенству; в) всю безучастность общества к этому сословию. При этом — «начертить идеал сельского священника, чем он должен быть, чтобы восторжествовать над давящими со всех сторон гнётом и встать на то высокое место среди общества, которое ему указано Спасителем и христианскою церковью» [12, с. 178].

Краткое изложим содержание этого произведения. Семинарист старших классов Александр Алмазов, дающий частные уроки у одного чиновника, знакомится в его доме с гувернанткой Верой Николаевной, окончившей петербургский Николаевский институт. Именно Вера Николаевна даёт ему читать разные книги, способствуя развитию Александра. После окончания се-

минарии Алмазов отказывается поступать в духовную академию и, женившись на Вере, становится простым сельским священником. Он влюблен в свою жену и собирается вместе с ней посвятить всю жизнь служению прихожанам, избавить их от бедности, развивать нравственность, исправлять пороки. Сразу после приезда в село супруги благоустраивают на городской манер свой дом. Во всей пастырской деятельности о. Александр находит поддержку со стороны жены. Она лечит прихожан, учит в школе крестьянских девочек. Однако семейное счастье о. Александра было недолгим: Вера Николаевна умирает во время родов.

Произведение Ф.В. Ливанова получило крайне негативные оценки критиков не только церковных, но и светских. Н. С. Лесков озаглавил свою рецензию, опубликованную в церковном журнале «Странник»: «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни (Критический этюд)» [13]. По его мнению, это не «хроника», а «утопия». Алмазов — не особый тип священника, а «автомат, действующий без всякого подобия живого человека». Он делает всё, что наметил ему автор [13, с. 229—230].

Еще более резким был отзыв А. В. Вадковского (в то время доцента Казанской духовной академии, а впоследствии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония) [14]. Для рецензента Ф. В. Ливанов — «не автор своих сочинений, но только составитель их, компилятор», он — «литературный аферист». Отец Александр — вовсе не будущий идеальный пастырь, а «умственное и нравственное убожество» [14, с. 129]. Его нравственная незрелость, легкомысленность особенно проявляется в описании автором хроники того, какое сильное влияние оказала на учащегося семинарии знакомство с институткой петербургского Николаевского института Верой Николаевной. Благодаря ей, он увлекся чтением русских и зарубежных писателей. По словам самого Ливанова, если бы эта встреча не состоялась, то Алмазов так и остался бы «рутинным семинаристом». Рецензент иронизирует над беллетристом, который в лице своего героя утверждает, что только благодаря чтению художественной литературы Алмазов через год становится «ученым богословом». А. В. Вадковский недоумевает: «Как могла институтка, ничего не понимающая в богословии, сделать своего ученика “ученым богословом”?» [14, с. 104]. Более резко высказался на этот счет другой церковный критик: «Но что может значить воспитание какой-нибудь институтки в сравнении с целой богословской системой в духовной семинарии?! Какие хорошие результаты могли получиться, когда оставив без внимания требования науки пасторского богословия <...>, о. Александр перевернул себя по шаблону сомнительной невесты?» [15, с. 45].

Мечтая о своей будущей жизни в сельском приходе, Алмазов представляет себе идиллическую картину, что он с женой и с детьми живут «среди

спокойной, поэтической природы». В его семье взаимная любовь, любовь к детям. Он и жена знают, что их назначение в жизни делать добро, и в этом они помогают друг другу. Ф. В. Ливанов рисует утопическую картину, в которой герои произведения надуманны и карикатурными. «Образ жены сельского священника, — писал Н. С. Лесков, очень редок в нашей литературе. Вера Николаевна, жена Алмазова, не *тип*, а *выдумка* автора» [13, с. 226]. Что имел в виду автор этого утверждения? Если вернуться к статье, где содержится характеристика пяти типов матушек, то Веру Николаевну вполне можно отнести к третьему типу — «кокетливой и легкомысленной женщины с чисто буржуазными интересами в жизни» [8, с. 255], лишь играющую роль «идеальной матушки». Сложнее толкование понятия «выдумка». Создавая свое произведение, писатель вправе использовать такой художественный приём — вымысел (=выдумку). Допустим он и при создании того или иного образа, однако Н. С. Лесков, скорее всего, имел в виду другое его значение: он всё это выдумал, ничего этого не было и быть не могло. Не случайно, у Лескова в «Соборях» нет никаких «новых типов» из духовенства: он уверен, что не следует торопиться с их созданием [13, с. 188]. Попытку Ливанова, совершенно не знающего быта сельского духовенства, создать образ нового идеального сельского священника Лесков считает фантазией, результатом которой явился надуманный идеал. В этом контексте и образ матушки абсолютно фальшив. Неправдоподобность произведения в целом обусловлена отсутствием у автора каких бы то ни было художественных дарований.

Еще одной попыткой создания образов современного сельского батюшки и матушки была осуществлена в вышедших без указания фамилии автора году «Записках сельского священника» (1875 г.). Повествование здесь ведется от лица о. Тимофея Верховского, молодого священника, получившего свой первый приход в селе. По мнению одного из церковных рецензентов эти «Записки» — «оригинальное и исключительное явление в нашей литературе», ибо никто еще так искренне не раскрывался перед читателем. Если дневник Туберозова — это «произведение из романа», то здесь отражена действительность; автор — «лучший представитель молодого поколения священников», а его «Записки», как жанр, «не допускают вымысла» [16, с. 222—223]. Н. К. Калинин призывает других служителей церкви вести такие дневники и стараться опубликовать их.

В «Записках» подробно рассказывается о борьбе молодого пастыря с интригами, пороками, невежеством прихожан, написавшими на него донос, в котором он обвиняется в уголовном преступлении. Однако у него есть жена-соратница, помогающая ему во всех делах. Для того, чтобы доказать невиновность мужа, она едет в город к епархиальному архиерею, убеждает его, что муж ни в чем невиноват, а затем с рекомендательным письмом главы

епархии приходит в дом губернатора, который назначает следствие по этому делу. Всё оканчивается для о. Александра благополучно.

Восхищенный образом жены о. Александра, критик сравнивает ее с образом Натальи Николаевны из «Соборян». Последняя «бесспорно, прекрасная женщина и хозяйка, но она не знала и не понимала интересов современной общественной жизни, и потому любила своего супруга, но не могла разделить его высоких стремлений и тревог» [16, с. 227]. Здесь же перед нами образ жены развитой, способной разделить с мужем все его радости, тревоги и волнения, готовой ему помогать во всём.

Другой церковный рецензент, также как и Н. К. Калинин, не ставит перед собой задачу оценить художественные достоинства «Записок», а ограничивается лишь «осмысленной передачей содержания» прочитанного. При этом он даёт довольно полную характеристику жены Верховского. «Это была редкая женщина: она безгранично любила мужа, всей своей душой входила в его дела, в которых уместно и желательно было её участие, любила добро больше всего в жизни, отличалась не разносторонним, но серьёзным образованием, обладала редким сердцем, способна была отречься от многих удобств жизни и бодро переносить лишения разные, если это требовалось обстоятельствами жизни. Такие женщины — неоценённое сокровище для пастырей церкви: рука об руку с ним они многое могут совершить для бедного крестьянского люда» [17, с. 170—171].

Далеко не все рецензии на «Записки» были положительными. Так, протоиерей В. И. Протопопов, уже знавший, что их сочинителем был князь В. П. Мещерский, дал резко отрицательный отзыв об этом произведении, его героях и авторе. По мнению рецензента, здесь нет ни одного положительного служителя церкви от простого причетника до архиерея. Да и сам о. Тимофей, якобы идеальный пастырь, «представлен человеком гордым, заносчивым, бестактным и вообще таким неумелым, что читатель с первых страниц книги уразумеет, что подобный человек не может нравственно влиять на среду, его окружающую» [18, с. 20]. Также неправдоподобен и образ жены Верховского. Критик уверен, что автору произведения, незнакомому с бытом и характером сельского духовенства, не удалось выполнить свою цель: создать образ истинного пастыря. Ту же мысль высказал и Н. С. Лесков [13, с. 189]. Эта неудача объясняется тем, что В. П. Мещерский, публицист, прозаик, издатель, специально анонимно публикуя данное сочинение для того, чтобы «Записки» выглядели, как документальное повествование, написанное простым сельским священником, попытался создать типы идеального священника и его соратницы-жены, которые далеко не для каждого читателя стали убедительными художественными образами.

Если В.П. Мещерский считался в светском обществе фигурой скандальной и одиозной, то выпускник Киевской духовной академии, прирождённый педагог и талантливый беллетрист, Г. В. Недетовский (псевдоним О. Забытый), имел совершенно иную репутацию. Его называли «одним из лучших писателей, которые описывают жизнь духовенства» [19, с. 3].

В рассказе «Не угодил» главный герой, Петр Афанасьевич, после окончания семинарии сначала работал в городе учителем, но потом сознательно решает стать священником. Для этого он, согласно церковными правилами, должен быть женатым человеком. Когда он впервые во время сватовства увидел свою невесту, дочь умершего священника, которая в качестве приданого передавала своему будущему мужу отцовский сельский приход, то она произвела на него самое приятное впечатление: девушка простая, приятная в общении, к тому же закончившая епархиальное училище.

Став матушкой Настасья Поликарповна, мгновенно позабыв все знания, полученные в училище, превратилась в грубую, жадную, эгоистичную «госпожу», высокомерно относящуюся к тем, кто занимал более низкое положение вокруг неё: к работнице и работнику, к причетникам и к прихожанам. Считая себя главной в отцовском приходе, она презирала и своего мужа, деятельность которого ей была непонятной и чуждой.

Оказавшийся в бедном приходе, о. Пётр сразу стал помогать неимущим прихожанам, резко сократив плату за церковные требы, что не понравилось причётникам и привело к возникновению конфликта между ними и священником. Вместо оказания поддержки мужа, жена проявила полное непонимание его стремлений. Когда о. Пётр делился с ней своими планами, молодая матушка сначала в открытую подсмеивалась над ним, а потом стала резко возражать против всех его начинаний.

Борьба о. Петра с писарем, давним другом жены, который допускал злоупотребления по отношению к крестьянам, и причетниками, изначально невзлюбившими молодого пастыря-правдолюбца, заканчивается их победой: они пишут донос на священника. Узнав об этом, матушка ругает мужа и ставит ему в пример своего отца, который никогда не церемонился ни с причетниками, ни с прихожанами. Она советует о. Петру поехать в консисторию и постараться уладить все дела, но он отказывается сделать это. По указу епархиального начальства священника переводят в новый приход не ближе 70 верст от города.

Такие ненормальные отношения в духовной семье нередко встречались и в реальной жизни. Так в статье «Примерное поведение священника в домашней жизни» автор писал: «Счастлив он (пастырь — А.Р.), если обрел себе жену с таким же христианским настроением, какое имеет сам <...>. Но большое несчастье для священника, если у неё нет такого характера и нет

такого настроения, какого требуется от сожительницы, помощницы пастыря Церкви. Тяжела жизнь его, неуспешны могут быть пастырские труды его, <...> если он имеет жену, которая расположена жить в праздности, <...> если она сварлива, злобна, своенравна <...>. Что же остаётся делать священнику, несчастливому женою? Благодушно терпеть и усердно молиться» [11, с. 121—122].

Совсем другая жизненная драма описана Г. И. Недетовским в повести «Велено приискать». Здесь герой — о. Андрей, представитель нового поколения духовенства. Он женится на сироте, дочери умершего кафедрального протоиерея. «Невеста у него была девушка умная, добрая, кроткая и несколько наивная». Став женою Андрея Андреевича, Елена Яковлевна, привыкнув к мужу, полюбила его. Первое время муж был всем доволен. Но семейное счастье продолжается недолго: «Все сокровенные духовные струны супругов были настроены на совершенно разные тоны. Взгляды, вкусы, симпатии и желания у обоих были различны». Жена о. Андрея была доброй, сердечной: заботилась о прихожанах, их беды, в отличие от мужа, она принимала близко к сердцу, помогала советами, навещала и лечила больных. Прихожане полюбили её и называли «маменькой», «ангелом». О. Андрей стал подсмеиваться над добрым отношением жены к крестьянам, а вскоре, «оставив всякие идеальные стремления о пастырском служении, и подобно отцу, смотрел уже на приход, как только на доходную статью» [15, с. 45]. Затем он завязывает дружбу с сомнительными людьми и в этой компании начал кутить, играть в карты. Всё это привело к тому, что он охладел к супруге, стал проявлять явное нерасположение к ней, не скрываясь, стал ухаживать за своей молодой свояченицей. Видя всё это Елена Яковлевна, заболела и умерла.

Повесть получила ряд положительных откликов в светской критике, о ней одобрительно отозвался И. С. Тургенев [20], но в церковной периодике нередко высказывались негативные оценки. Например, Н. Соловьев, назвав свой отзыв «Хула на молодое духовенство», считал произведение карикатурным [21, с. 5]. Очевидно, автору рецензии не понравился совершенно новый тип безнравственного «буржуазного священника», живущего не по христианскому учению о пастырстве.

В 1881 году в журнале «Отечественные записки» выходит в свет новая повесть Г. И. Недетовского «Миражи» (отдельное издание — 1882 г), которая, по словам писателя А. А. Измайлова «в читающем духовном мире ... произвела нечто похожее на переполох» (20, с. 260). Видимо, ожидая негативной оценки, в первую очередь в преподавательской церковной среде, автор напечатал новое произведение под псевдонимом О. Забытый. Опасения Г. И. Недетовского подтвердились. Н. К. Калинин, автор большого коли-

чества рецензий на новинки беллетристики, считал, что повесть посвящена критике духовных учебных заведений, которые, якобы, «не способствуют умственному развитию учащихся, не облагораживают их характер, не готовят к будущей деятельности. Даже сами преподаватели не отличаются высокой нравственностью, образованностью. Во всём, что случилось с главным героем (Роковым), по мнению писателя, виновата духовная школа» [22, с. 258]. Именно поэтому произведение названо «Миражи». Так же считал и редактор журнала «Отечественные записки» М. Е. Салтыков-Щедрин, который, не будучи лично знакомым с Г. И. Недетовским, писал ему: «как картина педагогических нравов повесть мне понравилась» [23, с. 200]. С нашей точки зрения, название повести отражает и несостоявшиеся надежды главного героя: сама фамилия — Роков свидетельствует об этом.

Герой повести Николай Роков, выпускник духовной академии, преподаёт в семинарии, но скоро разочаровывается в своей работе

Это разочарование особенно укрепилось у Рокова, когда он, поступив на работу, как это было принято, делал визиты к своим сослуживцам и мог наблюдать неприглядные стороны их жизни, знакомиться с близкими коллег. Так при посещении квартиры преподавателя Священного писания, иерея Захарова, которого не оказалось дома, Роков знакомится с его женой Фаиной Дмитриевной. В беседе с ней он замечает: «вы слишком мрачно смотрите <...> на священство» — «Мне несколько странно, — говорит он ей, — слышать такие речи от *матушки*» — «Ах, пожалуйста, не называйте меня *матушкой* — горячо проговорила хозяйка. — Я вовсе не *матушка*, а только жена священника. <...> Я просто дама, как и другие светские дамы». — «Все-таки Ваш муж — священник; уже по одному этому Вы должны бы пощадить священство», — сказал Роков. — «Он для меня вовсе не священник, а просто муж и больше ничего, — изъяснила матушка-дама. — А священство щадить положительно невозможно. Помилуйте — это каста, это — темное царство» [24, с. 48].

Рецензент в недоумении размышляет по поводу описанной писателем сцены: «Существуют ли в действительности подобные типы матушек-либералок, или автор вывел подобную личность для каких-то своих особенных целей — решить достаточно трудно» [22, с. 321—322].

В уже упомянутой статье «Спутницы», опубликованной почти через 30 лет после выхода в свет повести «Миражи», указывался третий тип жен священников — это тип женщины «с чисто буржуазными интересами в жизни <...>. Она любит вечера, моды, общество кавалеров. Участвует в спектаклях. В отношении религии у нее самые жалкие обрывки: так, кое-когда небрежно перекрестится, да очень редко забежит к концу обедни в церковь. Это отвратительный тип. В крайних своих выражениях он встречается ред-

ко. Но немало есть священнических жён, которые пошли бы по этому пути, если позволяли средства и вообще благоприятствовали бы тому условию» [8, с. 255—256]).

Можно констатировать, что Недетовский, хорошо знающий духовную среду, передал в данной сцене в образе жены священнослужителя те негативные настроения к духовенству, которые он наблюдал в конце XIX века. И кратко обрисовал совершенно новый тип «спутницы» священника.

Николай Роков, женится, выбрав себе суженую не из духовного сословия, а дочь губернского чиновника, окончившую гимназию. Она привлекла его простым и открытым характером, умом, «артистическими способностями». Не все коллеги Рокова одобрили его выбор и постепенно стали его сторониться. В высших губернских сферах также не одобряли этот брак, считая, что девушка с образованием вышла замуж «за семинариста, за бурсака! Еще пожалуй попадётся будет ... это ужасно» [24, с. 155].

Роков счастлив в семейной жизни: молодые живут в комфортной обстановке, в свободное время они музицируют и поют дуэтом, обсуждают различные интересующие их серьёзные темы. Всё, о чём он мечтал, размышляя о браке, осуществилось в реальности: взаимная любовь, дружба, обсуждения вопросов педагогики и других различных жизненных проблем. Николай охотнее стал заниматься преподавательской деятельностью, но из-за недостатка материальных средств, решает стать священником, хотя к этой деятельности у него нет призвания. Счастливая жизнь Рокова продолжалась недолго: через три года жена умирает, а он от безысходности кончает жизнь самоубийством.

Тем самым писатель подчеркивает, что у его героя не было ни служения гражданскому долгу, ни высшего священнического служения.

Н. К. Калинин даёт совсем не лестную характеристику этому произведению: «Хотя повесть написана и не без таланта, но она односторонне тенденциозна и носит характер пессимистического взгляда и на духовную жизнь, и на саму жизнь» [22, с. 336]. В этом высказывании точнее было бы вместо: «носит характер пессимистического взгляда» написать «носит характер критического взгляда». Писатель, будучи выпускником духовной академии, обладал даром видеть и отражать в своём творчестве как положительные, так и отрицательные стороны жизни, в том числе духовного сословия.

Как известно, Г. И. Недетовский жил в Воронеже и работал в ряде учебных заведениях: в семинарии, духовном и реальном училищах; там он преподавал разные дисциплины. Выход этой книги, написанной, в основном, на автобиографическом материале, вызвал негодование некоторых слоёв воро-

нежского общества, и она «явилась причиной серьёзных гонений на автора» [20, с. 260].

Казалось бы, реальная жизнь и литература — это два параллельных явления в жизни общества. Но если в произведении художник талантливо отображает реальную жизнь со всеми её сложностями и противоречиями, то эти два явления сливаются в нечто единое: становятся взаимосвязанными. В результате литература как вид искусства воздействует на общественную жизнь.

Творческая судьба другого писателя, родившегося на два десятилетия позже, во многом напоминает творческий путь Г. И. Недетовского.

С. Н. Елеонский (С. Н. Миловский, 1861—1911 гг.) — прозаик. Сын священника, учился в духовном училище, семинарии. Закончив духовную академию со степенью кандидата богословия, преподавал русский и церковно-славянский языки в духовных училищах Нижегородской епархии и в семинарии Вятской епархии. Однако преподавательская работа не приносила ему удовлетворения, и он всё больше и больше увлекался творчеством, создавая рассказы о жизни представителей духовенства, которую Елеонский, как и Недетовский, хорошо знал изнутри: его творчество «ценно своей неподдельной, подлинной правдой, с которой он рисовал это сословие, хорошо изученное им до мельчайших подробностей» [25, с. 206]. Критик с горечью отмечал, что в рассказах этого писателя нет ни одного образа такого батюшки, жизнь которого была бы посвящена высокому идеалу пастырского служения: перед читателем предстаёт галерея образов лишь тех людей, которые «все без исключения, вступают в пастырство не почему-либо другому, как только потому, что их гонит сюда неизбежная необходимость, судьба» [25, с. 207]. В. В. Покровский глубоко убеждён в том, что писатель вправе показывать различные недостатки, имевшие место в жизни общества того или иного периода. Елеонский — один из тех писателей, который не мог равнодушно относиться к невежеству сельского духовенства и другим специфическим недостаткам этого сословия тех лет. Именно по этой причине он изображал отрицательные стороны деятельности деревенских пастырей.

Другой рецензент считал, что писатель, изображая два типа священников — новых и старых, старался показать их различие. Новые — «это люди образованные, поборники народного образования, стремящиеся поднять авторитет духовенства в обществе» [26, с. 761]. К этому утверждению следовало бы добавить — или люди с бóльшими духовно-моральными ценностями, о чём свидетельствует сравнение образов о. Никандра (рассказ «Папаша-крёстный») [27, с. 5—34], — олицетворение негативных человеческих качеств и его крестника, бывшего семинариста Ивана Началова. Он, несмотря на всё негативное поведение по отношению к нему о. Никандра, включав-

шее и ложь, и обман крестника, на протяжении пяти лет смиренно терпел это. Получив обещанный приход, Началов продолжал выполнять все требования старшего по возрасту крестного отца, испытывая на себе крайне унижительное отношение с его стороны. Это, однако, не помешало ему «делать своё дело неленостно, и мужики о нём говорили “Обстоятельный батюшка, а нравом даже лучше старого, хотя спуску тоже не даёт, но всё же не так прижимист”» [27, с. 33].

Умение сносить все тяготы жизни, огромное терпение в ожидании перемен к лучшему он сумел передать и своей супруге, на которой женился, не зная даже, что она уже имеет четырёх детей. В рассказах С. Елеонского нет подробных описаний спутниц сельского пастыря. Их образ создаётся из высказываний его героев. О. Никандр, желая выдать замуж свою многодетную племянницу, имеет своё, неоспоримое для него, суждение: «А что касается Глашеньки, то она по виду, право, довольно пригожа <...>, принаряди только! А что она необразованна — беда небольшая! Что образованная, что необразованная — толк один» [27, с. 15] И далее этот батюшка рассуждает о том, что и «епархиалка», выйдя замуж, становится обыкновенной сельской попадъёй: «Двух строк правильно не напишет!... Живут и без науки, да ещё как живут, со стороны завидуют» [27, с. 16]. Свои размышления о ненужности образования женам священников, о. Никандр завершает утверждением: «То ли дело неучёная — смирна, кротка, послушна, чего больше и желать?» [27, с. 16].

С этим высказыванием перекликается и дополняет его мнение другого персонажа, созданного писателем в рассказе «Неизречённый свет», где речь тоже идёт о двух типах священников: старых и молодых. Отец Роман, представитель старого духовенства, спрашивает у своего зятя, о. Аполлона, что для него идеальная жена? Зять отвечает, что это хорошая и красивая женщина с хорошим, любящим сердцем. Тесть же говорит, что главное в жене священника — здоровье, поэтому необходимо не любить её, а беречь, так как «поп без семьи немислим». Кроме того попадья должна быть образцовой хозяйкой. Именно потому он забрал свою младшую дочь Татьяну из IV класса епархиального училища, не дав ей закончить его. Отец Роман считает, что обучение там ничего не даёт учащимся, «читать, писать знает, считать умеет и довольно. Всё равно, чему ни учи, всё забудет, когда станет попадъёй <...> Пусть-ка она у матери научится хозяйству, чем там (в епархиальном училище — А.Р.) разной дребедени» [28, с. 48].

С. Елеонский в двух своих упомянутых рассказах не даёт подробных характеристик женам сельских пастырей: ни Глашеньке, ни Татьяне, ни ее матери Ираиде Ивановне. Анализируя рассказы писателя, Н. А. Колосов упрекает его за то, что он, кроме отрицательных портретов служителей церкви,

часто негативно изображает и их слишком практичных жен, особенно молодых, которые «не по летам практичны, и что молодые священники вместо нравственной поддержки находят в них лишь тормоз своей пастырской деятельности, груз, который тянет их вниз, в сферу узкого практицизма, где пастырство рассматривается лишь как средство к собиранию и умножению доходов, с гордостью, чванством и отчуждением от паствы, отчуждением неизбежным и полным» [29, с. 440].

Другие же церковные критики оценивали творчество писателя положительно. Они отмечали, что хотя портретная галерея пастырей созданная С. Н. Елеонским, «мрачна она, тяжела она», однако это не выдуманные писателем образы: «Его галерея — воспроизведение тех оригиналов, среди которых он прожил всю свою сознательную жизнь, в продолжение более четверти века, воспитывая детей тех самых оригиналов, соприкасаясь с ними изо дня в день, входя во все радости и печали их жизни. Быть может (да и несомненно так), самому автору было ещё невыносимее и тяжелее, чем нам, читателям» [25, с. 214]. Надо отдать должное проницательности и честности написавшего эти строки. Он понимал, что созданные Елеонским произведения и образы пастырей в них, а также — рисуемая ими роль матушки — попадьи и воспроизведенные писателем отношения между старыми и новыми священниками — это чрезвычайно важное и смелое предупреждение обществу в целом и духовному сословию особенно

Современники С. Н. Елеонского, журналисты духовных изданий писали о том, что его произведения обладают большими достоинствами, свидетельствуют о талантливости автора: «Он сумел довольно красочно и правдиво подчеркнуть некоторые стороны из жизни сельского духовенства, поставил вопросы, которые заставляют читателя задуматься» [26, с. 766].

Если писатель создал художественные произведения, в которых он талантливо запечатлел жизненные образы и обнажил острые проблемы своего времени, то можно считать его состоявшимся мастером и выполнившим свой долг перед обществом. Таким писателем, наряду с другими современниками, был С. Н. Елеонский.

Некоторые критики сравнивали творчество С. Н. Елеонского с произведениями С. И. Гусева-Оренбургского. «Этих писателей, — утверждал один из них, можно рассматривать отдельно и параллельно; оба писателя обладают одинаковой степенью таланта; один как бы дополняет другого» [30, с. 524], правдиво изображая быт сельского духовенства.

С. И. Гусев (псевдоним: Оренбургский; 1867—1963), учился в Уфимской семинарии, потом работал учителем, а в 1892 году был рукоположен в священники и служил в приходах Оренбургского уезда до 1898 года, когда

вышел из духовного сословия. В последующем он профессиональный литератор, а его герои, в основном, — представители сельского духовенства.

Автор рецензии на собрание сочинений писателя выделял три периода в его творчестве. I: «Непритязательные и искренние очерки из быта духовенства»; II: «Начало умственного и нравственного кризиса той части духовенства, которая сочувственно приняла события 1905 года, и эти события оказали сильное брожение в их головах»; III: «То же духовенство в разгар ожесточенной борьбы его правого и левого лагерей» [31, с. 326]. Второй период творчества Гусева-Оренбургского объясняется тем, что писатель «увлекся “левыми” партийными движениями и «стал рассматривать духовенство в качестве противника освободительного движения [32, с. 335].

Давая характеристику творчества С. И. Гусева-Оренбургского почти за двадцать лет, Н. А. Колосов обратил внимание на образ жен священников, которые могли поддерживать активную деятельность своих мужей в приходе или, напротив, мешать ей. Из-за тяжелого материального положения сельского духовенства матушкам приходится прикладывать много сил для обеспечения необходимого достатка в семье. Подчас эти усилия оказываются чрезмерными, не соответствующими христианским принципам пастырского служения. «Как часто чересчур практичные жены священников, — пишет критик, — словом и делом жестоко осмеивают и топчут в грязь идеалы и благие намерения своих мужей — послужить народной темноте и нищете и заставляют их смотреть на паству лишь как на доходную статью и угождать лишь богатым и сильным» [32, с. 723]. Таких персонажей в рассказах писателя немало. Например, о. Лука Израильский, уроженец города, знающий специфику деревенской жизни только по книгам, терпит неудачи во всех своих благих начинаниях. Его не уважают прихожане, даже со стороны супруги, которую он всегда считал самым близким человеком, молодой пастырь получает одни насмешки и выговоры. Обращаясь к ней, он говорит: «Тебе стыдно, Валя! <...>. Я хочу живую душу в себе сохранить, а ты тянешь меня в пошлость, в грязь» [35, с. 253]. Жена, почувствовав свою неправоту, извиняется перед ним («Мечтатель»).

Часто встречаются в рассказах писателя жадные, прижимистые попадьи («Капиатан Кук», «Рыцарь Ланцелот», «Обида»).

Не всегда супруги понимают друг друга. Отец Павел ругает жену-институтку за то, что она, горожанка, никак не может привыкнуть к сельской жизни, не ведет хозяйство («Бес»).

В повести «В глухом уезде» о. Яков сознательно поменял городской приход на сельский; он говорит, что жене его здесь тоскливо; он и она — несхожие люди, между ними нет духовной близости; она любит мужа, но не способна проникнуться его внутренним миром.

Положительных матушек, верных соратников своих мужей у писателя немного («Над Поёмой», «Курчанские прихожане», «Кошмар»).

Широкий резонанс вызвала в обществе повесть С. И. Гусева-Оренбургского «Страна отцов», созданная во второй период творчества, когда писатель стал крайне негативно относиться к духовному сословию. Если светская критика с одобрением отнеслась к этому произведению, то критика церковная восприняла это произведение совсем иначе. Н. А. Колосов считал, что здесь «пропета отходная духовенству вообще, как классу» [34, с. 301].

В повести обрисован новый в русской литературе образ молодой матушки, Павлы Григорьевны (Павлиньки) которая не удовлетворена жизнью в сельском приходе, не имея никаких интересов, не знает, чем ей заняться, к тому же она не любит своего мужа. Детей она не хочет, так как они ее навеки свяжут с постылой деревенской жизнью. Она чувствовала себя в приходе мужа, как в сорной яме.

Следует согласиться с негативной оценкой образа Павлы Григорьевны, которую давали церковные критики. Один из них называет ее бездельницей, избалованной родителями, она «хочет жить ничего не делая, а только тунелюствуя» [35, с. 193]. Другой критик считал, что героиня повести могла, если бы хотела, найти себе какое-то нужное для прихожан дело. «Но она и не умеет, да и не хочет ничего делать и сама не знает, что ей нужно <...> И нравственная и житейская цена таким Павлинькам весьма небольшая. В ней говорит не честность, как это во что бы ни стало хочет показать наш автор, а главным образом неумение и нежелание трудиться» [36, с. 572]. Можно добавить, что писатель, очевидно, сам того не желая, вывел тип пустой, ничемной женщины, жены, которая вообще никому и ничему не может служить; да и любить она не умеет.

Игнатий Николаевич Потапенко (1856—1929), сын сельского священника из Херсонской епархии, после окончания в 1871 году Херсонского духовного училища, учился в Одесской духовной семинарии, поэтому он хорошо знал особенности приходской жизни. Как писателя его интересовали те процессы, которые происходили среди современных ему служителей Церкви: быт сельского пастыря, его семейная жизнь, отношения к пастве и епархиальным властям. Уже первое его большое произведение «На действительной службе», вышедшее в свет в 1890 году, привлекло внимание светских и церковных критиков. Вслед за Ф. В. Ливановым и В. П. Мещерским И. Н. Потапенко попытался создать образ идеального сельского пастыря. Главный герой повести Кирилл Обновленский с отличием заканчивает духовную академию, ему сулят блестящую карьеру на духовном поприще. Он приезжает в губернский город, где его ждет невеста, Мария Гавриловна (Мура), дочь известного и богатого благочинного. Однако Кирилл заявляет, что хочет стать

сельским священником. Родителям Марии не нравится решение будущего зятя, так как их дочь не воспитана не для деревни, с раннего детства её готовили к светскому образу жизни в городе. Постепенно у неё сложилось своё представление, как она будет жить после замужества: музеи, театры, изысканное светское общество вокруг. Она огорчена намерением жениха, но всё же заявляет, что любит Кирилла и выйдет замуж только за него. Полагая, что «женится — переменится», родители соглашаются на брак.

Характеризуя образ Марии, один из церковных критиков утверждал, что её любовь к жениху инстинктивна, между ней и Кириллом нет ничего общего. «Такая невоспитанная, неопределенная личность, пишет он, — слабая поддержка для идеалиста, подобного Обновленскому» [37, с. 727].

Молодые супруги приезжают в сельский приход. В отличие от жён в повестях Ф. В. Ливанова и В. П. Мещерского, молодая матушка не становится соратницей и помощницей мужу, напротив, она, имеющая гимназическое образование, привыкшая к городской жизни, совершенно не понимает смысл пастырской деятельности в сельском приходе. Более того, Кирилл в священническом облачении кажется ей совершенно незнакомым человеком. Только сильная любовь к мужу удерживает ее в селе.

Через некоторое время у супружеской пары рождается сын. Помогая прихожанам в борьбе с голодом и эпидемией, о. Кирилл редко видит жену и сына. Томясь от одиночества, Мария Гавриловна, говорит мужу, что невозможно утолить все страдания и излечить все болезни, что он любит всех вокруг больше её и сына. Кириллу неприятно слышать такие слова, и не получать поддержку от самого близкого человека. В село приезжает мать Муры, и забирает дочь и внука в город. Потом тёща пишет зятю, в котором она сообщает, что он получит обратно семью только тогда, когда вернется в город и будет там служить. Обновленский решает остаться в сельском приходе, а сына он рано или поздно, как он думает, возьмёт к себе.

Образ молодой матушки, оказавшейся неспособной стать опорой своему мужу, сельскому пастырю, не вызвал интерес критиков. Всё своё внимание они сосредоточили на образе Кирилла Обновленского, который, как и Александр Алмазов (у Ф. В. Ливанова) и Тимофей Верховский (у В. П. Мещерского) оказался неудачной попыткой создания типа идеального пастыря.

Та же тема о неготовности молодой матушки из городской среды к жизни в сельском приходе встречается в рассказе «Справедливость», опубликованном через 27 лет после повести «На действительной службе» (1907 г.). Когда-то архиерей, любитель церковного пения, устраивает выпускника семинарии Василия Опознанского, обладателя прекрасного голоса, в соборный хор. Затем Василий женится по любви на Ольге, дочери городского протоиерея. Старый архиерей умирает, а новый направляет Опознанского священ-

ником в сельский приход. Отец Василий боится, что это перемещение может пагубно сказаться на его супруге, женщине избалованной, слабой, привыкшей к городской среде. Видя состояние любимого мужа, Ольга страдает и за него и за себя, стараясь не показывать ему, что сельская жизнь для нее нечто чуждое. Из-за переживаний молодой священник мало заботится о церкви и школе и даже о своем внешнем виде. Прихожане жалеют о. Василия, а еще больше — матушку.

Приехавший в село архиерей, глядя на запущенность прихода, решает, что священник пьяница, поэтому не дает ему благословения и предлагает уволиться за штат. Старый дьяк Климентий решает защитить о. Василия и едет в город к архиерею. Через два месяца Оползанный переводится на службу в город. Как мы видим, взаимная любовь молодых супругов, их близость к прихожанам, поддержка членов причта помогли им вместе преодолеть серьезные испытания.

В других же повестях и рассказах И. Н. Потапенко, как и у большинства современных ему писателей, тема брака в духовной среде весьма редко излагается позитивно, чаще всего отмечаются её неприглядные стороны. Неудовлетворёнными браком оказываются либо муж, либо жена, либо обе стороны; взаимная любовь, если она и была, то скоро проходит. Несчастливое супружество могло иметь место не только в сельском приходе, но и в городском. Тема брачного союза людей из разных сословий: духовного и светского неоднократно обсуждалась на страницах духовной периодики [38]. Та же проблема нашла своё отражение и в литературе, в частности в повести И. Н. Потапенко «Последняя» (1905 г.). В ней молодой городской священник Максим Благодуховский женится на красивой светской девушке, которую брак избавил от нищеты. Отец Максим — это тип нового пастыря: он увлечено занимается пастырской деятельностью, прекрасный проповедник, усиленно занимается самообразованием, читает и выписывает много книг и журналов, как духовных, так и светских. Человек порядочный, мягкий, деликатный, любящий свою жену. Однако его супруга никак не может и не хочет свыкнуться со своим новым положением, а это делает о. Максима несчастным. Это произведение было негативно оценено церковными рецензентами. Н. А. Колосов опасался, что читатель прочитавший повесть, решит, что мораль писателя заключается «в том, что духовные лица не должны жениться на светских девушках» [39, с. 89]. Критик был возмущен тем, что Потапенко, подобно другим писателям, имеет «наивно-превратное представление о круге деятельности духовенства, которая, в их изображении превращается в совершенную праздность» [39, с. 89].

Надо отметить, что в произведениях И. Н. Потапенко, подобно другим писателям того времени, особенно распространены отрицательные образы

как сельских, так и городских матушек. Так в сюжете рассказа «Лепта вдовицы» в сельском приходе умирает дьячок, оставивший без средств к существованию жену и дочь. Для того, чтобы жить дальше, вдова могла бы заняться изготовлением просфор, но этим делом занимается матушка, несмотря на то, что приход богатый. Её муж, члены причта, благочинный просят её передать печение просфор вдовы, но она всем отвечает отказом. Н. А. Колосов, комментируя этот рассказ и не сомневаясь в правдивости сюжета рассказа, писал, что священнические жены «не всегда являются достойными помощниками своих мужей. Бывают иногда, что все благие стремления и усилия священника разбиваются о сопротивление его недостаточно развитой умственно и нравственно супруги. Тип такой матушки и изображен в настоящем рассказе г. Потапенко» [40, с. 147—148].

Для творчества И. Н. Потапенко в целом было характерна легкая ирония, подобная С. И. Елеонскому. Ярким примером тому служит рассказ «Примирение» (1900 г.), в котором яркими красками описана ссора двух священников одного сельского прихода: о. Мартирия и о. Василия. Два друга еще со времени обучения в семинарии делят пополам свой большой сельский приход. Время от времени они ссорятся, чаще всего из-за скверного характера их жен. Обычно эти ссоры заканчивались быстро, так матушкам, подругам по епархиальному училищу, становилось скучно друг без друга. Но одна ссора становится очень серьезной. В ней активное участие принимают обе матушки, провоцируя своих мужей. Приехавший в село багочинный, приглашает обоих священников в церковь и заставляет их помириться. Рассказ заканчивается тем, что в село приезжает новый священник.

Комментируя это произведение, Н. А. Колосов, что сюжет рассказа абсолютно вымышленный, так как ссоры между священниками одного прихода происходят по другим причинам. Тем не менее, в рассказе присутствует одна правдивая черта, наблюдаемая в реальной жизни: это — негативное влияние, которое могут оказывать матушки на своих мужей.

Как и другие писатели, И. Н. Потапенко нередко, с присущей ему иронией, затрагивает и тему выбора невесты семинаристом, окончившим свой курс обучения («Счастье поневоле», «Судьба» и др.).

В данной статье проанализованы материалы духовной периодики о проблемах служения пастыря и роли его спутницы в этой деятельности во время и после реформ в церковно-приходской жизни. Именно в этот период наблюдались существенные изменения в жизни духовного сословия, в частности, — в процессе обучения в духовных школах, как в мужских, так и женских: всё меньше уделялось вниманию духовному воспитанию обучаемых. И это, несомненно, оказало влияние на мировоззрение нового поколения священнослужителей, что приводило к столкновению «старых» и «но-

вых» пастырей, разобщению с паствой и часто сказывалось на отношениях между священником и его супругой.

Можно констатировать, что эти самые существенные проблемы церковной жизни тех лет одновременно нашли своё зеркальное отражение как в духовной журналистике, так и в беллетристике того времени. Следует отметить, что церковная критика своевременно и глубоко анализировала каждое новое произведение, среди персонажей которого были представители духовного сословия. Для неё наиболее важным для оценки произведения являлось, во-первых, насколько созданные образы соответствуют реальности; во-вторых, насколько глубоко отражается в деятельности священника и его жены христианский идеал пастырства. В меньшей степени уделялось внимание художественным достоинствам романов, повестей и рассказов. Надо признать, что в литературе того времени многие писатели пытались создать образ матушки. Как показано в статье, — это разные типы, отражающие, в какой-то степени, действительность. Но нет целостного, глубокого и правдивого образа матушки-сподвижницы, которая бы активно участвовала в деятельности своего мужа. Как свидетельствуют многочисленные мемуары служителей церкви, в реальной жизни их было не мало. Однако в литературе чаще отражались негативные стороны этого персонажа, и только в некоторых произведениях сделана попытка создать положительный образ матушки. Рецензенты неоднократно отмечали эту склонность писателей видеть в жизни представителей духовного сословия, прежде всего негативы. Некоторые из них считали, что священник должен извлекать из светской литературы то, что ему необходимо для своего служения. А читатель — видеть и понимать проблемы жизни того сословия, которое отвечало за духовно-нравственное состояние народа. Писателю же было нужно привлечь внимание общества к очень важным жизненным проблемам.

«Каждый писатель является в той или иной степени сыном современной ему эпохи и в своих произведениях отражает те взгляды и настроения, которые были достоянием его среды. Поэтому литература может быть рассмотрена, как собрание исторических документов о духовных переживаниях народа в разное время. В эпических образах она повествует нам о том, как жило и думало общество известной эпохи, какие идеалы оно себе ставило, и какими средствами их осуществляло» [26, с. 760]. Полностью разделяя это мнение журналиста духовной печати тех лет, добавим, что оно звучит весьма актуально в наши дни. В заключение подчеркнём: огромный пласт журналистики — церковной [42] — до сих пор в полной мере не используется в полной мере современными исследователями русской литературы. А в нём — богатый материал, выражающий особый, христианский взгляд на жизнь и её отражение в литературе.

1. Смолич И. К. История русской церкви 1700—1917. М., 1996. Ч. 1. Гл. IV.
2. Певницкий В. Ф. Семейная жизнь священника // Руководство для сельских пастырей / Далее: РДСП /. 1885. Т. 2. № 21 (19 мая).
3. Что может сделать сельская матушка // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. Часть неофиц. № 18 (30 сент.). С. 662—669 /Псковские епархиальные ведомости/
4. Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. Часть неофиц. № 6 (15 марта). С. 246—250 / Известия и заметки: перепечатка из Орловских епархиальных ведомостей/. С. 249.
5. Содействие жены священника делу пастырского служения ее мужа // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. Часть неофиц. № 11 (1 июня). С. 648—656. /Статьи и рассуждения: перепечатка из Московских церковных ведомостей /
6. Набивач И. Помощницы православного пастыря // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1910. № 4 (28 янв.). С. 68—72.
7. О наших матушках и об епархиалках // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1910. № 11 (1—15 июня). С. 398—400. /Иноепархиальные известия: перепечатка из Симбирских епархиальных ведомостей/.
8. Кузьмин Владимир. Спутницы // Смоленские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1912. № 5 (1—15 марта). С. 253—261 / Перепечатка из «Енисейских епархиальных ведомостей»/.
9. Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 108).
10. Воронов А. Д. Женские типы духовного звания в светской литературе // Руководство для сельских пастырей. 1874 № 44 (3 нояб.). С. 278—290.
11. Примерное поведение священника в домашней жизни // Руководство для сельских пастырей. 1872. Т. 20 (14 мая). С. 119—127.
12. Тамбовские епархиальные ведомости. 1888. Часть неофиц. 1877. № 5 (1 марта). С. 177—180.
13. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 тт. М., 1958. Т. 10. С. 188—234.
14. Вадковский А. В. Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства. Ф. В. Ливанова. М., 1877 (Критическая заметка) // Православный собеседник. 1878. Ч. 1. Янв. С. 92—132.
15. Попов А. В. Типы духовенства в русской литературе за последние 12 лет // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Май. С. 44—88
16. Калинин Н. К. [Рец. на книгу: Изю дня в день: Записки сельского священника. СПб., 1875] // РДСП. 1876. Т. 2. № 25 (20 июня). С. 219—228.
17. Вишняков А. Г. Наше духовенство по беллетристическим произведениям: .[Рец. на книгу: Изю дня в день: Записки сельского священника. СПб., 1875] // Православное обозрение. 1877. Т. 1. Янв. С. 152—188.
18. Протопопов В. И. [рец. на кн: (Мещерский В.П). Изю дня в день: Записки сельского священника. СПб., 1875] // Странник. 1876. Т. 1. Янв. Ч. 2. С. 15—22 /Библиография/.

19. «Не угодил», рассказ О. Забытого: («Отечественные записки». 1883. Май) // Церковно-общественный вестник. 1883. № 81 (24 июня). С. 3—6.
20. Кузнецов В. И. Недетовский Г. И. // Русские писатели. 1800—1917. Библиографический словарь. Т. 4. М—П., М., 1999. С. 260.
21. Соловьев Н. Хула на молодое духовенство // Церковно-общественный вестник. 1877. № 109 (30 сент.). С. 4—5.
22. Калинин Н. К. «Миражи». Повесть О. Забытова: «Отеч. зап. 1881, сент, окт, нояб. // РДСП. 1882. Т. 2, № 28 (11 июля). С. 257—278; № 30 (25 июля). 321—338.
23. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 тт. Т. 19. М., 1965..
24. Миражи. Повесть. Соч. О. Забытого (Г. И. Недетовского). СПб., 1882.
25. Покровский В. В. Духовенство в рассказах С. Н. Елеонского // Современный мир. 1911. № 10. С. 206—215.
26. И. Б. Духовенство в произведениях С. Елеонского // Странник. 1913. Т. 2. Дек. С. 757—766.
27. Елеонский С. Папаша-крестный // Русское богатство. 1901. № 3. С. 5—34.
28. Елеонский С. Рассказы. СПб., 1903.
29. Колосов Н. А. Типы православного духовенства в русской светской
30. Кровский П. Русское духовенство в изображении современных беллетристов // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 16 (15 авг.). С. 522—530.
31. Библиография [С. И. Гусев-Оренбургский «Золотой сон». Т. V. «Недоразумение». Т. VIII. Пг., 1915] // Русские записки. 1915. № 5. Май. С. 326.
32. Колосов Н. А. Православное духовенство в изображении С. Гусева-Оренбургского // Христианин. 1915. № 10. Окт. С. 331—349; № 12. Дек. С. 716—731.
33. Гусев-Оренбургский С. И. Полное собрание сочинений в 14-ти тт. Т. IV. Петроград, 1915.
34. [Колосов Н. А.]. Типы православного духовенства в современной русской беллетристике // Воскресный день. 1909. № 26. С. 301—303.
35. Кровский П. Русское духовенство в изображении современных беллетристов // Оренбургские епархиальные ведомости. 1906. № 5 (1 марта). С. 190—196.
36. Колосов Н. А. В неверном освещении (О духовенстве в сборниках товарищества «Знание»: «В приходе» и «Страна отцов» Гусева-Оренбургского) // Душеполезное чтение. 1905. Ч. 3. Дек. С. 555—573.
37. Соколов Л. А. Типы духовных пастырей в нашей светской литературе (По поводу сочинений г. Потапенко) // Странник. 1892. Т. 3. Дек. С. 711—735.
38. М. З. «Чужие половинки»: Достойная внимания заметка по вопросу о супружествах в духовной среде // Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. 1899. № 18 (15 сент.). С. 482—487. Об актуальности проблемы свидетельствует количество перепечаток этой публикации в других церковных изданиях: Воскресное чтение. 1899. № 47 (21 нояб.). С. 745—750; Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 8 (16 апр.). С. 154—168 и др.

39. Колосов Н. А. Типы русского православного духовенства в светской литературе // Душеполезное чтение. 1905. Ч. 3. Сент. С. 88—96.
40. Колосов Н. А. Русское православное духовенство в нашей светской литературе 1896—1898 гг. // Душеспасительное чтение. 1898. Ч. 3. Сент. С. 142—156.
41. Духовенство в произведениях С. Елеонского // Странник. 1913. Т. 2. Дек. С. 757—766. С. 760.
42. Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков. Библиографический указатель / Сост. А. П. Дмитриев, Л. В. Дмитриева. СПб., 2002.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРОВ, МАТЕРИАЛОВ, ВОСПОМИНАНИЙ

УДК 821.161.1.09+281.93+002.2(=163.1)(091)

Т. Ф. Волкова,
T. F. Volkova,
Д. А. Забродина
D. A. Zabrodina

ДВА СПИСКА ЧУДА СВЯТОГО АВГУСТИНА ОБ ОБРЕТЕННОМ СТАРЦЕ, СОЗДАНЫЕ И. С. МЯНДИНЫМ

TWO LISTS OF THE MIRACLE OF ST. AUGUSTINE ABOUT THE FOUND ELDER, CREATED BY I. S. MYANDIN

В статье приводятся краткие выводы авторов о соотношении двух списков Повести об обретенном старце, созданных печорским книжником И. С. Мяндиным — списком из мяндинского Торжественника и экспедиционной копией из другого мяндинского сборника, ныне утраченного — Цветника. Приводятся сведения, внутри какого большого древнерусского сборника Повесть читается, объясняется интерес к ней старообрядцев. Из двух печорских списков Повести ближе к более раннему списку НБ МГУ из собр. рукописей старообрядцев Бессарабии и Белой криницы, № 2194 список из Цветника, а список из Торжественника отражает второй этап работы Мяндина над сюжетом Повести. Оба списка И. С. Мяндина впервые публикуют в конце статьи.

Ключевые слова: святой Августин, чудеса, старообрядческая книжность, И. С. Мяндин, старообрядческие редакции древнерусских повестей

The article provides brief conclusions of the authors about the relationship between the two lists of the Tale of the Found Elder, created by the Pechora scribe I. S. Myandin — a list from the Myandin Solemnity and an expeditionary copy from another Myandin collection, now lost — the Flower Garden. The information is given, in which large Old Russian collection the Tale is read, the interest of the Old Believers in it is explained. Of the two Pechora lists The story is closer to the earlier list of the Moscow State University Scientific Library from the collection manuscripts of the Old Believers of Bessarabia and

Belaya Krynitsa, list №. 2194 from the Flower Garden, and the list from the Solemnity reflects the second stage of Myandin's work over the plot of the Tale. Both lists of I. S. Myandin are published for the first time at the end of the article.

Keywords: Saint Augustine, miracles, Old Believer books, I. S. Myandin, Old Believers' editions of Old Russian stories

В репертуаре произведений древнерусской литературы, которые привлекли внимание печорского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823—1894) [1], есть целый ряд «чудес», представляющих собой особый жанр, входящий в «семью» агиографических произведений (см. о некоторых из них: [2, 3, 4, 5, 6]). Чудеса, как правило, обладают занимательным сюжетом, они были излюбленным чтением старообрядцев и часто включались ими в переписываемые ими сборники. Чудо св. Августина было включено И. С. Мяндиным в его Торжественник, который существенно отличался от традиционных древнерусских Торжественников, так как печорский книжник помимо житий и торжественных слов на церковные праздники поместил в нем и целый ряд переработанных им повестей и апокрифов. Торжественник Мяндина имеет интересную судьбу, которая в конце концов привела его в Научную библиотеку [7], где он сейчас и хранится в Усть-Цилемском собрании рукописей под № 46.

Автор публикуемой ниже повести — св. Августин — выдающийся средневековый богослов IV—V в., автор большого количества сочинений, переведенных и распространявшихся на Руси. Повесть была дважды переписана И. С. Мяндиным (другой ее список хранится сейчас в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН). Некогда этот список читался в составе «Цветника», также составленного И. С. Мяндиным. Место нахождения рукописи в настоящее время неизвестно, но во время экспедиции в Усть-Цильму Н. С. Демкова сделала копию этого заинтересовавшего ее текста, которая сейчас хранится в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ под № 368.

Наличие двух мяндинских списков Чуда св. Августина стимулировало наше обращение к этому произведению. Одним из авторов этой публикации — Д. А. Забродиной — была защищена магистерская диссертация [8], в которой списки Мяндина рассматриваются в контексте известных списков повести XVIII в., хранящихся в разных государственных хранилищах — НБ МГУ, РГБ, БАН.

Повесть Августина об обретенном старце входит в большое произведение «Книгу святого Августина», в которой подлинные сочинения Августина соседствуют с сочинениями других средневековых авторов. Судьбу этой Книги подробно исследовал В. В. Калугин [9]. Однако Повесть св. Августина лишь кратко охарактеризована исследователем, указавшим на известные ему списки этого произведения, которое стало переписываться и вне

«Книги св. Августина» — в сборниках разного состава, создававшимися в старообрядческой среде. В. В. Калугин так объясняет интерес к нему старообрядческих авторов и читателей: тем, что оно посвящено «защите простецов от высокомерных нападок ученых книжников. Его автор находится целиком на стороне простолюдинов, рядовых священников и дьяконов, хотя и не искушенных в книжной премудрости, но познающих Бога в простоте сердца, чистоте жительства и тяжелых трудах» [9, с. 122]. Что дало исследователю повод сделать такой вывод? Прежде всего сюжет Чуда. В нем рассказывается о случайной встрече на необитаемом острове знаменитого епископа, возвращавшегося в свою епископию с Карфагенского церковного собора на корабле, в котором осталось мало воды, и обитатели корабля надеялись пополнить ее запасы на пустынном острове. Там они обнаружили единственного жителя — полунищего, малограмотного старца, который позабыл все молитвы и попросил епископа научить его самым главным, что тот и сделал, подарив старцу на прощание одну из своих риз. На этой ризе, как на лодке, старец позднее догнал корабль Августина, поразив обитателей корабля и самого епископа таким чудесным способом перемещения по морю. Однако сам старец не видел в этом ничего особенного и смиренно снова попросил Августина поучить его молитвам, так как уже успел забыть его уроки, данные ему на острове. Эта скромность старца, которого Бог одарил способностью совершать чудеса, поразила епископа, и он понял, что перед ним настоящий святой, способный совершать то, что недоступно ему — высокопоставленному духовному лицу.

Интерес старообрядцев к этому сюжету подтверждается и тем фактом, что известны списки Чуда, связанные с известным духовным и литературным центром беспоповского старообрядчества в Олонецкой губернии — Великопоженским скитом [9, с. 153]. Видимо, по той же причине Чудо св. Августина заинтересовало и печорского книжника И. С. Мяндина, создавшего два списка этой повести. Не касаясь вопроса о месте мяндинских списков Чуда среди более ранних его списков, приведем основные выводы, к которым мы пришли, сопоставив списки Мяндина между собой.

Единственное наблюдение о соотношении этих списков ранее сделала Н.С. Демкова в отчете об археографической экспедиции на Печору [10] указав, что в списке из «Торжественника» находится краткий и более интересный в литературном отношении вариант повести, но не конкретизировав свои наблюдения.

Предпринятое нами изучение мяндинских списков Чуда св. Августина в контексте других известных нам списков Чуда, показало, что они несут на себе отпечаток редакторской работы печорского книжника. Во-первых, по сравнению с текстом XVIII в. (список НБ МГУ, собр. рукописей старооб-

рядцев Бессарабии и Белой криницы, № 2194, л. 109—115 об.) в списках Мяндина отсутствует начальный фрагмент повести, касающийся хода Карфагенского собора, на котором присутствовал св. Августин, и нравоучительное заключение. Отличия прослеживаются и в языковом оформлении фабульных мотивов. При этом ближе всего к список НБ МГУ, самому раннему из изученных нами списков «Чуда» (далее — Б), оказался список из мяндинского Цветника (далее Ц), тогда как список из Торжественника (далее Т) иногда дает существенно отличный от Б и Ц текст.

Сопоставление списков Т и Ц между собой показало, что, во-первых, они неодинаковы по тексту, по-разному оформлены сюжетно. Список Ц почти без изменений сохранил чтения списка XVIII в. — Б. На втором этапе работы над «Чудом» Мяндин изменил свой первоначальный текст. Оказалось, что печорский книжник в списке Т, с одной стороны, сокращает текст своего первого списка Ц, с другой — иногда добавляет новые детали и мотивировки, переводит косвенную речь в прямую, стремится к большей конкретности описаний, вводит новые диалоги. Покажем на одном, наиболее ярком примере редакторскую работу Мяндина над текстом списка Т.

В кульминационной сцене приплывтия старца на ризе к кораблю Августина мы наблюдаем характерные для Мяндина-редактора принципы переработки текста-источника [11] с одной стороны, это значительное сокращение текста, с другой — создание «эффекта присутствия» читателя при описываемых событиях.

Если список Ц изобилует подробностями, отвлекающими внимание читателя от основного действия (хорошая погода для плавания, второй день плавания по морю после отплытия с острова, место нахождения обитателей корабля («*корабленицы наверху сидяще корабля*» — л. 59 об.), то в Т Мяндин сразу же сообщает главное — описывает то, что сидящие на корабле узрели в море: «издалеча» движется нечто непонятное — какое-то «черное пятно». Так в тексте Т в этом месте повествования создается некая загадка. Далее перечисляется последовательность действий обитателей корабля, в ходе которых эта загадка проясняется: «*Потомъ же в зрительную трубу узреша человека, сядяща на полы ризы*» (л. 75 об.). В списке Цветника (как и в Б) загадки не создано: зрители, «*наверху сидяще корабля*» (л. 60 об.), видят не непонятное «черное пятно», а «подобие человека», при этом ни о какой подзорной трубе не упоминается. Опускает Мяндин в списке Т и описание эмоций, охватывающих обитателей корабля в списке Ц, где они «дивляхуся», размышляя, кто к ним приближается: «*яко зверя морскаго человекообразна или привидение*» (л. 61). Утратив эти подробности, текст в списке Т стал беднее, но обрел стремительность и зримость.

Значительно сокращен в Т и эпизод встречи старца, поднявшегося на борт корабля Августина, — епископом и его свитой. В Ц после того, как старец *«взыде на корабль»*, *«Августин видев сие преславное видение, радости и ужаса исполнився»* (л. 62), после чего он пространно благодарит Бога за «преславное видение», вспоминая евангельский рассказ о том, как Господь «по волнам морским» ходил «пеша» и приравнивая к этому чуду плавание старца на ризе. После этого и сам Августин, и все находящиеся на корабле *«паде пред ногама старца»* (л. 62 об.), который начал их поднимать, произнося свою просьбу заново обучить его молитвам, которым епископ обучал его на острове. В ответ на это Августин *«со страхом и рыданием // слезным»* (л. 62 об. — 63) произносит ответную речь, прося прощения у старца за то, что *«зазрех»* его *«неискусству»*, называя старца *«безценным сокровищем»*, которому *«не бе достоин весь мир»* (л. 63). Этот большой фрагмент в Т передан кратко с сохранением основного мотива — осознание епископом, что он встретился с истинным святым и что он пытался обучать молитвам того, кто совершает чудеса: *«Епископъ же виде таковое чудо, ужасеся и рече: “Како азъ тя имамъ учити такова свята мужа, по вода шествующа?”»* (Т, л. 76). Так Мяндин на втором этапе работы облек в слова идею повести: святость может представлять и в облики простого малограмотного полунищего старца, не осознающего, что совершает чудеса. Эта главная мысль очищается Мяндиным во втором своем списке от излишних деталей, описаний, эмоций, евангельских аналогий. Подробнее о соотношении двух мяндинских списков Чуда св. августина см. в нашей статье о печорских списках Чуда св. Августина об обретенном старце [12]:

Ниже публикуются списки Чуда об обретенном старце из Цветника и Торжественника, составленных И. С. Мяндиным. Транслитерация текста списка и Торжественника проводилась нами по правилам, принятым в «Библиотеке литературы Древней Руси». В полевой копии из мяндинского Цветника, Н. С. Демкова не использовала яти (ѣ) и концевые еры (ь). Список ранее не был опубликован.

Повесть Августина епископа о обретенном старце

(ИРЛИ УЦ н. 368, Цветник И. С. Мяндина, л. 57—64)*

Бывшу иногда святому Августину на соборе // (л. 57 об.) и по совершении собора о правоверии возвращающася ему к своей епископии, плавающе ему морем, принесен бысть по Божию строению корабль к некоему острову пусту и необитаему. И егда близ быв, утвердивши корабль якорми нужды

* Текст приводится по полевой копии, составленной Н. С. Демковой.

ради волн. Сущии же от корабля изыдоша на остров прохладения ради, видевшее на нем овощи различное. И егда разыдошася // (л. 58) во внутренняя острова и обретоша на нем человека некоего пустынного, нага суца и многолетна. И приведоша его к Августину. Августин же вопроши его, аки хотя ведати о нем известно, кто и каков родом, и откуда, и како прииде на пустое сие место, и о пребывании его, и о нуждах телесных от горения солнечнаго и от мраза в зимнее время, и о пищи. Он же // (л. 58 об.) извести ему, яко рожен быв во Африкийской земли от христиан родителей, от чреды же убогих и земледелец, языка италийска, и к страданию прилежа на селе с родителями моими, и во время господних празник приходях к церкви и слышах во учении Христове глаголя: «Аще кто не отречется всех своих, и не возмет креста своего и вслед мене не грядет — несть мне достоин». Аз же // (л. 59) се слышах и сего ради оставих родителя и землю свою, и обретох мал кораблец, и преплых на остров сей, и пребываю в пустом сем месте многа уже лета любви ради Христа моего, покрываем и помогаем благодатие (!) его о всех приключихшихся скорбях и нужд телесных. И не видех zde лица человека во вся лета, отнележе парished, разве вас, а питаюся // (л. 59 об.) овощием острова сего».

Августин же паки вопроши его, глаголя: «Егда во отечествии прибывах, учил ли еси книжное учение или кия молитвы zde к Богу глаголешги?». Он же рече: «Учению книжному ни мало причастен есмь, зане от родитель нудим есмь к сродному ми земледелию и во младости моей краткия молитвы навыкох всем христианом обычныя и сими молю всемилостиваго // (л. 60) Бога.

Августин же повеле их изрещи вся по ряду. Он же нача глаголати молитву господним учеником преданную, еже есть «Отче наш» и иныя краткия молитвы отнюдь неискусно и несогласно, горняя долу превращая и иная опако глаголаше.

Августин же подивися любве его к Богу и терпению мужа, а не искусству его зазрев и учаще его молитвы оны из уст со благочинием, // якоже (л. 60 об.), якоже лепо. Он же с радостию и усердием многим приемоля учимая ему от епископа.

И егда бысть ветр благополучен, епископ, поучив старца и ризою своею наготу его одев и плавая восвоися. Кораблю же шествие плавание погодно зело творяшеся и посеем во второй день корабленицы на верху сидяще корабля, узревшее идалеча аки подобие челоука пае меры // (л. 61) быстрейшим шествием, аки птица скоропарящая или стрела стреленная от лука пресильных мышцей, прямо стремлением к кораблю идушу. Они же зряще и дивляхуся и мневша первие, яко зверя морскаго челоукообразна или привидение. Егда же близ корабля быв видимое постижая корабль и нача вопити

велегласно: «Ждите, рече, Господа ради, ждите мене, // (61 об.) грешнаго!» Корабленицы же слышавше глас человекъ и ужасшеся о преславнем сем видении и текшее внутрь корабля и возвестиша сие епископу. Епископ же скорейши изыде и со всеми сущими с ними в вышняя корабля видети преславное. И узрев старца онаго, к кораблю текуща, егоже на острове молитвам учаше, на дарованной его ризе плавание оно дивное творяше: пол ея на море // (л. 62) послав и седяше на ней и пол ея держаше вместо паруса простерту.

И егда к кораблю приплыв и взыде на корабль, епископ же Августин виде сие преславное видение, радости и ужаса исполнився и воззрев на небо, рече: «Благодарю тя, Господи мой царю, прежде бо я слышал по волнам морским хотяща (!) пеша, ныне же вижу угодника твоего преестественным плаванием на великом // (л. 62 об.) сем море плавающа вместо ветра и наклира (!) тебе Христе и Духа Святаго наставника с собою имуща!» И посем паде пред ногама старца со всеми сущими его. Старец же воздвизая, от простоты и незлобия нрава глаголаше ему: «Востани, о епископе, молю тис я, забых молитвы оны, тобою изученныя, и ныне паки изучи мя их, якоже лепо».

Епископ же Августин со страхом и рыданием // (л. 63) слезным рече ему: «Прости мя преподобный и честный авво, яко много согреших к тебе, зазрех твоему неискуству, в пустыни сокровенному, от вселенныя безценному сокровищу, емуже не бе достоин весь мир. Несмь бо достоин на святое лице твое зрети, нежели ты, ангела божия, учити». Старец ко епископу глаголаше: «Никако же престану моляся ти, ниже к себе возвращуся, дорндеже // (л. 63 об.) молитвы благочиннемси изучиши».

Августин же устыдися святости старца послушанием ему преклонися, паки уча его обычным молитвам. Старец, вытвердив молитвы, изыде ис корабля и сяде паки на ризу свою, возвратися в пустыню, плавая морем со скорейшим стремлением по первому обычаю.

Епископ же отплыв ко своей епископии во Апон-град, аки обогащен // (л. 64) и одарен от Бога мздою зрением преестественнаго чюдодействия и видением плотнаго ангела и поведая всем на пользу.

Повѣсть чудна зѣло о пустыннице нѣкоемъ

(НБ СГУ УЦ р. 46. Торжественник И. С. Мяндина, л. 74 об. — 76)

Августину святому епископу шествующу в корабли с дружиною своею, посѣщающу грады и веси, иже бяху под его паствою. И воста вѣтръ силенъ зѣло и сего ради присташа к нѣкоему острову пусту и никим же обитаему, и ввергоша якори, и абие вси изыдоша на той остовъ для собрания былии. И се узрѣша мужа нага и черна, обросша власы и брадою. Сего видѣвъ святыи

Августинъ епископъ, повелѣ привести его предъ ся. И яко прииде оный мужъ и паде на нозѣ епископу, прося благословения. Блаженный же епископъ видѣ мужа священнолѣпна и сѣдинами украшена, вопросы его глаголя: «Отче святой, повеждь ми, како здѣ пребываеши // (л. 75) и откуда прииде?».

Онъ же отвѣща, рече ко епископу: «Азъ, отче честный, от Константина града есть, от окрестныя веси. Хотяща же мя родители мои браку сочетати, азъ же не изволихъ жену пояти и тѣло осквернити, но тай ноцію утаився, изыдохъ из дому отца моего. И наявъ кораблець малъ и преплывъ на сий островъ. И се имамъ лѣтъ 35, питахся от овощей и ягодичий острова сего, сопротивляясь кознемъ бѣсовскимъ, Божию помощь имея.

Епископъ же вопросы его: «Отче, како имя твое есть?». Онъ же, отвѣща, рече: «Имя мое есть Иоаннъ, нареченъ во святомъ крещении». Тогда епископъ паки вопросы, глаголя: «Учихъ ли ты во младости грамоте?». Онъ же, отвѣщавъ, рече: «Ни, отче, во мнозѣ суетѣ бысть и нѣ бысть // (л. 75 об.) ми времени учиться книгамъ, но точию едину затвердихъ молитву отче нашъ». И рече епископъ: «Како, отче, глаголеши сию молитву?». Пустынникъ же начать глаголати но бяше глаголя первии назадъ превращая, а послѣднии прежде глаголя. Епископъ же, яко бы зазирая и поучая и, како глаголати прямо. Старець же учашеся от епископа. И яко вытвердивъ молитву и вземъ благословение старецъ у святого Августина и хотяше пойти. Епископъ же вда ему ризу, повелѣ облещися в ню. Сам же иде в корабль со дружиною.

И яко преста вѣтр, и поплыша по морю. Сѣдящимъ же имъ, абие узрѣша издалече яко черное пятно и недоумѣвахуся. Потомъ же в зрительную трубу узрѣша человека, сѣдяща на полы ризы, а другую держаше вмѣсто паруса и яко бы // (л. 76) быстрѣе птицы летяще. И яко приближися к кораблю и гласомъ вели им возгласи: «Вождите мене, грѣшнаго». Тогда епископъ и корабленицы узрѣша и познаша того пустунника (!), кто же оставиша на островѣ. И тако приста к кораблю, и възыде и прииде ко епископу, глаголя: «Отче, забыхъ молитву, юже мя учихъ». Епископъ же видѣ таковое чудо, ужасеся и рече: «Како азъ ты имамъ учить такова свята мужа, по вода шествующа!». Онъ же рече: «Прости мя, отче, и научи молитву». Тогда епископъ нача учить со многимъ смирениемъ.

И яко же вытвердивъ молитву, сыиде с корабля и сѣде верху ризы, и возвратися паки на островъ. Блаженный же епископъ прииде на свой столъ, сказа сию повѣсть. И вси прославиша Бога. Аминь // (л. 76 об.)

1. Малышев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 323—337.

2. Носова О. С. Сказание об Иверской иконе Богоматери в составе печорских рукописных сборников // Первые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции (с. Усть-Цильма, 12 июля 2008 г.). Сыктывкар, 2009. С. 81—99.

3. Волкова Т. Ф., Носова О. С. Печорские списки «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы IX Международной конференции, проходившей в Новгороде 30 сентября — 2 октября 2009 г. М., Боровск, 2010. С. 274—288.

4. Носова-Ермолина О. С. «Повесть об огненной туче» (из Жития Прокопия Устюжского) в печорской рукописно-книжной традиции // Вторые Мяндинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (11—12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма). В 2 т. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 114—121.

5. Волкова Т. Ф. Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы») // Вестник Череповецкого Государственного Университета. Технические науки, филологические науки, педагогические науки. 2018. № 5 (86). С. 51—62.

6. Волкова Т. Ф., Косырева (Мальшева) Л. Л. Два печорских списка Повести о купце, обогатившемся «утварию» пресвятой Богородицы // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2019. Вып. 1 (9). С. 142—147.

7. Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции 8—11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 163—170.

8. Забродина Д. А. Чудо святого Августина об обретенном старце: текстологический и педагогический аспекты: Магистерская диссертация / научный руководитель Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 2020.

9. Калугин В. В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI—XIX веков // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 108—163.

10. Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 357—360.

11. Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839—890.

12. Волкова Т. Ф., Забродина Д. А. Печорские списки Чуда св. Августина об обретенном старце (в печати).

**ПРАЖСКИЙ СПИСОК «ИСТОРИИ О ГИШПАНСКОМЪ
КОРОЛЕВИЧЕ ФРАНЦЪ И О ПРЕКРАСНОЙ КОРОЛЕВНЪ
РАКСАНЪ ВЕЛИКОБРИТАНСКОЙ И АГЛИНСКОЙ»²**

PRAGUE LIST "STORIES ABOUT THE GISHPAN PRINCE FRANZ
AND THE BEAUTIFUL PRINCESS RAKSAN OF GREAT BRITAIN
AND ENGLISH»

Публикуется текст «Истории о гишпанскомъ королевиче Францъ и о прекрасной королевнъ Раксанъ» из сборника А 4 (собрание рукописей А. Д. Григорьева, Национальная библиотека Чешской республики, Прага).

Ключевые слова. *Севернорусские рукописные сборники, рукописные повести 18 века, событийный ряд повести, особенности авантюрного сюжета повести*

The text of "The Story of the Gishpan Prince Frantz and the Beautiful Princess Raksan" from the collection A 4 (collection of manuscripts by A. D. Grigoriev, National Library of the Czech Republic, Prague) is published.

Keywords. *Northern Russian handwritten collections, handwritten stories of the 18th century, the event series of the story, features of the adventurous plot of the story*

Севернорусские крестьяне издавна целенаправленно собирали и на протяжении многих десятилетий не только хранили в своих домашних библиотеках, но и переписывали множество произведений самых разных жанров, не только религиозные тексты (но их было большинство), но любые, какие оказывались в поле их зрения. По этой причине и рукописные повести, созданные в XVIII веке, хоть и редко, но также включались в сборники.

В собрании рукописей А. Д. Григорьева из Национальной библиотеки Чешской республики (Прага) хранятся книги из личной библиотеки семьи пинежан Верещагиных. В рукописных сборниках собрания помимо многочисленных религиозных текстов, житий и повестей есть и «Александрия», и «Повесть об Аполлонии Тирском» (А 10), и синоптическая редакция «Сказания о Мамаевом побоище» (А 1, А 3), и «Житие Петра Первого» Петра Крекшина (А 14), и «Хождение Трифона Коробейникова» (А 1, А 6) [1,

² При подготовке текста к публикации использованы материалы выпускной квалификационной работы студента Данканича Н. В. «История об Испанском королевиче Франце и о Роксане Великобританской»: своеобразие сюжетной организации и системы образов» (СГУ, 2020, научный руководитель М. В. Мелихов).

с. 668, 669, 671, 679, 680, 681, 682], и др. Есть в этой коллекции и сочинение одного из Верещагиных — Константина Яковлевича, который, автора записок о службе в российском флоте в 1797—1801 годах [1, с. 88—99].

В сборнике А 4 находится известная исследователям, но не изданная до настоящего времени «История о гишпанскомъ королевиче Францѣ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ» (далее: «История о Франце»). Она если и упоминалась в исследованиях, то без подробностей: обычно фиксировался сам факт ее наличия в сборниках [3, с. 63—64]. Большая часть текстов сборника А 4 традиционна для старообрядческих рукописей. Это «Страсти Христовы», апокриф «Хождения Богородицы по мукам», «Чудо святого Николая о ковре» и небольшие молитвы. «История о Франце» — единственное светское произведение в этой рукописи, составленной и переписанной пинежанином Василием Яковлевичем Верещагиным в самом конце XVIII века [1, с. 675—676]. В описи собрания А. Д. Григорьева значится небольшая, на 18 л., отдельная рукопись с «Повестью об испанском королевиче Франце и английской королевне Роксане» (А 11), тоже 18 века, но в наличии ее в библиотеке нет [1, с. 681].

Сюжет произведения несложный, событиями не богат и построен по схеме, в некоторых деталях совпадающей с другими рукописными повестями 18 века, например, такими как «История о гишпанском королевиче Евграфе и о португальском королевиче Александре», «Гистория о гишпанском королевиче Декоронии» и др. В семье испанского короля Фридриха много лет не было наследника, и только после молитвы жена короля родила долгожданного сына. Когда наследнику исполняется пять лет отец отдает Франца учиться сначала к «философам», потом назначает из своих верных вассалов воспитателя, рыцаря Ганцбеуса, который составляет специальную программу для дальнейшего обучения королевича. Ребенок отличается удивительным разнообразием талантов, но и скрытностью или скромностью: он втайне от всех самостоятельно выучился играть на арфе, с учителями изучил всякие «художества» и иностранные языки, он принимает участие в разных дворцовых «церемониях», знает философию, «гражданския права», поступает на службу в суд и за один год из младших писцов благодаря знанию законов получает «судейский ранг».

Когда же над Испанией нависает угроза иностранного вторжения и экономического разорения (к королю Фридриху приходит послание от английского короля, что Испания задолжала ему «дани» за много лет и что король Гордион в случае неуплаты задолженности пойдет «великою войною», «разорит ... столицу», а короля и его детей возьмет «во слугу»). Франц вызвался разрешить конфликт с королем Гордионом и выехал в Англию под именем приказчика Мемзелеуса у купца «из града Лебика именемъ Гранбѣхъ»

(так назался рыцарь Ганцбеус). Второй причиной поездки Франца в Англию стало то, что он увидел «персону (портрет — М.М.) Гариамовой дщери Раксани» и влюбился в нее. В Англии Мемзелеус покоряет своей игрой на арфе вначале короля, а потом и королевну. Роксана умоляет отца купить ей «оного молотца», король не может отказать дочери и покупает его. При дворе короля Гордиана арфист Мемзелеус делает стремительную карьеру: он назначается тайным советником, ему разрешено построить свой дом рядом с королевской резиденцией, он получает от короля щедрые дары и т.п. Параллельно развивается и любовная линия, в которой инициатива принадлежит королевне Роксане. Она неоднократно приглашает Франца на свидания, заставляя играть на арфе, подпавает и, наконец, переодевшись «девицей» из своей свиты пробирается в его дом, провожая после очередного застолья. На этом интригующем эпизоде текст повести обрывается.

Малограмотный переписчик «Истории о Франце» часто пропускал буквы, ошибался в написании не только иностранных, но и русских слов, писал одно и то же слово в нескольких вариантах. Так, например, слово «комплимент» написано и как комьпелемель, и как комплементь, слово министры написано как мистеры и как министры; по-разному могли оформляться имена героев: королева Персиля — королева Персилия, Парсилия; королевна Раскина — Раксана; Гориань — Гариань, Ганбъус — Ганцбъусь, Ранбърх — Гранбърх и т.п. В тексте есть слова, часть которых написана правильно, а часть (например, окончание) выглядит как бессмысленный набор букв. Например, в диалоге короля и его дочери Роксаны король отвечает дочери: «...просить злата весма много, столкуисе (столько — М.М.) у себъ не имею».

1. Савельева Н. В. Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., Дмитрий Буланин, 2003 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XIX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 2. 721 с.

2. Мелихов М. В. Записки о службе во флоте матроса с Пинеги К. Верещагина (по рукописи из собрания А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке (Прага) // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. № 4 (12). 2019. С. 88—99.

3. Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. М., Общество любителей российской словесности, 1888. 87 с.; он же: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1890. С. 194—276.

Мы благодарим национальную библиотеку Чешской республики за возможность работы с севернорусскими рукописями, хранящимися в фондах, и за разрешение копировать и публиковать севернорусские тексты.

Текст повести подготовлен к публикации по правилам, принятым в «Библиотеке литературы Древней Руси». Пропущенные писцом буквы выделены курсивом.

Текст публикуется в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРЛ по рукописи А 4 из собрания А. Д. Григорьева Национальной библиотеки Чешской республики. Пропущенные писцом буквы вставлены в слова и отмечены курсивом (философъ — философъ), буквы ѣ и њ на конце слова оставлены.

История о гишпанскомъ королевиче Францъ³ Мелзелъбусъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ Великобританской и Аглинской⁴

(л. 78) В Гишпанскомъ королевствѣ бысть король именемъ Фридрикъ, которой имѣлъ у себѣ жену, французскаго короля дочь, именемъ Парсилию и живяше с нею великомъ соборѣ и имѣя у себѣ множество дивления и другихъ вещей и всегда жизнь свою провождалъ в забавахъ и в великомъ веселии, токмо не имѣлъ у себя дѣтища и просиль у Бога, чтобы ему Богъ дароваль детища на покой старости его. Ушлышиль Богъ молитву его и дароваль ему сына, которому нарекъ имя Францъ королевичъ. Король же Фридрихъ для // (л. 79) рождения сына своего сотвориль у себя великое торжество и призываль к себѣ велможей и рыцарей и философъ и всехъ знатныхъ людей державы своя и нача с ними питии, яти и веселитися. И какъ столъ и отошелъ, тогда король повелѣ знатнымъ людямъ ити за собою в спальную полату х королевнѣ своя и показаль имъ сына своего, который его королевское величество прозравлѣя, а сына ихъ, Франца королевича, дарами от драгоценнаго камня и другими всякими разными вещами. И философи нарекли его быть мудра и обѣщали его научить философии и протчимъ наукамъ, которыми они сами искушени⁵, зело благодариль. И пошелъ ис спальной полаты в удобную палату, где оное торжество оправля. // (л. 79 об.) И пожаловаль всехъ велможей своихъ и протчихъ чиновъ людей овыхъ награждениемъ от злата, а иныхъ рангами повышениемъ. И было торжество⁶ велие во всей державе его по многи дни держали.

И какъ Францъ королевичъ приидѣ возрастъ пяти летъ, король Феридрихъ призываль к себѣ философи и рече имъ: «Возмите вы сына моего к себѣ и научите его наукамъ, которымъ вы сами искусна». Философи же взяша

³ Далее: и

⁴ Начало текста на с. 94 об.

⁵ В ркп: *искушение*.

⁶ Так в ркп.

Франца королевича к себѣ. И быль у нихъ в науке год и ничево у нихъ не научился. И тогда философи меж собою говорили: «Напрасно мы королю сказали, что Франць королевич будетъ мудр, ажно имѣ у насъ ничего не перенимаеть». И шедше к королю, совѣщаетъ: «Король! Мы сказали, что Франць королевичъ будетъ мудр, а онъ⁷ // (л. 80) у насъ ничего не перенимаеть». И шедше королю Фридрику, стали говорить: «Милостивой нашъ король Фридрикъ! Сынъ вашъ Франць королевичъ ничего у насъ не учитца, зная, что еще младъ зело». Король же Фридрикъ сталъ велми печалень и призвалъ к себѣ рыцаря Ганцьбѣуса и рече ему: «Милой мои Ганцьбѣусъ! Сыщи мнѣ таковаго человека, кто бы сына моего научилъ хотя⁸ грамоте, я бы тово велми пажаловать⁹»

Рыцарь же Ганцьбѣусъ отвѣщавъ ему: «Пресветлѣйший мои государь! Азь научу сына вашего!» Король же обѣщавъ ево пажаловать. Рыцарь же Ганцьбѣусъ взявъ к себѣ королевича Франца и учинилъ у себѣ полату зело пречудную, в которую пустилъ онъ Франць королевича // (л. 80 об.) разныхъ художниковъ. И велѣлъ Францу королевичу в те полаты пачасту ходить и никому не велѣлъ *смотреть*¹⁰, что онъ станеть делать. Франць же хождаше по полатамъ и смотря, что онъ делаетъ. И когда мастера пойдуть гулять, тогда онъ учился ихъ художеству, токмо весма остерегалъ тово, чтобы никто ево не видялъ.

А какъ прошло жития Франца королевича у рыцаря Ганцебѣуса три года, тогда Ганцебѣусъ призвалъ к себе мастеровъ и сталъ у нихъ спрашивать: «Что у васъ Франць королевичъ дѣлаеть?» Они же ему сказали, что Франць королевичъ у нихъ ничего не делаетъ, толко что смотреть. И единъ *от* нихъ, музыкантъ сказалъ: «Некогда я ходилъ с товарищи своими гулять и потомъ пошелъ в домъ вашъ. И какъ¹¹ подшелъ блиско к полате // (л. 81) и услышалъ игръ на арфе и посмотрелъ тихо: кто играетъ на арфе? И увидѣлъ, что Франць королевичъ, и такъ чудесно хорошо, что хотя бы и мастеръ такъ игралъ. И какъ я вышелъ в полату, тогда онъ арфу покинулъ. И я ево просилъ, чтобы изволилъ играть, и онъ мнѣ сказалъ, что «Я играть не умѣю». И Ганцьбѣусъ услышалъ сие, велми возрадовался. И призвалъ к себѣ Франца королевича и сталъ ему говорить: «Возлюбленной Франць королевичъ! Хочеша ли играмъ какимъ или художеству?» Онъ же ему *отвещавъ*¹²: «Благодарим на твоёмъ слове, а уже я художествамъ всякимъ научился, точию прошу васъ: пожалуй, научи меня грамотѣ». Рыцарь же Ганцьбѣусъ

⁷ Так в ркп.

⁸ Далее в ркп: нашель.

⁹ Далее: насъ

¹⁰ В ркп.: спорить,

¹¹ Далее: как и

¹² Далее: и

учинилъ у себя в техъ палатах школу французскаго, немецкаго языка и велѣлъ ему быть во всякой школе по два часа, в томъ числѣ в тоицимъ церемониях своихъ.

// (л. 81 об.) А как Францъ королевичъ сталъ ходить в школы учитца всякимъ мудростямъ и неотступно и на учению себѣ принуждалъ, также на прежняя художества бе свободныя часы, прибѣгалъ. И зделалъ себѣ арфу зело чудну и протчия музыкальныя стументы из драгаго древа. И украсилъ ихъ златомъ и драгимъ камениемъ, на которыхъ никто ни возмогъ ... судити ценою. И какъ в томъ науки минуло ему три года, Францъ королевичъ сталъ просить у рыцаря Ганцъбѣусъ: «Милой мой Ганцъбѣусъ, спреси учителей моихъ: довольно ли мной признавають в наукахъ? Тепере прошу: пожалуй мне дай знать гражданския правы». Ганцъбѣусъ призвалъ учителей своихъ и сталъ спрашивать: «Довольно ли вы признаваите Франца в наукахъ?». Учители ж отвѣщавъ ему: «Не токмо Францъ королевичъ доволенъ нашей науке буду васъ¹³, // (л. 82) но философе некоторую часть знай, а у кого онъ учился, тому не знаемъ». Тогда рыцарь Ганцъбѣусъ велми наполнился радости и оныхъ учителей удовольствовалъ дарами¹⁴. И по прашению Франца королевича учинилъ у себя полату зело чудну и пределилъ чудну, мудра, искусна и мене перва и протчих гражданския правъ полное число чинов. А Франца учинил младшимъ писцомъ и велѣлъ ему присматривать и какъ приговоры гражданския во всякихъ делахъ поданыхъ своихъ. И по прешествии месеца усмотрель судия, что Франца королевича зело искусень в делахъ и пожаловалъ ево чиномъ. И в одинъ годъ дошелъ королевичъ // (л. 82 об.) Францъ самаго судейскаго рангу. Фридрику сие есть (...)

И рыцарь Ганцъбѣусъ пришелъ к Францу и сталъ у него просить суда на короля Фридрика, отца ево: в прежняя лета король Фридрикъ взялъ у него местечка под мафурныя¹⁵ заводы, зано¹⁶ ему изволилъ просить короля¹⁷ в сию полату, а сужду с ними¹⁸.

И Ганцъбѣусъ пошелъ к королю и, пришелъ, отдалъ ему комьпелемель¹⁹ по обычаю и сталъ ево просить: «Милостивейши государь король Фридрикъ! Прошу вашего величества пожаловалъ ко мнѣ завтрешного числа, понеже я имѣю великую радость: жена моя Винфида понесла во чреве своемъ младенца и для того, дабы я посещениемъ вашего величества возымель себѣ веселие, где сына Франца королевича узришь пред собою».

¹³ Далее одно слово неразборчиво

¹⁴ Далее: *и прс*

¹⁵ Так в ркп. *мануфактурные?*

¹⁶ Так в ркп.

¹⁷ Далее одно слово написано неразборчиво. Возможно, *пожаловать*

¹⁸ Так в ркп.

¹⁹ Так в ркп.

Король // (л. 83) Фридрихъ по прошению ево обѣщаль к нему быть скоро лето. Рыцарь же Ганцѣбѣусъ пошелъ в домъ свой с великую радостію. Пришелъ, велѣлъ готовить к пиру²⁰ доволно, а Францу королевичу сказалъ: «Какъ будетъ ко мнѣ отецъ твой король Фридрихъ, придетъ к тебѣ в полату»²¹. Францъ же королевичъ отвѣщавъ ему: «Точию изволте объявить, когда отецъ мой придетъ в домъ твой».

В утри же день король Фридрихъ приехалъ в домъ к рыцарю Ганцѣбѣусу, възпріялъ его с великою честию, яко же обычай. И когда король вшелъ и в столовую полату, тогда рыцарь Ганцѣбѣусъ²² послалъ ко Францу королевичу пажа своего и велѣлъ ему сказать о приезде отца его. Пожде, пришелъ ко Францу королевичу и сказалъ ему по велиению рыцаря его. Францъ королевичъ (л. 83 об.) // приказалъ своимъ поданымъ убратца чесно и сидеть всякому у своего дѣла. Потомъ король Фридрихъ сталъ спрашивать Ганцѣбѣусъ про сына своего Франца королевича. И рече ему: «Милой мой рыцарь, покажи мне сына моего Франца королевича, иже я его не видалъ осмое лето». Рыцарь же Ганцѣбѣусъ отвѣщаль ему, что Францу королевичу в семь часе к вамъ быть никакъ не можно, понеже он смотритъ своего дѣла. Король же Фридрихъ рече рыцарю: «Ганцѣбѣусъ! Покажи мнѣ, где онъ пребывая, азъ самъ пойду к нему». И восталъ от места своего и взялъ собою несколько²³ ближнихъ своихъ и пошелъ в полаты ко Францу. И какъ пришедъ в полаты, не могъ познати его. Францъ ж, видевъ отца своего, востал изо стула²⁴ и отдалъ ему должную честь, яко же обычая. Король же Фридрихъ спросилъ его: «Господине мой, где сильный сын мой // (л. 84) Францъ королевичъ, укажи мнѣ» Францъ же сказалъ ему: «Изволь сидѣть у насъ, мы вашему величеству сына вашего Франца покажемъ потомъ, се бо вамъ места». И велѣ сискати суплику²⁵ рыцаря Ганцѣбѣуса, сталъ говорить: «Наяснѣйши король Фридрихъ проситъ на ваше величество некто *от* рабовъ твоихъ — рыцарь²⁶ Ганцѣбѣусъ. В прошлыхъ годѣхъ изволилъ ты взять у него местечко под нами, а награждения никакова ему не учинилъ». Король же отвѣщавъ ему: «Господине! Местечка я у него взялъ и за оное заплатилъ ему с лихвою и уже ему многія грады даль²⁷ злата и сребра, токмо много, что исчислить невозможно, а ныне я не имѣ видать сына своего Франца немалую нужду,

²⁰ Далее: *готовить*

²¹ Далее: *и ты*

²² Так в ркп.

²³ Далее: *о*

²⁴ В ркп.: *стулала*

²⁵ Так в ркп. Возможно, *супругу?*

²⁶ В ркп.: *рыцаря*

²⁷ В ркп.: *вдаль*

объсвовать²⁸ мнѣ некогда». На что Франць королевичъ ему сказал: «Не подобает // (л. 84 об.) вашему королевскому величеству не выслушавъ дела и не дать резолюции ити вонъ от насъ, а что изволишь говорить, быть то рыцарю Ганцьбѣусу заплатилъ с лихвою. И в томъ призываю ваше величество в неправости, понеже Ганцьбѣусъ объявилъ намъ о вашего величества данные на те грады жалованья грамоты, а в нихъ тово иснаписано, что пожаловали вы ево теми градами за взятие у него местечко».

Король же рече к нему: «Господинѣ, повелѣ²⁹ же ми: кто еси и ты и коего града суца, а правы гражданския имѣешь в голове свои крепко и оного обучился сему, воистино празнав же тя быти // (л. 85) не простаго роду». Франць же отвѣщавъ ему: «Азь есмь художниковъ разнихъ художествъ, о имени моемъ скажетъ вашему величеству сынъ вашъ Франць королевичъ, когда я ево пред васъ преставлю. А нынѣ изволите ити и в столовую полату, а сынѣ вашъ Франць королевечъ имѣетъ некоторую нужду и в скоромъ времени до вашего величества будетъ со мною и для увеселия вашей королевской персони и королеви Персиллии».

Король же, пришедъ в столовую полату, нача весма на рыцаря Ганцьбѣусъ гневатца, что ввель ево в тайной стыдъ, понеже онъ Франца Королевича мнилъ, что онъ иностраной человекъ. Рыцаръ же велель Францу Королевичу прислать дѣло с пажемъ своимъ именемъ Ведларго. Франць королевичъ послалъ // (л. 85 об.) то дело, а в томъ делѣ пишетъ: «Мой предрагий славный рыцаръ Ганцьбѣусъ! Прошедшее лѣто философ и Бринга отецъ ездилъ гулять с юношами своими и заехалъ от града далеко, и былъ весма голоденъ и наехалъ домъ деда моего. И велѣлъ поймать курицу, которая сидѣла на яйцах, имѣла у себя 23 яйца. И дедъ мой у того Брингова отца просилъ за оную курицу 23 цыпеника³⁰, которыя послѣ той курицы пропали. И онъ ему платы не далъ и дед мой бил челомъ на него по гражданскому судиѣ, в которомъ суде на него же нѣ дали и по той суплини³¹ следавали мы присудили таже видлу³² с философи и рифы за курицу. И взя цыплить за приплодъ суда того. // (л. 86) С числа с того времени на всякий год о всякова цыпленика по 23 цыпленика под³³ да закладное терпеливаго дела моего и дабы ево взять». И когда то дело принесли рыцарю Ганцьбѣусъ, тогда онъ сталъ говорить: «Король Фридрикъ, милостивый король Фридрикъ! Былъ у менѣ суд за несколько лѣтъ: у раба моего Видла взялъ рыцаря вашего госу-

²⁸ Так в ркп. Возможно, *беседовать*

²⁹ Так в ркп. Возможно, *поведай*

³⁰ Так в ркп.

³¹ Так в ркп.

³² Так в ркп.

³³ Слово неразборчиво: жииць

дарьства курицу, и рай³⁴ мои просиль у него за оную плату. И егда ему не давали и мнѣ помяни³⁵ того рыцаря за оную курицу и за приплодъ осуждень в числе 7000000³⁶». Король же Фридрикъ слыша о Ганцбѣуса и рече ему: «Аз бы сего судию, кто тако не прав судия, // (л. 86 об.) велѣль смертию казнить». Рыцарь же Ганцбѣусъ даде то дело королю, король же Фридрикъ высмотрель то дело и зело подивился разумомъ сочинению того дѣла и велѣль преставить судию двора ево. И какъ Францъ королевичъ пришедъ во столовую полату, и одалъ компѣментъ по обычаю тоже. Король Фридрикъ сталь ему говорить: «Господине мои, просиль я вас, чтобы ведать о имени вашемъ и ты мне сказалъ, что пойду сыномъ вашимъ Францомъ королевичомъ, и он вамъ обо мнѣ объявить³⁷, а нынѣ я васъ вижу единого суда пришедша». Францъ же королевичъ отвѣщавъ: «Азъ есть царства и державы вашый имѣнемъ Францъ, нарицаю — сынъ рождения вашего величества». Тогда король Фридрикъ, тако же и королева Персиля исполнишася радости и начаша сына своего любезно лобызати, а рыцаря Ганцбѣуса пожаловаль многими дарами и прочими драгоцения // (л. 87) и прочими драгоценными вещами, поидеша в домъ свой и со Францомъ королевичомъ с великую радостию.

И по малыхъ днехъ король Аглеския земли именемъ Гордионъ прислалъ посла своего во Гишпанию королю Фридрику з грамотою, в которой написано тако: «Благоволи Богъ нашъ. Гишпанския земли владѣтельный король, повелѣваю вамъ: некогда отецъ твой отцу моему обѣщаль дань давать, которой не брано и до сего времени. По сей год прія нашему величеству и в прежнѣмъ³⁸ иное старания имея, чтобы не запустилъ, отчего вашей малой державе нѣ прити во всеконечную скудости, а ежели того нѣ учинишь, то пойду на тебя великою войною и разорю твою столицу, а тебя и детей твоихъ возму во слугу, повесилюся, великой державы король³⁹ // (л. 87 об.)... мои король и государь мои Великобритании и другихъ многихъ земель, граждански самодержецъ Гардионъ, первый король».

И какъ пошелъ, пришелъ в Гишпанию, вшел в посолскую полату, посолство бояровъ и грамоту королю Фридрику вручилъ. Король же повелѣль ею предъ собою чести. И какъ ту грамоту прочли, тогда король Фридрикъ велѣль послу тому ответъ посолской дворъ и вѣлелъ ево проводить с честью, яко же обычаи, а самъ, собравъ⁴⁰, и нача совѣтатъ, какъ послу отвѣтъ

³⁴ Так в ркп.

³⁵ Так в ркп.

³⁶ Далее словом: *миллионахъ*

³⁷ Так в ркп.

³⁸ В ркп.: *в прежнѣмль*

³⁹ Далее три слова неразборчиво

⁴⁰ Слово неразборчиво *ко мне улимъ*

дать. И министр ево присоветавали ему, что лутче королю Годиону дань давать, нежели с ним воину имѣть. Франць королевичь сказалъ всемъ министрамъ: «Правда, советъ вашъ благъ для того, что ежели король Гардионъ Викобританский вмѣсто дани же посла бы взять женъ вашихъ в работницы, каковы вы рядили?». Министры же отвещаша: «Кто не жалѣетъ своего тела, то самъ себя убийца нарицаемъ». На что Франць сказалъ: «Всѣ, господа министры, сие вы разумѣли, право, а того не могли расудить, что дань платить нѣ вамъ, но всему государству. И не будет ли в томъ разорения подлomu люди? А когда женъ вашихъ взяли, то бы единожды учился, а не по вся годы и народу, нежели бы было вашихъ женъ, тако же. Какъ вамъ дани в своемъ богатствѣ, а хотя бы васъ самихъ отдать, то бы можно такихъ ж выбрать, а какъ ити много, такъ подлыхъ людей разоримъ, то уже у насъ быть нечего. Я советую так, что посла опустить с честию и просить сроку, а самимъ писать манархомъ и просить у⁴¹ нихъ совету и поможения того ради». Король же Фридрикъ и протчия советники похвалили совѣтъ Франца королевича и министры на то // (л. 88 об.) склонились и подписали все руками своими. И посла того опустили счестью, и сказали, что «пришлемъ до васъ скоро совѣтомъ своимъ».

Потом Франць королевичь сталъ просить у отца своего короля Фридрика, чтобы посломъ послать ево во Аглию в образѣ некоторого министра. Король же, не ведая ево мысли, отпустилъ ево посломъ. Франць же королевичь имѣлъ у себя персону Гариамовой дщери Раксани королевны, которая еще была возрасту 15 летъ и красотою своею прочихъ превосходила⁴² прекрасныхъ девиць. Франць же королевичь всегда помышля: «А какъ бы могъ видеть ея!», понѣже сердце ево всегда об ней горело⁴³. И нача совѣтовался с рыцаремъ Ганцьбѣусомъ, // (л. 89) и умыслили взять собою 3 карабля торговыя с товарама и другихъ вещей, и назвались купцами, а посолство утаить, и чинили тако. И какъ прибыли во Англию, тогда рыцарь Ганцьбѣусъ назвалъ себя купцомъ, а Франца королевича прикащикомъ своимъ и пришедь королю з дарами. Король же Гардианъ принель ево честно и велель ему торговать, а того не знахъ, что онъ гишпанския земли рыцарь, потому что сказался купцомъ из града Лебика именемъ Гранбѣхъ, а Франца назвалъ Мемзелеусомъ.

И когда к нимъ приезжали на карабли многихъ чиновъ людей и оныя знатныхъ персонъ часто принимали и много с нимъ разговоръ имели, такоже и довольно веселилъ музыкаю, понеже Франць королевичь зело искусень во всякихъ играхъ и ахоту имѣетъ немалую. В какие день король Гордианъ со-

⁴¹ В ркп о

⁴² Далее: *прево*

⁴³ В ркп.: *горела*

творилъ великое веселие, на котормъ // (л. 89 об.) были все ево министеры и кавалеры, тако же и знатное купечество, какъ свои, такъ и иностранья. И по отшествии стола велель король Гордианъ музыкантомъ своимъ играть, тако же и ковалеромъ своимъ тонцевать. И тогда х королю Гордиану пришед фертмаршель ево именемъ Рынальдъ и сталъ ему говорить: «Милостивой государь нашъ король Гордианъ! В прошедшыя дня былъ⁴⁴ на лѣхнихъ торговыхъ карабляхъ и купецъ Грандѣрхъ принялъ меня с великую⁴⁵ честию и не яко данное⁴⁶ купечество, яко неки королей, и виделъ я у него прикащика имени⁴⁷ Мемзелѣусъ, которой зело горазъ играти на арфи такое и на продчихъ разныхъ музыкахъ. Такое и лицом // (л. 90) собою весма прекрасен». Тогда же король Гордианъ к Ранѣрху сталъ ему говорить: «Господине Гранѣрхъ, прошу васъ велии призвать прикащика своего Мемзелѣуса со арфою, понеже я слышав, что онъ великой мастеръ играть на арфе, и мы посмотримъ, какъ онъ противъ моихъ музыкантовъ играетъ». И Гронѣрхъ послалъ по Франца слушителя своего и велѣлъ Францу приити с арфою и з другою музыкаю.

Когда Франць королевичъ пришелъ в пировалную полату и одалъ королю Гордиону и всемъ министрамъ [*поклон?*] зело хитро. Король же Гордианъ сталъ говорить: «Господинъ Ганѣусъ! Прикажи Мемзелѣусу играть и тонкимъ гласомъ воспѣвать». // (л. 90 об.)

Гранѣрхъ же повелѣ ж Францу играть, и какъ Франць играетъ, тонкимъ гласомъ припѣваетъ. Тогда король зело подивился, тако же и всѣ кавалеры и жены ихъ прекрасны, и девицы, и зело на красоту ево сердцемъ распалися. Ганѣусъ же егда симъ усмотрель, тогда запретилъ ему играть, в то же время из пристоящихъ едина девица пошла королевское разгнать и стала ей сказывать о Франце королевиче, про красоту лица ево, и про учливы поступки, и про музыкаское умение. Тогда ж королева Раксана поиде в пировую полату ко отцу своему и нача просить у отца своего, чтобы призвалъ Мемзелѣусу играть на арфе. // (л. 91)

Король же Гордионъ сталъ говорить Мемзелѣусу: «Друже мои Мемзелеусе, и поиграй на арфе». Тогда королева Раксана распалися любовию к нему, смотря на красоту Францову. И какъ Франць королевичъ играть перестал, тогда король Гордионъ повелѣ играть своимъ музыкантамъ, Францу приказалъ танцевать с кавалерскою женою. И как сталъ Франць королевичъ тонцевать, тогда же королева Раксана наипаче распалилась любовию к

⁴⁴ Далее слово неразборчиво: подоания

⁴⁵ Так в ркп.

⁴⁶ Далее: *въ*

⁴⁷ Далее в ркп.: *ю*

нему, и когда танцевать перестали, тогда девицы помеж собою говорили: «Дай богъ всякой девице такой женихъ, какъ еси музыкантъ».

По много времени веселися, // (л. 91 об.) разъежатца по домамъ своимъ, тогда Ганбѣусъ со Францомъ поехали на карабле своемъ.

Как все разъехались, тогда королевна пришла ко отцу своему, королю Гардиану, и нача любезно ево целовати и глаголати: «Милостивой мой государь, татюшко король Гордианъ! Много ты при себѣ имѣешь рыцарей и прекрасныхъ юношевъ, а нетъ такова забавного молотца, какъ Гранбѣрхавъ, прикащикъ Мемзелѣусъ. Того ради покорно прошу⁴⁸, милостивой государь батюшко, купи оногo молотца для вашей забавы, такоже и моей».

Король же Гордианъ поутру призвав⁴⁹ // (л. 92) к себѣ Ганцѣбѣуса, сталь ему говорить: «Славны полностью⁵⁰ купецъ Ганбѣрхъ, не оставь моего прошения в ту, о чемъ васъ буду просить. Есть у тебѣ тавар, а мнѣ онъ зело нравень, пожалуй, уступи мнѣ, за что аз ти всячески воздамъ». Ганцѣбѣусъ же атвѣщавъ ему: «Милостивой государь король Гордианъ, есть у меня некоторы товары, куплены по приказу министровъ нашихъ, о которыхъ уже я и писалъ до ихъ благородия, и те я вашему величеству уступить не смѣю, токмо прошу о чем про избави вашего величества». Король же Гордианъ сталь ему говорить: «Уступи мне Мемзелеуса, а за то ти приезжай в мое государьство торговать бес пошлины». На что Ганбѣусъ // (л. 92 об.) отвѣствовалъ ему, что «Я того вашему величеству уступить не смѣю, понеже Мемзелеусъ содержать мое купечество⁵¹ и не щитать много летъ». На что король отвѣствовалъ ему: «Возми ты у меня за него 7000 залата, а для щету я ево к тебѣ отпущу». На что Ганцѣбѣусъ отвѣствовалъ ему: «Милостивой государь король Гордианъ, прошу у вас: дай мнѣ в томъ делѣ сроку подумать и Мемзелѣусомъ, понеже когда я ево в услугу принялъ, тогда далъ ему такой». Король далъ, что ево никому не продавать и неково не дарить, а какъ Ганцѣбѣусъ былъ у короля, тогда королевна Раксана призвала к себѣ маршалска своего и посла ево ко Францу, мнимому Мемзелѣусу, приказала ему карабли и прикащику // (л. 93) Гранбѣрхъхову именемъ Мемзелѣусу, и попроси ево от менѣ, чтобы онъ пошел служить ко отцу моему, обѣща ему от меня сто тысяецъ златыхъ. Маршалка же пришедъ ко Францу и сталь ему говорить: «Господинъ Мемзелѣусъ, присла менѣ до васъ милостивая и наша королевна⁵² Раскина⁵³ и велѣла просить, чтобы ты пошелъ служить к отцу⁵⁴

⁴⁸ Далее в рук.: *милось*

⁴⁹ Далее в ркп.: *у*

⁵⁰ Так в ркп.

⁵¹ Так в ркп.

⁵² В ркп: *корорелевна*

⁵³ Так в ркп.

⁵⁴ Далее: *я*

королю Гордиану, за что обѣщаетъ вамъ пожаловать сто тысящъ злата». Франць ж отвѣща ему: «Государь мой, к чему такъ мя искушаешь? Азь не такой рабъ, какъ ты, хотя бы королевна ваша обещала и половину царства своего отдать, и тутъ бы я без воли господина своего не пошелъ, а вотъ злата у меня и своего доволно».

Маршалска⁵⁵ же, // (л. 93 об.) выслушавъ Францовы речи, поклониса, пошелъ от него и, пришедъ х королевны Раксане, сказалъ ей вси подробно, что Франць королевичъ сказалъ.

И какъ Ганцьбѣусъ пришелъ от короля на карабъ свой и сталъ говорить Францу: «Милостивой государь мои Франць королевичъ, король Гордианъ у меня васъ торгуетъ. Вы какъ о томъ воблаговолили?» На что Франць сказалъ ему: «Ежели король станеть прилежно торговать, то изволь продовать, толко цены меньше нѣ бѣри, какъ мѣне отсыпай стоячево червоными». И во утри день Ганцьбѣусъ пошелъ х королю. И пришелъ, сказалъ, что Мемзелеусъ продать одумаль толковать цены меньше не возмутъ, какъ опыпсыпать⁵⁶ ево стоячево черворными⁵⁷. // (л. 94)

И как король услышалъ сие о Ганбѣуса, тогда пошелъ х дочери свои королевне Раксане и сказалъ ея, что Ранбѣрхъ за Мемзелѣуса просить злата весма много, столко⁵⁸ у себѣ не имею». Королевна же нача отца своего любезно целовати и стала у него просить: «О предражаишии мои очи, славный король Гордианъ, или для меня, бѣдной, учинить сего не изволишь, азь вамъ совѣтуию⁵⁹ злата взять у знатныхъ купцовъ, а за сию вещь заплатить, а я же впрет ни⁶⁰ о чемъ у вашего величества просить, а буду толко покорно васъ, родителя своего, мнѣ не оставить сего прошения моего». Король же Горианъ прошению дочери свои обещалъ учинить, понеже весма любяще ея и пришедъ в переднею полату и сказалъ: «Ганбѣусъ, изволь // (л. 94 об.)...

(л. 95) На что Франць королевичъ сталъ ему говорить: «О милой мой рыцарь Ганбѣусъ, какъ ты за меня злато возьмешь, то поезжай во Франць с караблями, такоже и во другия государства и удовольствуй тамо обретающихъ разыде и тоже дворами, что о⁶¹ чемъ я нимъ писать, чтобы онъ меня не оставили».

И во утри день осутщающему свѣту, тогда Франць королевичъ наредил-ся в платы драгоценной и взялъ за собою исрументы разныхъ музыкъ, и пошелъ з Ганбѣусомъ к королю Гордиану. И какъ пришли в переднюю пола-

⁵⁵ Так в ркп.

⁵⁶ Так в РКП.

⁵⁷ Так в РКП.

⁵⁸ В ркп: *столко у ися*

⁵⁹ Так в РКП.

⁶⁰ Далее: *хъ*

⁶¹ В ркп: *от*

ту и отдаша комплементъ по обычаю, тогда король велѣль принести злата довольно и поставилъ Франца среди полу и осыпаша златомъ. Ганбѣусъ же то злато // (л. 95 об.) взялъ и пошелъ на карабли свои. Король же отпустилъ ево с честью, весьма ево любилъ и жаловалъ. И когда палима была к нему любвию и говорила ближней свои девице: «Ежели бо былъ Мемзелѣусъ чеснаго роду, то бы я зело желала имѣть ево себѣ законнымъ мужемъ».

И по неки дняхъ король Гордианъ присмотрелъ Франца королевича во всякихъ делахъ зело искусна и пожаловал ево своимъ тайнымъ советникомъ и еще пожаловалъ ему 3000 тысящъ златыхъ и велѣль ему построить домъ противъ своего каралевскаго двора. Францъ же королевичъ за показаную от короля милость весьма благодарилъ и приказу короля своего построилъ себе домъ и украсилъ мраморомъ и фигурами златыми зело дивна. Также зделал себѣ спальную полату, в которой учинил // (л. 96) степени от драгаго ценнаго мрамора и убрана многими мудрыми фигурами и драгими камениемъ, в которой поставлена кровать зело хитро сотворена и с костию слоновыхъ и украшена драгимъ камениемъ, завеса была здѣлана и стену красного злата. И какъ тѣ полаты строениемъ окончались, тогда⁶² Францъ королевичъ нанель себѣ в оуслужение июношев зело прекрасныхъ, которымъ на каждой мѣсѣць давалъ жалования по 12 червоныхъ. И определилъ имъ король, чтобы имъ з двора никуда не ходить. Также и в полаты неково не пуцали. И какъ все устроилъ, тогда пошелъ к королю Гордиану, и когда пришелъ в полату и отдалъ комплементъ по обычаю и стал доносить королю Гордиану учтивыми словами: «Сие по приказу вашего величества домъ себѣ построилъ». На что король ему отвѣщавалъ: «Милѣишии мои // (л. 96 об.) советникъ Мемзелѣусъ, я к тебѣ буду для смотра полать твоихъ, а чтоб для посещения». На что Францъ отвѣствовалъ ему: «Милостивый государь король Гордианъ, тогда ваше величество просилъ, буду к себѣ, когда взыщу невѣсту в те полаты. А нынѣ ваше величество не прошу по маломъ же времени». Король Гордианъ призвалъ к себѣ фелтъмаршала своего Гарна и приказалъ ему быть готову к маршу и собою приказалъ взять войска своего 7000. Горнъ же был у государя своего и услышавъ от него, приказалъ нача собиратца в марш.

По отшествии же Горнобѣрхъ король призвалъ к себѣ советника своего Франца и нача с ним советовать, какъ бы послать фелтмашала Гордна во Гишпанию ево и с нимъ, на что Францъ королевичъ отвѣствовалъ: «Милостивый нашъ государь король Гордианъ, вчерашнего числа получилъ я из Орнацыи⁶³ авизи⁶⁴ и в домъ свои, в которыхъ пишутъ, что король Гишпан-

⁶² В РКП.: *торга*

⁶³ Франции?

⁶⁴ Далее в ркп: *брызы де*

ския земли имѣть у себе войска своего, заняль у короля порту // (л. 97) гальскаго, да у шаха⁶⁵ персицкаго, и войскаго у него и будетъ к намъ на границу⁶⁶. Да еще же и царева с вашимъ величествомъ жалаеть объявить воину, а имѣють у себя войска 500000». И вручил ему фалшивия авизи⁶⁷, которыя онъ получилъ черезъ подарки о французскихъ⁶⁸. И какъ король прочель те авизии и весма сталъ⁶⁹ сумнителень. Франць же нача советовать ноческий⁷⁰: «Король, не имѣй в семь сумнения. А вамъ совѣтъ свой предлагающе, имаши послушати мя. Изволь приказать пока поставить на границы, а о семь увѣдомитца подлино». Тогда король Гордианъ призвалъ к себѣ своихъ министровъ и объявилъ имъ те авизи, на что министеры посовѣтовали тако же, как и Франць королевчъ. Король же по ихъ совету быть тако соизволилъ.

И по некихъ дняхъ случися у короля Гордиана велие торжество, на котормъ довольно веселися с министрами // (л. 97 об.) своими. И по отшествии стали говорить королевна Францу королевичу: «Милой нашъ советник Мемзелеусъ, ты насъ забавляешъ три часа, а я тебя ничемъ не пожалую». И, взявъ рукамъ з драгимъ напитокомъ и поднеси ему про здоровье отца своего короля Гордиана. Франць же королевичъ отвѣтствовалъ: «Ей, милостивая государыня персиска⁷¹ королевна Раксана, сего азъ пития от рождения моего не пью, что же вторично принуждаше пить его». На что и король Гордианъ сказалъ: «*Выпей*, Мемзелѣусъ, от сего тебѣ никакой вреды не будетъ». Франць же принялъ и для королевскаго зравия выпилъ и сталъ быть весель.

И в оное время прошло жития⁷² Франца королевича у короля Гордиана 3 года и шесть месецевъ род... Королевна Раксана зело тому была радосна, что Франць королевичъ сталъ пить всякия пития, от сего можетъ быть весель, понеже весма любовию⁷³... и всегда желала // (л. 98) мыслию, что ево имѣть себѣ законнымъ мужемъ. И потомъ пошелъ, и полаты отца своего в спалную⁷⁴ полату приказала Франца королевича себѣ призвать. И какъ Франць королевичъ к ней пришелъ в покои, тогда королевна Роксана паки наливъ по насъ⁷⁵ и выпилъ и паки сталъ быть весель паче прежнего. Королевна же приказала ему играть, на что Франць ей отвѣствовалъ: «Я пьян и играть не могу!»

⁶⁵ В РКП.: *ша*

⁶⁶ Далее: *ского*

⁶⁷ Далее: *за*

⁶⁸ Далее: *разыде и тово*

⁶⁹ Далее: *уче*

⁷⁰ Так в ркп.

⁷¹ Так в РКП.

⁷² Далее в ркп: *и*

⁷³ Далее: *палитаному*

⁷⁴ РКП: *спалую*

⁷⁵ Так в РКП.

Раксана королевна нача ево спрашивать: «Милой мои Мемзелеусъ, скажи: какова роду? Азь⁷⁶ тебѣ признаваю, что ты не простаго роду». На что Франць королевичъ отвѣтствовалъ: «Ей, милостивая государыня королевна Раксана, нынѣ я за великомъ пьянствомъ своимъ поведати не могу! Точию прошу вашего величества прикажи меня проводить до дому и снестъ за мною инструменты различные». Тогда королевна приказала ево проводить от предъстоящихъ одной девицы.

Франць королевичъ // (л. 98 об.) отдалъ ея комплементъ по обычаю и пошел до хватеры свои. Девица же, проводивъ ево до вратъ, и стала ему говорить: «Господинъ Мемзелеусъ, есть ли кому у васъ принять?» На что Франць королевичъ сказал ей: «Хотя истъ кому принять, токмо явись, прошу, посмотреть моихъ покоев же и бесшестыя я вам никакова ни сотворитца». Девица же вшедъ на дворъ. Тогда Франца королевича встретили ево пажи и вели ево в полату, тако и девицу, которая ево проводила. Девица же полатному⁷⁷, всякому в нихъ убраству зело удивилась. И потом Франць королевичъ отдалъ ей червоныхъ, отпустилъ ея с честью. Девица же пришедъ х королевне и сказала ей о Франце королевиче все и подробно, отчего королевна Раксана нача мыслить, какъ бы ея самой посмотреть домъ ево же.

Франць же королевичъ всегда хождише х королю и зело в любви у него прошаше в ней⁷⁸ время. // (л. 99) Королевна Раксана в бытность Франца напоила ево пьяна и послала за нимъ для увеселия арфы, и хотя паче от нея ведать в полатномъ ево убранстве истиную правду. Франць же королевичъ пришелъ свои полаты и подарилъ девицу и по⁷⁹...червоныхъ и проводилъ ея с честью. Девица же пришедъ х королевне Раксане и поведала ей о полатном строении и о всякомъ фигурамъ и какъ Франць королевичъ принялъ ея с честью.

Королевна же наипаче мыслииу⁸⁰ свою дела: какъ бы владеть домъ еше персонално. И поведат оную свою мысль ближной своей девице, на что девица отвѣтствовала: «Ей, милостивая государыня королевна Раксана, еше меня изволишь послушать, истинное желаемое вами получишь и не можешь познана быть⁸¹ Мемзелеусомъ сицевымъ образомъ, понеже есть у вашево величества девица персонию весма подобна тебѣ и мы ея⁸² ваше платье. // (л. 99 об.) И веле имъ Мемзелеуса напоить пьяна и послать тебя за нимъ для

⁷⁶ Далее в ркп.: *я*

⁷⁷ Далее в ркп: *стрemi*

⁷⁸ Так в РКП.

⁷⁹ Так в РКП.

⁸⁰ Так в ркп.

⁸¹ Далее: *мезъ*

⁸² В РКП: *надаримъ*

увеселия ево арфы». Королевна же Раксана похвалила ея советъ и того же часу искать сѣ подобнаго времени, какъ бы ея быть в домѣ ево не имѣиу⁸³.

И некогда случилось королю Гордиану ездиль гулять в поля. В то же время королевна, призвавъ к себѣ Франца королевича со арфою и велела ему играть, и, взявъ покаль, наливъ крепко напитоковъ и поднесе Францу и чтобы онъ выпилъ про здравие. И Франць не могъ отговорица, принявъ покаль, выпилъ про здравие, отчего сталъ быть весел. Тогда королевна Раксана вышла в другую полату, нарядила оную девицу во свое платье, чтобы она послала еи за Францомъ для снесения ево арфы. И какъ она девица вышла в полату вмѣсто королевны Раксаны, то Франць королевичъ еи позналъ и думалъ, что, конечно, сие не просто, сталъ нарочно // (л. 100) притворятци, чтобы зело по⁸⁴. И тогда девица ...

⁸³ Так в РКП.

⁸⁴ Так в РКП.

Информация об авторах

Барсегян Анна Ашотовна, соискатель кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, член Союза российских писателей. Екатеринбург.

E-mail: barrso@mail.ru

Бешикарев Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина».

E-mail: beshi@mail.ru

Бруцкая Людмила Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Филологические исследования духовной культуры Севера» «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Забродина Дарья Алексеевна, аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: darystka@gmail.com

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: melikhovm@mail.ru

Морозов Борис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, член Археографической комиссии РАН. г. Москва.

E-mail: b.n.morozov@yandex.ru

Розов Александр Николаевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: г. Санкт-Петербург.

E-mail: rosov@list.ru

Полетаева Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ОНИР Центральной научной библиотеки УрО РАН, г. Екатеринбург.

E-mail: helenpolet@mail.ru

Пунегова Галина Васильевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН, доцент кафедры коми филологии, финноугроведения и регионоведения «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: galina.syktsu@mail.ru

Пыстина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина».

E-mail: olga-pystina@yandex.ru